

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Осетинский государственный
университет имени К.Л. Хетагурова»**

На правах рукописи

ТОЛПАРОВА ДЗЕРАССА ВАЛЕРИЕВНА

**СИНТАКСИС ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МИРА
ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОЛЕКТА И. БАХМАН)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Дж.М. Дреева

Владикавказ – 2025

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Картина мира и идиолект творческой языковой личности.	
Теоретические аспекты исследования.....	21
1.1. Феномен картины мира в науке о языке.....	21
1.1.1. К вопросу о двойственной сущности картины мира художника слова. Поэтическая картина мира.....	23
1.2. Картина мира и элитарная языковая личность.....	27
1.2.1. Языковая личность. Языковое сознание. Индивидуальная и авторская модели мира.....	27
1.2.2. Элитарная личность как носитель оригинального языкового сознания. Особенности картины мира элитарной творческой личности	31
1.3. Картина мира творческой личности в контексте современных антропоцентрических тенденций в языкоznании.....	34
1.3.1. Психолингвистический подход к анализу поэтического идиолекта.....	34
1.3.1.1. Психические процессы и речевая деятельность индивида...	36
1.3.1.2. Дихотомия интроверсия / экстраверсия – исходный критерий индивидуально-личностной характеристики субъекта.....	39
1.3.2. Психологическая организация как маркер речевого поведения автора.....	40
1.4. Поэтический идиолект как отражение специфики образа мира элитарной языковой личности.....	43
1.4.1. Идиолект и идиостиль. К вопросу о конгруэнтности и дифференциации понятий.....	43
1.4.2. Поэтический текст как объект изучения лингвопоэтики. Особенности синтаксической организации поэтического текста.....	48
1.4.3. Доминанты как характерные черты идиолекта творческой личности.....	51
1.4.3.1. Грамматическая доминанта. К объему и сущности понятия	52
1.4.3.2. Идиостильевые доминанты как «фокусирующие компоненты» идиолекта автора.....	56
Выводы по главе I	59
Глава II. Особенности языковой репрезентации концептуальной картины мира в идиолекте И. Бахман.....	61
2.1. Поэтический идиолект И. Бахман как отражение особенностей ее концептуальной картины мира.....	61

2.2. Императив – вербализатор авторского волеизъявления и грамматическая доминанта идиостиля И. Бахман.....	64
2.2.1. Повелительное наклонение как средство манифестации специфики картины мира творческой языковой личности.....	67
2.2.1.1. Императив – медиатор воли автора.....	68
2.2.2. Императив и его формы в немецком языке. Семантика императивной модальности.....	72
2.3. Императив в идиолекте И. Бахман как форма репрезентации ментальной сферы элитарной языковой личности в поэтическом тексте	82
2.3.1. Синтаксический параллелизм – интенсификатор побуждения.....	84
2.3.2. Парцелляция – средство акцентуации волеизъявления автора.....	95
2.3.3. Эллипсис как результат компрессии побудительных конструкций.....	101
Выводы по главе II	106
Глава III. Поэтический синтаксис как индикатор психотипической принадлежности автора и характеристика концептуальной картины мира элитарной языковой личности.....	108
3.1. Средства вербализации особенностей психотипической принадлежности автора в поэтическом тексте.....	108
3.1.1. Повелительное наклонение как грамматическое средство манифестации экстравертированного / интровертированного психотипа.....	109
3.1.1.1. Эксплицитные средства выражения категории побудительности в поэтическом тексте.....	110
3.1.1.2. Имплицитные способы реализации стратегии побуждения в поэтическом тексте.....	115
3.2. Идиостилевые доминанты И. Бахман как средства вербализации авторского волеизъявления и маркеры экстравертированного/ интровертированного речевого поведения творческой личности.....	121
3.2.1. Синтаксический параллелизм – средство расширения объема языкового высказывания и маркер экстравертности языковой личности.....	121
3.2.2. Парцелляция – средство расширения объема языкового высказывания и признак экстравертности верbalного поведения автора.....	127
3.2.3. Эллипсис – средство редукции объема языкового высказывания и показатель интровертности языковой личности.....	133

3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ функционирования синтаксических средств организации поэтического текста в качестве маркеров речевого поведения художника слова (диахронический аспект).....	137
3.3.1. Синтаксический параллелизм как маркер речевого поведения в диахронической перспективе.....	138
3.3.2. Парцелляция как индикатор речевого поведения в диахроническом аспекте	144
3.3.3. Эллипсис как показатель речевого поведения в диахроническом измерении.....	147
Выводы по главе III	151
Заключение.....	155
Список использованной литературы.....	162

Введение

Поэтический текст как источник и носитель вербальной информации – явление сложное и многоплановое, поскольку в стихотворном тексте, как и в любом другом, отображаются элементы реальной действительности. Кроме того, поэтический текст принадлежит определенной этнокультуре: закодированная в текстовом пространстве информация предусматривает нужную долю объективности при возможной авторской интерпретации. По мнению отечественного ученого-лингвокультуролога и дискурсолога В.И. Карасика, «<...> поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик 2009: 326].

Как эстетически организованная система поэтический текст связан с речевой деятельностью. Приравнивая создание и восприятие подобных текстов к творческим актам, А.Е. Супрун отмечал, «что в поэтическом тексте в особой гармонии сопряжены план содержания и план выражения, эмоциональная и рациональная стороны речевой деятельности. Именно поэтому поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности, как высшее ее проявление, как одно из высших воплощений человеческого гения» [Супрун 1996: 132].

Текст всегда состоит из разноуровневых языковых единиц, из которых формируется смысл – содержание всего произведения, отражающее авторскую интенцию, детерминированную особенностями индивидуально-авторской картины мира. Эти единицы, выступающие средствами воплощения соответствующего авторского идейно-художественного замысла, обусловленного спецификой мировосприятия художника слова, обладают различной текстовой значимостью, поэтому можно говорить о доминировании определенных элементов в иерархии поэтического текста [Тупиця 2009: 101].

Совокупность языковых единиц, репрезентирующих авторское мироощущение и составляющих **концептуальную модель мира** художника

слова, вербализуется на структурном, семантическом и прагматическом уровнях организации текста и ассоциируется с понятием «идиостиль», под которым в широком смысле понимается авторская «стратегия организации текстовой деятельности», отражающая мировидение автора «в структуре, семантике и прагматике текста» [Болотнова 2001: 98] в рамках его идиолекта.

В ходе изучения произведений, входящих в художественную систему автора и составляющих его идиолект, на первый план выдвигаются лексические и синтаксические средства языка, используемые в произведениях исследуемого писателя, формирующие индивидуальный стиль художника слова и отличающие его от других индивидуальных стилей. При этом многие ученые подчеркивают ведущую роль лексических средств при определении своеобразия идиостиля автора.

Однако сейчас уже можно считать доказанным, что структурная организация текста, взаимосвязь между его композиционными элементами играют чрезвычайно важную роль для понимания смыслового содержания поэтического текста и авторского замысла, поэтому анализ особенностей текстопостроения, то есть изучение, в частности, синтаксических средств организации поэтического текста выступает в качестве важной предпосылки понимания «содержания, значения, общественно-этической ценности искусства» [Лотман 1970: 44] и вносит существенный вклад в выявление специфики индивидуального почерка творческой личности.

Приведенное суждение подтверждается результатами новейших научных изысканий, проводимых в русле одного из актуальных направлений когнитивной лингвистики, посвященного проблеме манифестации «мира человека в языке» (Н.Д. Арутюнова), что предполагает подробное изучение способов языковой презентации мироощущения творческой языковой личности в языке создаваемых ею художественных произведений как на лексическом, так и на синтаксическом уровне организации художественного текста и подтверждает актуальность научного поиска в обозначенном направлении.

Не подлежит сомнению, что возросший в последнее время в лингвистике исследовательский интерес к проблеме **языковой личности** обусловлен интенсивным развитием антропоцентрической парадигмы в языкоznании, одним из основополагающих постулатов которой стало утверждение Ю.Н. Караулова о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7].

Введенное российским ученым в широкий научный обиход понятие языковой личности, являющейся в настоящее время одним из центральных феноменов в лингвистике, используется в качестве базовой категории в изысканиях, направленных на исследование триады «личность – язык – текст», поскольку, согласно краткому, но емкому определению Ю.Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов 2010: 27].

Широкое распространение в лингвистике в последние десятилетия терминологического сочетания «языковая личность» и приобретение обозначаемым им понятием статуса системообразующей категории обусловили обращение ученых к феномену элитарной языковой личности (далее – ЭЯЛ), что, несомненно, свидетельствует о дальнейшем сосредоточении исследовательского интереса на «человеческом факторе» в языке и в целом может означать начало нового этапа в междисциплинарных исследованиях феномена человека. Элитарность личности означает при этом ее неординарность (незаурядность), прежде всего – применительно к уровню владения языковыми и культурно-речевыми компетенциями, формирующими вербальное поведение индивида.

Реализуемый в настоящей диссертации подход к решению заявленной проблематики продиктован желанием проследить, как выбор синтаксических средств организации поэтического текста, являющихся системообразующими для отдельного поэтического идиолекта (в нашем случае – идиолекта элитарной языковой личности), детерминируются особенностями

концептуальной модели мира художника слова, что связано с необходимостью определения механизма отбора языковых единиц, формирующих уникальный стиль художника слова.

В частности, работа сфокусирована на изучении проблемы корреляции языковых средств выражения категории волюнтаривности, выступающих в роли экспликаторов повелительного наклонения на синтаксическом уровне построения стихового высказывания, с ментальной сферой художника слова. Иными словами, работа посвящена проблеме реконструкции мировоззрения элитарной языковой личности посредством анализа языковых средств, маркирующих индивидуальный стиль автора и рассматриваемых в качестве идиостилевых доминант эталонного носителя речевой культуры.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, таким образом, следующими обстоятельствами:

- 1) интеграционными процессами, характеризующими эволюцию научного знания на современном этапе развития гуманитарной мысли;
- 2) интенсивным развитием таких областей знания, как когнитивная лингвистика, теория дискурса, лингвоперсонология, лингвопоэтика, лингвопрагматика, грамматика текста, психолингвистика;
- 3) возрастающим интересом ученых к проблеме взаимосвязи картины мира творческой личности и индивидуального стиля, определяющей специфику верbalной репрезентации особенностей ментальной сферы художника слова в его произведениях;
- 4) элитарностью личности Ингеборг Бахман (1926-1973 гг.), выдающейся австрийской поэтессы, драматурга и публициста, являющейся идеальным носителем литературного немецкого языка;
- 5) недостаточной степенью изученности, с лингвистической точки зрения, творческого наследия И. Бахман, обладающей уникальным языком с совершенно особой, «другой, своей грамматикой» [Уварова 2020: 119], детерминированной оригинальным способом мышления поэтессы;

6) целесообразностью исследования механизма отбора творческой личностью языковых средств, образующих ее индивидуальный почерк и функционирующих в генерируемых ею текстах в качестве идиостилевых доминант;

7) необходимостью создания целостного представления о способах и формах манифестирования концептуальной картины мира элитарной языковой личности в поэтических текстах, составляющих художественную систему немецкоязычной поэтессы.

Актуальным является также реализуемый в диссертации подход к изучению языковых средств на синтаксическом уровне организации поэтического текста с учетом психологической организации языковой личности, то есть сквозь призму дилеммы «экстраверсия / интроверсия», предполагающий комплексное рассмотрение и описание составляющих триады «личность – язык – текст».

Объект настоящего исследования составляет художественный дискурс элитарной языковой личности, представленный поэтическим идиолектом Ингеборг Бахман.

Предметом исследования послужили синтаксические средства организации стихового высказывания в рамках художественной системы И. Бахман, а именно: синтаксический параллелизм, эллипсис, парцелляции, лежащие в основе императивных конструкций, выражающих волеизъявление автора. Перечисленные языковые средства рассматриваются нами в качестве ключевых, системообразующих элементов поэтического идиолекта И. Бахман и интерпретируются как идиостилевые доминанты художественной парадигмы австрийской поэтессы.

Однако для подтверждения выдвинутой гипотезы было решено привлечь к анализу также и те примеры изучаемых синтаксических структур, которые семантически не связаны с категорией волонтативности, но в силу высокого коэффициента частотности, а также многообразия форм использования в рамках исследуемого дискурса относимые нами к

характерным признакам индивидуального стиля данной языковой личности, манифестирующим особенности ее концептуальной модели мира.

Общая гипотеза диссертации сформулирована следующим образом: синтаксические средства, выступающие в роли системообразующих элементов идиолекта И. Бахман, рассмотренные в диахронии, позволяют проследить и реконструировать изменения в мироощущении элитарной языковой личности. При этом изменения в ментальной сфере могут свидетельствовать об определенных трансформациях психотипа художника слова.

Таким образом, **целью** настоящего исследования является выявление характерных особенностей поэтического синтаксиса И. Бахман посредством комплексного лингвокогнитивного и лингвопоэтического анализа идиостилевых доминант, маркирующих идиолект автора на синтаксическом уровне организации стихового высказывания и отражающих его концептуальную картину мира (далее – ККМ). Иными словами, предпринимается попытка выяснить, как синтаксические особенности поэтического идиолекта австрийской поэтессы соотносятся с особенностями ее мировоззрения, обусловленными психотипической принадлежностью.

Следует отметить, что в настоящее время, в свете новейших тенденций в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании, изучение языковой личности дополняется результатами междисциплинарных исследований, проводимых в смежных с лингвистикой областях знаний, в частности, в психолингвистике, что позволяет рассматривать языковую личность в совокупности с особенностями ее психологической организации, влияющими на формирование идиостиля и способы его реализации в текстовом пространстве.

Тем самым, исследование в целом направлено на решение проблемы манифестации «мира человека в языке» (Н.Д. Арутюнова), в частности, – на изучение влияния особенностей «поэтического мышления» (О.Г. Ревзина)

элитарной языковой личности на выбор средств построения синтаксиса, рассматриваемого в качестве составляющей идиолекта художника слова.

Обозначенная цель предопределяет постановку и решение следующих исследовательских задач:

- 1) критическое осмысление теоретической литературы, посвященной проблеме концептуальной и языковой картин мира, а также аналитический обзор научных трудов в области когнитологии, лингвопоэтики, лингвистической pragmatики, психолингвистики, психопоэтики, лингвоперсонологии;
- 2) выявление ключевых элементов идиолекта Ингеборг Бахман, отражающих своеобразие мировоззренческого сознания поэтессы и позволяющих говорить о наличии грамматической доминанты, вербализующей авторскую интенцию на синтаксическом уровне организации поэтического текста;
- 3) определение механизма отбора исследуемой творческой личностью языковых средств, образующих уникальность синтаксической модели ее идиостиля и рассматриваемых в работе в качестве идиостилевых доминант;
- 4) описание стилеобразующих синтаксических доминант (синтаксического параллелизма, парцелляции, эллипсиса) в рамках анализируемого идиолекта с точки зрения корреляции их частотности с особенностями ментальной сферы автора;
- 5) анализ и классификация выявленных идиостилевых доминант И. Бахман с целью обнаружения когерентной соотнесенности специфических особенностей синтаксиса исследуемого поэтического идиолекта с индивидуально-авторской картиной мира;
- 6) изучение динамики использования анализируемых синтаксических явлений в диахронической перспективе с целью установления закономерностей, отражающих эволюцию сознания творческой языковой

личности и обуславливающих специфику вербального поведения данной личности на разных этапах ее текстовой деятельности;

7) анализ речевого поведения исследуемой элитарной языковой личности с точки зрения диахромии «экстраверсия / интроверсия», а также классификация выявленных языковых средств, манифестирующих своеобразие авторской картины мира, в их соотнесенности с личностными психологическими особенностями данной языковой личности;

8) выявление на основе систематизации собранного эмпирического материала конститутивных признаков элитарной языковой личности.

В процессе решения поставленных в работе задач обнаружилась целесообразность изучения поэтического идиолекта И. Бахман в его **эволюции**, позволяющей сформировать целостное представление об особенностях развития и трансформации идиостиля поэтессы. Исходя из этого, анализ стихотворных произведений И. Бахман на предмет выявления идиостилевых предпочтений автора на синтаксическом уровне организации текста осуществлялся с опорой на временной параметр, подразумевающий обращение к диахронической исследовательской перспективе, ориентированной в данном случае на наличие двух периодов становления художественной системы поэтессы, а именно: 1943-1962 гг. и 1963-1973 гг.

Привлечение диахронического аспекта изучения наблюдаемых языковых явлений объясняется также стремлением, в соответствии с первоначальной рабочей гипотезой, выявить возможно имеющие место тенденции в предпочтениях на уровне синтаксиса, отражающие динамику становления и эволюции индивидуального сознания элитарной языковой личности.

Использованный в работе диахронический ракурс позволил проследить и описать закономерности в использовании синтаксических средств построения поэтического текста, свидетельствующие об изменении в мировоззрении, обусловленном эволюционными процессами в психотипической организации личности австрийской поэтессы.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых: 1) *в области грамматической теории*: А.М. Пешковского (1956), Г.О. Винокура (1959), П. Гребе (P. Grebe 1959), В.А. Звегинцева (1962), Г. Бринкмана (H. Brinkmann 1971), В.В. Виноградова (1975), Г.Г. Почепцова (1981), Ю.С. Маслова (1987), Н.Д. Арутюновой (1997), Н.В. Витт (1988), Ю.Д. Апресяна (1995), А.В. Бондарко (1990, 2002); 2) *в области антропологической лингвистики*: Дж. Гринберга (J.N. Greenberg 1968), М. Хаас (M. Haas 1978), Э. Сепира (E. Sapir 1993), У. Фоли (W.A. Foley 1997), Ю.М. Малиновича (2003); 3) *в области когнитивной лингвистики*: В.Н. Телия (1988), Б.А. Серебренникова (1988, 1989), Е.С. Кубряковой (1994), Н.Д. Арутюновой (1998), З.Д. Поповой (2007, 2020), И.А. Стернина (2007), В.А. Масловой (2008), И.А. Тарасовой (2012); 4) *в области теории дискурса*: М. Фуко (M. Foucault 1971, 1996), Р. Барта (R. Barthes 1989), Н.Д. Арутюновой (1990), В.И. Карасика (2004, 2015), Т.А. ван Дейка (T.A. van Dijk 2011), Н.Я. Раага (N.J. Raag 2019); 5) *в области теории языковой личности*: Ю.Н. Кацуялова (1989, 2010); В. Гумбольдта (W. von Humboldt 1996), Ю.М. Малиновича (2003), Е.В. Иванцовой (2010), В.И. Карасика (2011); 6) *в области лингвоперсонологии*: С.Г. Воркачева (2001), Н.Д. Голева (2006, 2009), Е.В. Иванцовой (2010), М.Г. Цуциевой (2013), В.В. Колесова (2021), А.В. Загуменнова (2024); 7) *в области лингвопоэтики и языка поэзии*: О. Вальцеля (O. Walzel 1926), А. Хойслера (A. Heusler 1951), Г. Шторца (G. Storz), Г.М. Гопкинса (G.M. Hopkins 1959), Р. Клёпфера (R. Kloepfer 1970), В.П. Григорьева (1977, 1979), О.В. Александровой (1984), В. Дильтея (W. Dilthey 1988), О.Г. Ревзиной (1990, 1998), В.Я. Задорновой (1992), Н.А. Фатеевой (2001), И.А. Тарасовой (2004), А. Ларкати (A. Larcati 2006), Л. Шпитцера (L. Spitzer 2007), К. Фосслера (K. Fossler 2007), Н.А. Кузьминой (2007), А.А. Липгарта (2007), Ст. Элита (St. Elit 2008), Е.Б. Борисовой (2012), Дж.М. Дреевой (2010, 2012), С. Габшида (S. Habschied (2021); 8) *в области психологии и психолингвистики*: Х.-Г. Гадамера (H.-G. Gadamer 1972), К.Г. Юнга (1995), И.А. Зимней (1985), В.А. Пищальниковой (1992), А.А. Залевской

(1998, 2005), В.П. Белянина (1988, 2000), В.Г. Красильниковой (1998), А.А. Леонтьева (1999), И.В. Чивилевой (2005), Н.В. Уфимцевой (2011); 9) в области психопоэтики: В.А. Пищальниковой (1993), Л.О. Бутаковой (2002), И.А. Тарасовой (2008), Дж.М. Дреевой (2019).

Материалом для практического исследования послужили поэтические произведения выдающейся представительницы современной немецкоязычной литературы Ингеборг Бахман. Выбор данного конкретного поэтического идиолекта для формирования эмпирической базы исследования обусловлен неординарностью личности австрийской писательницы, принадлежавшей к интеллектуальной творческой элите Западной Европы XX века.

Следует заметить, что Ингеборг Бахман, будучи талантливой поэтессой и высокообразованной женщиной, «искушенной во всех тонкостях и соблазнах буржуазной мысли новейшего времени» [Карельский 1999: 242], являлась человеком с ярко выраженной гражданской позицией, остро реагирующим на все вызовы и перипетии послевоенной эпохи. Своеобразие Ингеборг Бахман как неординарной языковой личности проявилось в особом мировидении, отражающем ее морально-нравственную позицию гуманиста и позволяющем рассматривать ее как элитарную творческую личность, безукоризненно владеющую нормами литературного немецкого языка.

Обладая высокой культурой художественного языка и мышления и сочетая в своем творчестве свойственную идеальному носителю языка полижанровость и полидискурсивность, И. Бахман демонстрирует в своих произведениях искусное владение языковыми и речевыми компетенциями. Разнообразие используемых ею стилистических приемов, отображающих действительность во всей ее многогранности и наполняющих создаваемое текстовое пространство модальностью, образностью и экспрессивностью, создает благодатную почву для лингвопоэтических изысканий и обуславливает высокий уровень эвристического потенциала, подтверждающий правильность намеченной в диссертации исследовательской траектории научного поиска.

Всего проанализировано 100 стихотворных произведений И. Бахман (4115 стихотворных строк), составляющих поэтическое наследие поэтессы. Для верификации результатов осуществленного анализа собранного эмпирического материала к исследованию привлечены также фрагменты из прозаического произведения – романа «Malina» (1971 г.), представляющего собой первую часть задуманной, но неоконченной автором трилогии, объемом 6607 строк.

Общая лингвистическая **методологическая база** определяется избранным вектором исследовательского поиска и включает в себя ключевые положения науки о языке, в частности, положения о взаимосвязи языка и мышления, о со- и противопоставленности языка и речи, а также принципы историзма, системности и антропоцентризма в языкоznании, положение о диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности формы и содержания языковых единиц.

Реализуемый в работе лингвопоэтический подход к анализу языковых особенностей художественных текстов обусловил выбор комплексной методики обработки эмпирического материала. Основными **методами исследования** являются: дескриптивный метод, опирающийся на лингвистическое наблюдение, сравнение и сопоставление, лингвопоэтический и лингвостилистический анализ с привлечением элементов семногого и структурного анализов, метод классификации наблюдаемых языковых явлений, метод интерпретации текста, а также некоторые приемы квантитативного анализа. Для формирования корпуса примеров, иллюстрирующих теоретические положения, использовался метод сплошной выборки.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что результаты исследования могут внести весомый вклад в развитие соответствующих положений когнитивной лингвистики, в частности, посвященных проблеме манифестации «мира человека в языке».

Новым является также предпринятый в диссертации подход к установлению связи между ККМ элитарной языковой личности и характерными особенностями ее идиостиля через выявление языковых маркеров принадлежности к экстравертированному / интровертированному психотипу.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа идиостилевых доминант, осуществленного в работе в диахронической перспективе на примере стихотворных произведений, составляющих поэтический идиолект элитарной языковой личности, вносят существенный вклад в решение проблемы «язык и мир человека» (Н.Д. Арутюнова) и, тем самым, в развитие лингвистической поэтики, грамматики текста, поэтического синтаксиса, теории дискурса, психолингвистики и лингвоперсонологии, расширяя представление о способах и формах отражения особенностей творческого сознания в художественном тексте на различных языковых уровнях в рамках исследуемого типа дискурса.

Впервые предложен структурно-интегративный подход к анализу особенностей репрезентации ККМ в языке художественных произведений с учетом эволюции сознания элитарной языковой личности, влияющей на выбор языковых единиц синтаксического уровня организации поэтического текста. Предложен алгоритм изучения синтаксической составляющей идиостиля, представляющего собой многоаспектный феномен. Разработана синтаксическая модель идиостиля творческой языковой личности.

В представленном исследовании феномен грамматической доминанты, имеющей модальную природу, коррелирующий с психотипическими особенностями художника слова и, следовательно, субъектно маркованный, т.е. обусловленный спецификой авторского мироощущения, **впервые** разработан и описан как стержневой элемент системы связанных парадигматическими отношениями языковых единиц, вербализующих волеизъявление автора.

Раскрыты и описаны конститутивные и системообразующие признаки элитарности языковой личности писательницы, отражающие ментальную специфику ее ККМ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Синтаксический уровень организации поэтического текста манифестирует особенности ККМ элитарной языковой личности. Изменения в авторских предпочтениях при выборе средств построения стихового высказывания отражают эволюцию индивидуального творческого сознания, детерминированную изменениями в психологической организации личности.

2. Грамматическая фактура поэтического идиолекта Ингеборг Бахман обнаруживает когерентную соотнесенность «модели мира» творческой личности с языком генерируемых ею текстов и позволяет говорить об императивной доминанте как ядре мировоззренческого сознания поэтессы, определяющей специфику ее идиостиля и детерминирующей выбор, а также конститутивные характеристики синтаксических конструкций, вербализующих волеизъявление автора.

3. Специфика репрезентации категории волюнтаривности на синтаксическом уровне организации поэтического текста манифестирует особенности индивидуально-личностной психотипической принадлежности автора и свидетельствует о его склонности к трансляции информации о внешнем мире в языковую действительность сквозь призму собственного волеизъявления.

4. Синтаксический параллелизм, парцеллированные и эллиптические конструкции, обладающие волюнтаривной модальностью и выступающие в качестве экспонентов категории побудительности на синтаксическом уровне организации поэтического текста, создают идиостилевое своеобразие художественной системы И. Бахман.

5. Рассмотрение поэтического синтаксиса И. Бахман в диахронической перспективе обнаруживает зависимость модального потенциала языковых конструкций и, соответственно, коэффициента

частотности эксплицирующих волеизъявление автора идиостилевых доминант от трансформационных процессов, происходящих в психологической организации личности и детерминированных изменениями в индивидуально-авторской картине мира.

6. Изменения в синтаксической модели идиостиля художника слова, коррелирующие с уровнем репрезентативности в индивидуальной художественной парадигме отдельных синтаксических приемов, влияющих на объем и структурные характеристики стихового высказывания, свидетельствуют об изменении психотипа языковой личности.

7. Преобладание имплицитных или эксплицитных форм вербализации побудительной модальности в поэтическом синтаксисе следует интерпретировать как маркер интровертированного либо, соответственно, экстравертированного речевого поведения индивидуума и рассматривать как критериальный признак элитарности творческой языковой личности.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что диссертационное исследование вносит определенный вклад в изучение характерных особенностей идиостиля творческой личности, а именно – в выявление способов отражения ККМ элитарной языковой личности на синтаксическом уровне организации поэтического текста.

Теоретически значимыми представляются результаты работы в аспекте взаимодействия языка и мышления, мироощущения автора и его поэтического идиолекта, психотипической принадлежности и синтаксических стилевых доминант художественного текста. Полученные в ходе исследования результаты способствуют уточнению некоторых важных постулатов традиционно выделяемых разделов языкоznания, а также развитию актуальных направлений современной лингвистики, таких как когнитивная поэтика и лингвоперсонология.

В целом, диссертация вносит **вклад** в дальнейшее становление современной антропоцентрической лингвистической парадигмы, углубляя и развивая теоретическую базу лингвистических изысканий в следующих

асpekтах: язык и речевая деятельность, язык и поэтическая коммуникация, языковая личность и поэтический текст, поэтический дискурс как особая форма существования языка, лингвистика и смежные науки (прагма- и психолингвистика).

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут найти применение в преподавании курсов теории языка, когнитивной лингвистики, лингвопоэтики, грамматики текста и психолингвистики. Предложенный в диссертации подход может быть использован при изучении других поэтических идиолектов и типов дискурса.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого количества научных источников, а также обширным корпусом примеров.

Апробация работы. Отдельные результаты исследования были представлены и обсуждены на международных научных конференциях (Краснодар 2022; Владикавказ 2022, Чебоксары 2023), на всероссийских научных и научно-практических конференциях (Владикавказ 2023; Нальчик 2022; Грозный 2022), а также на ежегодных конференциях по итогам НИР СОГУ, посвященных Дням науки (Владикавказ 2021-2025 гг.), и на заседаниях теоретического семинара факультета международных отношений СОГУ «Синергетика» (Владикавказ 2021-2025 гг.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 публикациях, в том числе в 3 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ: «*Когнитивная метафора как маркер элитарности языковой личности*» (Современный ученый. – 2023. – № 4); «*Средства вербализации волеизъявления в художественном тексте как доминанты идиостиля автора (на материале романа И. Бахман "Malina")*» (Филология: научные исследования. – 2024. – № 12); «*Синтаксический параллелизм как экспонент семантики побуждения в поэтическом тексте*» (Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – № 3).

Структура и объем работы. Структура диссертации объемом 185 страниц (основной текст – 161 страница) подчинена логике исследовательской стратегии, ориентированной на цели и задачи работы. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список анализируемых источников. Каждая глава завершается выводами, отражающими основное содержание соответствующего раздела диссертации.

Глава 1. Картина мира и идиолект творческой языковой личности. Теоретические аспекты исследования

В главе 1, представляющей собой теоретическую базу исследования, отражаются результаты критического осмыслиения источников научной литературы по заявленной в диссертации проблематике. В ней тематизируются вопросы, связанные с ключевым для когнитологии концептом «картина мира», а также освещаются релевантные для проводимого исследования понятия: языковая личность, элитарная языковая личность, идиолект, идиостиль, речевое поведение, экстравертность / интровертность, составляющие, наряду с понятием картины мира, понятийно-терминологический аппарат предпринятого исследования.

1.1. Феномен картины мира в науке о языке

Необходимость критического осмыслиения результатов научных изысканий в области когнитивной лингвистики, посвященных проблеме «человеческого фактора в языке» и проводимых в связи с неослабевающим интересом лингвистов к изучению феномена «картина мира», обусловлен постановкой, содержанием и направленностью задач предпринятого нами исследования, связанных, в частности, с доказательством наличия когерентной соотнесенности «модели мира» творческой личности с языковыми особенностями формируемого ею текстового пространства.

Выбранный вектор исследовательского поиска, предполагающий изучение уникального «поэтического мира» И. Бахман с учетом результатов новейших разысканий в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, направлен на выявление и описание взаимосвязи между языком и сознанием творческой личности, что дает возможность реконструировать уникальную модель мира поэтессы.

Согласно теоретическим положениям антропоориентированного направления науки о языке картина мира художника слова интерпретируется

в настоящей диссертации как индивидуально-авторская, или поэтическая, картина мира. Указанные положения использовались в качестве исходных при формировании необходимой теоретической платформы для предпринятого в рамках работы детального изучения проблемы корреляции ментальной сферы художника слова с особенностями его индивидуального стиля.

В соответствии с основополагающими постулатами когнитивной лингвистики, картина мира рассматривается как фундаментальное свойство, онтологически присущее человеку. Картину мира характеризуют как «исходный глобальный образ мира, обусловливающий мировидение человека и представляющий сущностные свойства мира в понимании индивида или социума» [Дреева 2010: 131].

Картина мира предстает как упорядоченная смысловая модель мира, конститутивные элементы которой подчинены принципу ценностной иерархии. В.И. Постовалова, указывая на двойственную природу картины мира, полагает, что, «как всякое образование, относящееся к классу идеального, картина мира имеет двойственное существование – полуобъективированное как неопределенный элемент сознания и жизнедеятельности человека и объективированное в виде опредмеченных образований в языке, жестах, ритуалах, музыке, изобразительном искусстве и т.п.» [Постовалова 1988: 21].

Принято считать, что мировоззрение личности и входящее в него в качестве базисного компонента мировоззрение образуют своего рода систему координат, которая задает «способ видения и восприятия действительности, отношения к миру и его оценки» [Дреева 2010: 131].

Следует уточнить, что существует некое множество картин мира, и их количество «зависит от количества наблюдателей, контактирующих с миром, от количества «миров», на которые смотрит наблюдатель, и от количества «призм» мировидения» [Постовалова 1988: 33].

При этом имеются две принципиально разные по своим сущностным характеристикам картины мира – концептуальная и языковая. Концептуальная

картина мира (ККМ) ассоциируется с познавательной деятельностью субъекта и отождествляется с системой его знаний и представлений о мире как «результат мыслительного отражения действительности и итог чувственного познания» [Дреева 2010: 131].

Что касается языковой картины мира (далее – ЯКМ), то ее следует трактовать как закодированный посредством языковых знаков и зафиксированный в языке весь объем информации, получаемой в процессе познания объективной реальности.

В основе противопоставленности ККМ и ЯКМ лежит дилемма «понятие – слово», поскольку в центре ККМ находится информация, зафиксированная в виде понятий, суждений и умозаключений, а ЯКМ есть «знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных языков» [Брутян 1976: 59].

1.1.1. К вопросу о двойственной сущности картины мира художника слова. Поэтическая картина мира

Картина мира как смысловая модель эмпирической деятельности является собой концентрированное образование, особый феноменологический мир. Его единицами выступают ментальные сущности – концепты.

Пространство обитания картины мира – сфера сознания субъекта (воображение, прежде всего). Концептуальная картина мира как базисный компонент мировоззрения объединяет в одно целое отдельные сферы мировидения человека: повседневное сознание, познавательную деятельность, художественно-образное творчество, религиозное и гражданское сознание. Глобальный субъективный образ объективного мира гармонизирует в своей целостности отдельные специализированные картины мира, регулирует информативные связи между ними.

Важный интегративный способ индивидуальной картины мира – глубинное мироощущение субъекта, в котором акцентировано эмоционально-

ценостное отношение к бытию, образующее неповторимый эмоциональный колорит мировидения.

Картина мира имеет, как уже было сказано, двойную природу, двойное бытие, которое В.И. Постовалова связывает с двумя основными формами существования: первичной является необъективированная форма – картина мира как идеальная сущность в сознании человека, объективированное бытие картины мира (в опредмеченной, материальной форме) реализуется в особенностях человеческого поведения, языковой деятельности, материально-чувственной практики, результатах творчества и т.п.

Эти материальные воплотители картины мира, с точки зрения семиотики, могут быть интерпретированы как особые языки и тексты на этих языках [Постовалова 1988: 21-23]. Возможность на основе видимого восстановить невидимое, реконструировать картину мира по ее «следам» в текстах – продуктах человеческой деятельности – высказывалась разными учеными-философами, представителями разных исследовательских концепций. Такая рациональная реконструкция, экспликация картины мира по естественным «следам», которые она оставляет в человеческом языке и других своих семиологических воплощениях, конечно, осуществляется, как замечает В.И. Постовалова, согласно общедеятельностным и семиологическим законам построения парадигматики на основе синтагматики [Там же: 24].

Таким образом, например, может быть прочитан образ автора, лирического героя как семантико-стилистический центр художественной структуры и фактор целостности поэтического идиолекта. В определенной степени он может представлять картину мира автора. На основе обобщения текстовых данных логично восстанавливаются, например, выходные для картины мира автора хронотопические измерения феноменологического мира – интенционального мира семантики.

Суммируя вышеизложенное, картину мира автора, или, в случае с поэтическими произведениями – поэтическую картину мира (далее – ПКМ), целесообразно интерпретировать как одну из составляющих ЯКМ.

Исследователи трактуют ПКМ как «обобщенный субъективный образ объективной реальности, сложившийся в результате восприятия, осмыслиния и интерпретации мира в сознании художника – творческой индивидуальности и материализованный средствами его поэтического языка» [Дреева 2010: 131].

Характеризуя ПКМ, ученые рассматривают создаваемые творческой личностью тексты в качестве материального свидетельства, реальных «следов» ее духовной деятельности. Поскольку, как считает Н.А. Кузьмина, ПКМ – «это образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности. Материальным выражением поэтического мира служат тексты автора – единое текстовое пространство» [Кузьмина 2007: 227], то логичным и обоснованным представляется декларируемый ею тезис о том, что «произведения одного автора, взятые в совокупности и отражающие действительность в соответствии с особенностями ее восприятия художником, можно считать материалом для реконструкции ПКМ» [Там же].

Идею о ПКМ как модели мира, созданной «сквозь призму сознания художника», развивает Ю.В. Казарин: «Поэтическая картина мира – это результат художественного, образно-представительного моделирования мира, различных сфер деятельности человека в реальной и художественной действительности» [Казарин 1999: 68]. Приведенная дефиниция содержит также мысль о системности и целостном характере поэтической картины мира, элементами которой являются воплощенные в тексте с помощью разноуровневых языковых единиц образы и понятия, генерируемые в сознании автора.

Манифестируемая в текстовом пространстве поэтическая, или индивидуально-авторская, картина мира отражает, как было подчеркнуто выше, мировосприятие самого автора, поэтому она зачастую отличается от картины мира читателя, детерминирующей восприятие поэтического текста в соответствии с личным мироощущением, духовными ценностями и жизненным опытом последнего. Именно поэтому при анализе

художественного произведения необходимо брать во внимание как авторскую, так и читательскую картины мира.

Формирование целостной картины мира и ее отражение в языке художественных произведений зависит от особенностей языковой личности.

Таким образом, предпринятое исследование основывается на предположении, что особенности восприятия языковой личностью окружающей действительности оказывают существенное влияние на формирование поэтической картины мира с характерной для нее «двуединой» природой, проявляющейся в синтезе объективных (общенациональных) и субъективных (индивидуально-личностных) представлений о мире, что отражается в идиолекте данной творческой личности.

Авторская художественная картина мира – это специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности [Бахтин 1986: 67].

Текст можно интерпретировать как особую модель построения, экзистенции, функционирования и эволюции языковой картины мира. “Вплетаясь в художественную ткань текста, каждая языковая единица эмоционально-образного спектра как бы реконструирует, структурирует неповторимую личностную ауру творца текста; в совокупности со всем фондом языковых ресурсов “оязычивается” особая картина мира” [Буянова 1998: 36].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что изучение феномена «поэтическая картина мира», имманентно связанного с другим, не менее сложным феноменом, интересовавшим ученых еще с античных времен, а именно – феноменом «творческая личность», представляет собой сложную многоаспектную проблему, теоретическое осмысление и решение которой требует комплексного подхода с привлечением не только лингвистических методов исследования, но и методов смежных наук.

1.2. Картина мира и элитарная языковая личность

1.2.1. Языковая личность. Языковое сознание. Индивидуальная и авторская модели мира

Выбранная в настоящей диссертации траектория исследовательского поиска, направление которого можно выразить, как указывалось во введении, формулой «личность – язык – текст», предполагает обращение к одному из центральных феноменов современной лингвистики, а именно – к понятию «языковая личность», используемому в качестве базовой категории в антропоориентированных лингвистических изысканиях.

Понятие «языковая личность» в науке о языке применяется по отношению к любому, среднему или выдающемуся, представителю того или иного лингвокультурного сообщества и трактуется как «любой носитель того или иного языка (типичный или самобытный), охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [Азимов, Щукин 2009: 362]. Приведенная дефиниция, которую можно рассматривать в качестве интерпретации указанной выше формулы, имплицирует мысль о целесообразности и логической обоснованности изучения феномена «языковая личность» через создаваемые конкретной личностью языковые высказывания, то есть тексты.

Современный этап развития лингвистической науки, характеризующийся возросшим интересом к социальной природе языка, отмечен активным изучением проблемы «язык и личность», тем не менее в настоящее время отсутствует общепризнанное определение терминологического сочетания «языковая личность», что объясняется, безусловно, разноаспектностью и многоплановостью обозначаемого им феномена.

При этом в качестве положительного фактора, способного внести вклад в решение указанной проблемы, следует упомянуть интегрированный характер современных лингвистических исследований, обусловленный необходимостью комплексного подхода к изучению сложных языковых явлений.

Напомним, что первым термин «языковая личность» в рамках отечественного научного дискурса употребил выдающийся российский филолог В.В. Виноградов в 30-е годы прошлого столетия в контексте рассуждений об индивидуальном и социальном в языке. При этом ученый, не раскрывая сущности данного понятия, характеризует его через отсылку к имени видного представителя Казанской лингвистической школы Бодуэна де Куртенэ, которого, в понимании В.В. Виноградова, языковая личность привлекала «<...> как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов 1980: 61].

Что касается самого обозначаемого данным терминологическим сочетанием понятия, то его суть впервые была раскрыта в работе Г.И. Богина «Современная лингводидактика» (1980 г.). Согласно точке зрения автора, языковая личность есть «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность – тот, кто прививает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [Богин 1980: 3].

Некоторое время спустя другой выдающийся советский и российский ученый Ю.Н. Караполов в своем труде «Русский язык и языковая личность» (1987) предложил более обстоятельную трактовку рассматриваемого феномена, подразумевая под ним «совокупность способностей и характеристик человека как носителя языка, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караполов 1987: 245]. Здесь же ученый приводит свою дефиницию,

акцентирующую важную для предпринятого нами исследования мысль об отражении языкового сознания личности в создаваемых ею текстах: «<...> языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же: 38].

Таким образом, языковая личность является таковой благодаря освоенному ею языку и связанной с языковым сознанием способностью к речемыслительной деятельности. При этом следует учитывать, что «значимость отдельной языковой личности заключается не столько в ее индивидуальности, неповторимости, сколько в широте представленности исторически сложившейся этноязыковой картины мира, в концепции речеповеденческого эталона и культурной энергии народа» [Толстой 1997: 312].

Следовательно, как видим, языковая личность выступает в качестве репрезентанта присущего ей индивидуального языкового сознания, на формирование которого влияют, однако, языковые и культурные особенности данного конкретного этнического сообщества. Уровень развития языкового сознания, выражающегося в речевом поведении отдельной языковой личности через свою способность к эффективной коммуникации, определяется принадлежностью данной личности к определенному социальному и культурному слою общества и отражается в мировоззрении как базовом элементе индивидуальной картины мира личности.

Картина, или модель, мира, являясь своего рода связующим звеном между «объективной реальностью и “очеловеченным” образом ее в сознании каждого носителя данного языка» [Радченко 2005: 288], формирует и манифестирует способы взаимоотношения человек – мир. Компонентами индивидуальной модели мира являются, по мнению Дж.М. Дреевой, такие неотъемлемые части человеческого мировосприятия, как «тональность, эмоциональная окрашенность, субъективные установки, цели, а также регулятивные структуры и смыслообразующие факторы» [Дреева 2010: 131].

Перечисленные компоненты формируются в процессе постоянных контактов с внешним миром посредством получаемой субъектом информации. Однако восприятие и обработка полученной информации напрямую связаны с избирательностью человеческого восприятия, зависящей, согласно А.А. Ухтомскому, от индивидуально-личностной доминанты, которая влияет на процессы рецепции и речевое поведение индивида (см.: [Ухтомский 1973: 382]).

Как известно, на основе картины мира как системы обобщённых образов реальной действительности выстраиваются и функционируют разные формы и уровни мировоззренческого потенциала личности: миросозерцания, мироощущения, мировосприятия и миропонимания, мирооценки [Семенець 2004: 51].

Что касается авторской художественной картины мира, то ее следует рассматривать как специфическую форму мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности (см. об этом: [Бахтин 1986: 67]).

Художественный текст, будучи продуктом речемыслительной деятельности творческого субъекта, репрезентирует специфические особенности языковой личности и, следовательно, языкового сознания автора. Как справедливо замечает В.В. Катермина, «в авторской картине мира отражена реальность, прошедшая через призму творческой мысли. Художественная картина мира, таким образом, заключает в себе образ мира и отображает человеческое бытие через текст художественного произведения» [Катермина 2016: 402].

Согласно результатам научных изысканий, посвященных проблеме манифестации мировоззрения языковой личности в текстовой деятельности, особенности языкового сознания творческого субъекта могут находить отражение на всех уровнях художественного, в том числе стихотворного, текста (см.: [Дреева, Семенова 2019: 9]), поэтому признается, что изучение специфики языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира

на уровне построения художественного текста, в том числе поэтического, относится к важнейшим задачам современной когнитологии и лингвопоэтики.

Итак, художественный текст есть отражение объективного мира сквозь призму языкового сознания отдельной языковой личности – творческой индивидуальности, которая выступает в таком случае продуцентом языкового высказывания – законченного художественного произведения.

Следовательно, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что текстовая деятельность творческой языковой личности регулируется языковым сознанием, детерминированным индивидуальными особенностями мировоззрения, которые обусловлены, в свою очередь, жизненным опытом и личностными переживаниями творческого субъекта.

1.2.2. Элитарная личность как носитель оригинального языкового сознания. Особенности картины мира элитарной творческой личности

Проблема элитарной языковой личности выдвинулась на передний план исследовательского интереса в последние десятилетия как логическое продолжение многовекторного лингвистического поиска, нацеленного на изучение феномена языковой личности. Так, в частности, О.Б. Сиротинина под элитарными языковыми личностями понимает носителей «элитарного типа речевой культуры» [Сиротинина 2001: 21]. Согласно ее концепции, это люди, «владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические и коммуникационные нормы», что, по О.Б. Сиротининой, интерпретируется как «соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи» [Там же: 22].

Таким образом, О.Б. Сиротинина акцентирует важность присущей носителю элитарного типа речевой культуры высокоразвитой филологической интуиции (врожденной, а также приобретенной, благодаря развитию соответствующих компетенций), позволяющей четко дифференцировать в

реальных процессах коммуникации установленные конвенциями нормы функциональных стилей и правила устного и письменного типов дискурса.

Не подлежит сомнению, что подобные личности относятся к наиболее прогрессивной и интеллектуально развитой части любой этнической общности, отличающейся ярко выраженной гражданской позицией и чувством ответственности за будущее и настоящее своего народа. Иными словами, они репрезентируют, по сути, высококультурный слой общества, поскольку культура, в общем смысле этого слова, есть «совокупность ценностей, идеалов, целей, норм деятельности и поведения, а также результаты этой деятельности у избранного слоя общества, или элиты» [Федоров 2017].

Примечательно, что О.Б. Сиротинина, акцентируя в своей трактовке ЭЯЛ этическую и социальную составляющие, указывает на наличие причинно-следственной связи между уровнем развития культурных компетенций, величиной словарного запаса и способностью мыслить, позволяющей языковой личности логически излагать свои суждения: «Именно общекультурная составляющая обеспечивает богатство как пассивного, так и активного словарного запаса. Умение мыслить обеспечивает логичность изложения мыслей» [Сиротинина 2001: 22].

Языковед подчеркивает также склонность элитарной языковой личности к креативности, способствующей целесообразному использованию в процессе коммуникации разнообразных риторических приемов: «В какой-то мере соблюдение коммуникативных норм требует знания и практической реализации риторических правил общения» [Там же].

Не подлежит сомнению, что вербальное поведение элитарной языковой личности является отражением специфического, личностно обусловленного, индивидуального языкового сознания, одним из важнейших компонентов которого является этическая составляющая, регулирующая, наряду с другими составляющими ментальной сферы индивида, речевое поведение данной личности и отражающая ее отношение к обществу и установленным в нем кодифицированным нормам.

Как подчеркивают исследователи, «именно этический аспект является направляющим вектором коммуникативного поведения элитарной языковой личности. Речь, учитывая фактор адресата, его возможности и интересы, развивается в рамках необходимой для коммуникативно полноценного диалога речевой тактики содействия (целевой аспект), диктующей соответствующий тип ответов (гносеологический компонент), созвучный канонам жанра и правилам диалогового взаимодействия (нормативная сторона)» [Казакова 2014].

Итак, повышенное внимание лингвистов, занимающихся проблемой языковой личности, в том числе проблемами реконструкции картины мира творческой личности, концентрируется на проблеме «язык и речь элитарной творческой личности», решение которой видится в детальном изучении речевого поведения подобной личности как обладателя эталонной филологической эрудиции, поскольку такая личность рассматривается как «идеальный носитель высокоразвитой культурно-речевой компетентности во всем богатстве стилей и жанров языка, оперирующая определенным набором дискурсивных маркеров в виде прецедентных феноменов, интертекстуальных включений, паремий, метафорических переносов и пр.; дискурсивная личность, способная оказать влияние на формирование духовных ценностей социума» [Склярова 2021: 9].

Текстовое пространство, порождаемое представителем элитарного типа личности, является ярким отражением особенностей личности обусловленной модели мира. Каждое речевое произведение подобной личности отличается не только соблюдением общепринятых языковых норм, обеспечивающим эффективное достижение коммуникативных целей, но и демонстрирует высокий уровень филологического искусства, предполагающего, наряду с незаурядными способностями к употреблению разнообразных, в большинстве своем – узальных синтаксических и стилистических приемов, также ярко выраженную склонность к языковому новаторству.

1.3. Картину мира творческой личности в контексте современных антропоцентрических тенденций в языкознании

В свете поставленных в работе задач, направленных на изучение процессов эволюции сознания исследуемой элитарной языковой личности и включающих в себя рассмотрение факторов, обуславливающих трансформацию авторского идиостиля, представляется целесообразным осветить подробнее вопросы, связанные с триадой «язык, мышление и речевая деятельность» и предполагающие привлечение психолингвистического аспекта к исследованию языковых явлений.

1.3.1. Психолингвистический подход к анализу поэтического идиолекта и идиостиля

Соотношение языка, мышления и сознания привлекает внимание ученых на протяжении многих лет. Язык представляется в лингвистических исследованиях как средство мышления – высшей формы психической деятельности, результаты которой находят отражение в сознании. Слова, как средства языка, выполняют функцию формирования сознания путем переноса неосознанного в область осознанного, непознанного – в сферу познанного.

Деятельность сознания основана на сборе результатов мыслительного процесса, а также на переработке и хранении полученной информации, в качестве инструмента при этом выступают языковые средства. Таким образом, в современной науке считается общепризнанным положение о тесной взаимосвязи таких феноменов, как язык, мышление и сознание, несмотря на их очевидную нетождественность. Язык является частью мышления, а результаты мыслительной деятельности, в свою очередь, включены в сознание (входят в структуру сознания).

Психолингвистика, изучающая функционирование и взаимоотношение языка, мышления и сознания и теоретико-методологическую базу которой составляет интегрированный комплексный подход к исследованию

наблюдаемых явлений, выделилась в отдельную научную дисциплину в 1950-х гг. прошлого столетия. В круг ее интересов входит исследование механизмов речевых и мыслительных процессов, изучение языковой личности как носителя языка, а также изучение особенностей речевой коммуникации, детерминированных психологической спецификой сознания индивидуума.

По мнению известного советского лингвиста и литературоведа Г.О. Винокура, исследование различных типов и способов построения текста не может не привлекать того, «кто хочет увидеть в языке писателя отражение его внутреннего мира, так разные построения могут оказаться связанными с разными психологиями» [Винокур 1991: 47].

Мысль Г.О. Винокура о том, что язык писателя отражает его внутренний мир, а особенности построения текста связаны с разными типами психотипической принадлежности творческой языковой личности, перекликается с точкой зрения известного отечественного филолога-германиста М.П. Брандес, которая указывает на многоуровневость индивидуального стиля писателя, репрезентирующего специфику индивидуально-авторской картины мира. По ее мнению, авторский идиостиль, наряду с языковым уровнем, имеет также объективно-психологический и субъективно-психологический уровни [Брандес 1983: 253].

При этом подчеркивается, что объективно-психологический уровень писателя основывается на таких личностных особенностях, «как тип его [писателя] мышления и тип воображения, имеющих непосредственное отношение к оформлению содержания». В основе субъективно-психологического уровня лежат «выразительность, эмоциональность, связанные с координацией языковых элементов в цельный ансамбль» [Брандес 2004: 291].

Что касается языковой составляющей идиостиля, то именно на этом уровне проявляется собственно индивидуальное языковое мастерство художника слова, его умение использовать выразительные возможности языка, позволяющие максимально точно отразить представления о мире и

передать своеобразие интерпретации мира писателем как языковой личностью.

Согласно М.П. Брандес, все три уровня индивидуального стиля автора находятся в тесном взаимодействии друг с другом и представляют собой единую систему. Именно поэтому индивидуальный художественный стиль можно рассматривать как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира писателя.

В настоящей диссертации, нацеленной на изучение особенностей поэтического мироощущения, обусловленного психотипической принадлежностью творческой языковой личности, используются результаты научных изысканий в области психолингвистики, рассматриваемые в качестве исходных базовых положений, подтверждающих правомерность изучения ментальных особенностей индивидуума по его проявлениям в речи.

1.3.1.1. Психические процессы и речевая деятельность индивида

В лингвистических исследованиях, осуществляемых с привлечением методологической базы психолингвистики, утверждается, что процессы порождения языкового высказывания обусловлены «особенностями психического склада индивидуума, детерминированного его жизненным опытом, складывающимся на основе контактов с внешним миром» [Дреева, Семенова 2019: 33].

Проблема корреляции психических процессов, происходящих в сознании индивида, с особенностями речевой деятельности, основанная на факторе детерминированности индивидуальной речевой компетентности спецификой психической организации субъекта, порождающего языковое высказывание, традиционно является одной из центральных в психолингвистике. В частности, основатель Тверской психолингвистической школы А.А. Залевская, рассматривая язык как своеобразный психический процесс, который «может протекать только во взаимодействии с другими

психическими процессами» [Залевская 2005: 258], одной из первых обозначила связь между текстом как продуктом речевой деятельности и психикой человека, приравняв язык к другим психическим процессам.

В рамках своей концепции, акцентирующей важную роль в этом процессе языка, фиксирующего результаты переработки опыта взаимодействия индивидуума с реальной действительностью, А.А. Залевская отмечает, что генерируемое творческой личностью «языковое произведение оказывается ключом к множеству далеко не всегда поддающихся вербализации продуктов различных процессов переработки индивидом его разностороннего опыта взаимодействия с окружающим миром» [Там же]. Таким образом, по мысли ученой, создаваемые творческим субъектом тексты являются верbalным подтверждением, материальной формой психических процессов, возникающих в результате его разносторонних контактов с окружающей действительностью.

Необходимо заметить, что вопросы, связанные с психологическими аспектами формирования речевых сообщений, выдвинулись в центр исследовательского интереса в последние десятилетия XX века, ознаменовав собой переключение внимания ученых с имманентных языковых явлений на экстралингвистические компоненты речевой деятельности.

В работах известных отечественных ученых (В.А. Звегинцев (1962), Т.М. Дридзе (1984), И.А. Зимняя (1985), Ю.А. Сорокин (1985), В.П. Белянин (2000), А.А. Залевская (2005)) подробно изучаются особенности использования языка в процессе коммуникации, обусловленные индивидуально-личностными характеристиками субъекта, в частности, его эмоционально-волевым и когнитивным факторами.

В этой связи следует упомянуть концепцию «акцентуированного сознания» В.П. Белянина, положенную в основу разработанной им типологии художественных текстов, в рамках которой выделяются различные типы текстов: «светлые», «темные», «печальные», «красивые», «сложные» [Белянин 2000: 41].

Центральным пунктом данной концепции является понятие эмоционально-смысловой доминанты как «системы когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психологической основой <...> вербализации картины мира в тексте» [Там же: 33]. По мнению В.П. Белянина, указанные «эталоны», будучи связаны с характерным для каждого конкретного индивида типом «акцентуации человеческого сознания» детерминируют выбор данной языковой личностью доминантных для нее языковых средств, которые она использует для описания действительности [Там же: 34].

Идеи В.П. Белянина получили развитие в работах, представляющих более позднее поколение исследователей, в которых подробно изучается проблема взаимосвязи психологических особенностей творческого субъекта и языкового оформления создаваемых им текстов. Так, в частности, О.Г. Гиль (Гиль 2000) устанавливает корреляцию между языковой спецификой устных нарративных текстов и личностно-психологическими характеристиками авторов этих рассказов [Гиль 2000: 31].

Релевантными для применяемого в настоящей диссертации подхода к изучению заявленной проблематики являются также результаты исследования Семеновой Т.В. [Семенова 2019], посвященного творчеству англо-американского поэта У.Х. Одена. На основании анализа идиостилевых доминант, характеризующих идиолект автора и отражающих трансформацию его психотипической принадлежности, делается вывод о наличии детерминированности ритмико-синтаксического уровня организации поэтического текста психологическими особенностями личности художника слова [Там же: 151].

Таким образом, анализ представленных точек зрения, основанных на результатах разысканий, осуществляемых в рамках интегрированного подхода с позиций психолингвистики, когнитологии и языкоznания, позволяет утверждать, что специфические черты структурно-семантической организации художественного текста можно рассматривать в соотнесенности

с психологическими особенностями автора, а именно: в корреляции с его психотипом, который, соответственно, можно трактовать как один из факторов, определяющих и, следовательно, характеризующих индивидуально-авторский стиль творческой языковой личности.

1.3.1.2. Дихотомия интроверсия / экстраверсия как исходный критерий индивидуально-личностной характеристики субъекта

Одним из фундаментальных положений психолингвистики, ориентированных на изучение особенностей речевого поведения языковой личности в реальных процессах коммуникации, является теория психотипов личности, основанная на соотношении психологической организации индивида и особенностей его поведения, мышления и взаимодействия с окружающим миром.

Следует отметить, что в рамках психологии разработан целый ряд типологий личности, среди которых особенно распространены следующие:

- а) теория типов личности Г. Айзенка, построенная на так называемой шкале нейротизма, отражающей уровень эмоциональной стабильности и устойчивости индивидуума к стрессам [Айзенк 1999];
- б) типология Майерс-Бриггс, основанная на классификации 16 психотипов по четырем основным параметрам (экстраверсия-интроверсия, ощущение-интуиция, мышление-чувство, суждение-восприятие) [Хеджес 2003].

Оба обозначенных подхода основываются на идеях теории психологических типов основоположника аналитической психологии К.Г. Юнга, использовавшего в своей типологии в качестве исходного критерия двухчленную оппозицию «экстраверсия / интроверсия» [Юнг 1995]. Разработанная швейцарским ученым теория представляется нам методологически оправданной и логически обоснованной и, следовательно,

приемлемой для объяснения и интерпретации полученных в ходе предпринятого нами исследования результатов.

Типология К.Г. Юнга позволяет связать выявленные в ходе исследования индивидуальные предпочтения исследуемой творческой языковой личности в выборе языковых средств с особенностями ее речевого поведения и интерпретировать их с учетом психологической характеристики данной личности, основанной, согласно К. Юнгу, на ее принадлежности к экстравертированному или интровертированному психотипу.

Так, показателем экстравертированности, связанной, по К. Юнгу, с обращенностью языковой личности к внешнему миру, выражающейся в ее потребности получить одобрение своим действиям и поступкам со стороны окружающих, является направленность «вовне», то есть «своеобразная установка по отношению к объекту (внешнему миру – Дз.Т.)» [Юнг 1995: 181], что на языковом уровне манифестируется в желании максимально исчерпывающе излагать мысли и описывать наблюдаемые факты. С точки зрения ученого, «экстраверсия есть, до известной степени, переложение интереса вовне, от субъекта к объекту» [Там же: 253].

Приведенные суждения ученого-психолога, рассмотренные в контексте антропоцентрической парадигмы в языкознании с учетом достижений современной когнитологии, позволяют утверждать, что психотипическая принадлежность личности коррелирует с особенностями ее мироощущения, способами восприятия ею окружающей действительности и моделями реакции на наблюдаемые явления внешнего мира, а, следовательно, с ее картиной мира.

1.3.2. Психологическая организация как маркер речевого поведения автора

В качестве одного из параметров типологии личности, основанной на ее психологической организации, выступает характеристика речевой

деятельности, рассмотренная сквозь призму дихотомии «экстраверсия / интроверсия».

Исследователи отмечают различия в стратегиях «контроля коммуникативного процесса», со стороны экстравертированного и интровертированного типов личности, а также «в техниках воздействия на собеседника» [Попова 2020: 431]. Исходя из этого, логично предположить, что выбор и комбинация языковых средств может рассматриваться как маркер психологического типа личности.

Именно выбор языковых средств характеризует манеру речевого поведения индивидуума, и, если для выражения своей интенции автор языкового сообщения последовательно выбирает языковые конструкции, сходные по своим внутренним характеристикам и многократно повторяющиеся в генерируемых им текстах, можно говорить об индивидуально-авторских предпочтениях в выборе языковых (в нашем случае – синтаксических) средств, свидетельствующих об определенных психологических свойствах данной языковой личности.

В этой связи уместно привести точку зрения современной исследовательницы в области языка поэзии Е.А. Горло, которая, анализируя речевое поведение языковых личностей – поэтов-символистов начала XX века в своей работе «Интровертированное / экстравертированное речевое поведение авторов поэтических текстов» (2007), приходит к выводу, что показателями речевого поведения писателя-экстраверта являются языковые единицы с «высокой степенью развернутости» [Горло 2007в: 32]. К ним Е.А. Горло относит единицы различных языковых уровней, характеризующиеся функцией пояснения к сказанному, а именно: «обоснения, вводные слова и конструкции, причастные и деепричастные обороты, осложненные предложения, придаточные предложения и речевые фигуры прибавления» [Там же]. К подобным языковым единицам следует относить также, с нашей точки зрения, различные виды повторов и параллелизмов.

Речевое поведение поэта-интроверта направлено не «вовне», т.е. на внешний объект, а «вовнутрь», т.е. на сам субъект, и отличается «большой степенью свернутости» высказывания [Там же: 31]. Такая особенность речевой манеры проявляется в предпочтении языковых единиц с высокой степенью компрессии объема высказывания, к которым исследовательница относит «односоставные предложения, а также фигуры убавления, построенные на языковой недостаточности (эллипсис, асиндтон, просиопезис, апосиопезис)» [Горло 2007а: 130].

Проблема психологической организации индивида как фактора влияния на особенности продуцирования речи исследуется и на уровне лексики. Так, И.В. Чивилева, кандидатская диссертация которой посвящена изучению речевой деятельности личности в соотнесенности с уровнем ее эмоциональной активности [Чивилева 2005], приходит к выводу о свойственной интровертам склонности к использованию более обширного словарного запаса; при этом соблюдение лексических норм может сопровождаться, по ее мнению, нарушением «грамматических правил, логичности и целостности повествования» [Там же: 14].

Что касается языковых средств, отличающих речевое поведение экстравертов, то они, согласно результатам исследования И.В. Чивилевой, характеризуются, напротив, «небольшим объемом словаря, соблюдением грамматических норм, целостностью и логичностью повествования» [Там же: 14].

Таким образом, на основании изложенных суждений и анализа приведенных точек зрения в преломлении к исследуемому эмпирическому материалу можно утверждать, что преобладание в тексте языковых единиц с той или иной степенью свернутости / развернутости свидетельствует, в соответствии с выведенной К. Юнгом формулой «экстраверсия / интроверсия», о склонности автора к тому или иному типу речевого поведения, обусловливающему выбор соответствующих средств построения текста.

1.4. Поэтический идиолект как отражение специфики образа мира элитарной языковой личности

Итак, согласно результатам научных изысканий, осуществляемых в рамках одного из интенсивно развивающихся в последнее время направлений когнитивной лингвистики, а именно – когнитивной грамматики, анализ индивидуальных предпочтений в области текстопостроения может свидетельствовать об особенностях авторского мироощущения. Речь идет о средствах синтаксической организации текста, образующих, наряду с особенностями словоупотребления, индивидуальный почерк творческой личности. Признается, что изучение особенностей языковой презентации индивидуально-авторской картины мира на уровне построения художественного текста относится к важнейшим задачам современной когнитологии.

При этом, как следует из изложенного в предыдущем разделе диссертации, поэтическое мироощущение оказывается под двойным воздействием: «Индивидуально-авторская картина мира формируется на основе историко-философского базиса ККМ, сложившейся у автора на момент творчества, а также на основе психологической обусловленности той или иной личности» [Дреева, Семенова 2019: 6].

1.4.1. Идиостиль и идиолект. К вопросу о конгруэнтности и дифференциации понятий

В данном параграфе ставится задача рассмотреть сущность понятий «идиолект» и «идиостиль» и выяснить, в чем состоит различие между ними. Критическое осмысление результатов исследований, включающих в себя толкование обоих понятий, дает основание охарактеризовать обозначаемые ими явления как весьма сложные и многогранные, что, с нашей точки зрения, связано с их интроверсивным и экстравертным характером,

детерминированным в свою очередь, многоплановостью феномена творческой языковой личности.

Понятие «идиостиль» получило широкое распространение в научных трудах, посвященных вопросам стилистики художественного текста, однако оно до сих пор не имеет однозначного и достаточно полного определения. Чаще всего под идиостилем понимается индивидуально-авторский стиль художественных произведений того или иного автора.

Первые научные труды, посвященные языковому стилю, стилю речи, идиостилю, связаны с именем В.В. Виноградова [Виноградов 1958]. Исследованием идиостиля также занимались такие ученые, как Ю.Н. Каулов [Каулов 2001], В.В. Леденева [Леденева 2001], М.П. Котюрова [Котюрова 2006] и др. Несмотря на отсутствие единого определения указанного понятия, большинство языковедов сходятся в мнении, что идиостиль представляет собой совокупность языковых средств (лексических, грамматических и стилистических), типичных для произведений конкретного автора и отражающих специфику его мировосприятия.

Проблема формирования единого понимания термина «идиостиль» связана с тем фактом, что он изучается в рамках разнообразных научных направлений, и при его изучении, соответственно, используются разнообразные приемы и методы. Н.С. Болотнова определяет идиостиль как «многоплановое проявление мировидения создателя в структуре, семантике и pragmatike текста, в характерной для него стратегии организации текстовой деятельности» [Болотнова 2001: 98]. Следовательно, идиостиль – это характерный для индивидуального почерка данной языковой личности способ отражения в художественном произведении авторского мировоззрения.

Исследователи выделяют несколько подходов к изучению идиостиля [Старкова 2015: 76], существование которых на современном этапе развития языкоznания свидетельствует о сложности и многогранности данного феномена. Каждый из этих подходов сформировался в рамках

соответствующего направления лингвистической науки и представлен в трудах отечественных ученых.

Так, в работах представителей семантико-стилистического подхода (В.В. Виноградов, Л.И. Донецких, М. Поцепня) идиостиль характеризуется как система «эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» [Виноградов 1961: 85]. При подобном толковании идиостиля во главу угла ставится анализ языковых явлений в их эстетической организации в языке художественных произведений.

При лингвопоэтическом подходе (В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева, Е.А. Некрасова) идиостиль понимается как совокупность взаимообусловленных языковых приемов текстопостроения, используемых писателем при создании художественного произведения [Некрасова 1991: 123];

Для представителей системно-структурного подхода (Ю.М. Лотман, О.Г. Ревзина, С.Т. Золян, О.И. Северская) характерно более широкое толкование идиостиля, предполагающее рассмотрение данного феномена в контексте с такими понятиями, как память, воображение, мышление. Так, в понимании С.Т. Золяна идиостиль – это «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторая функция, которая соотносит принимающий различные состояния язык с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» [Золян 1989: 240]. При этом ученый сопоставляет рассматриваемое понятие с «генетически обусловленным способом мышления творческой языковой личности», влияющим на выбор «индивидуального «кода иносказания», используемого для создания «возможного мира» [Там же: 252].

Релевантным для развивающейся в настоящей диссертации концепции является также декларируемый сторонниками системно-структурного подхода тезис об идиостиле как высшей точке эволюции художественной системы, обусловленной направленностью вектора ее развития, опорными точками которого являются поэтический язык, идиолект и идиостиль; а также тезис о роли «доминанты как конструктивного принципа, в

соответствии с которым изменяются обычные системные отношения элементов поэтического языка» [Старкова 2015: 77]. Приведенное суждение имплицирует мысль о поэтическом языке как изменяющейся, иерархически организованной системе элементов, а также содержит косвенное указание на необходимость дифференциации обсуждаемых в данном разделе диссертации понятий «идиостиль» и «идиолект».

Коммуникативно-деятельностный подход (Ю.Н. Караулов, Н.С. Болотнова) подчеркивает доминирующую роль автора как уникальной творческой языковой личности, индивидуальность которой проявляется на всех уровнях организации текста. В рамках этого подхода идиостиль рассматривается с точки зрения коммуникативного процесса между автором и читателем, в котором главенствующая роль отводится продуценту, влияющему на мышление и вербальное поведение реципиента, «в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» [Болотнова 2004: 286].

В рамках когнитивного подхода (В.А. Пищальникова, Л.О. Бутакова, И.А. Тарасова), разрабатываемого в контексте когнитивной лингвистики на основании механизма конструирования «возможных миров», идиостиль трактуется как «система логико-семантических способов презентации концептуальной системы автора поэтического текста, объективированную в эстетической речевой деятельности» [Пищальникова 1992: 42].

Как видим, при подобном толковании используется понятие «возможные миры», введенное в научный оборот выдающимся философом, математиком и языковедом Г.В. Лейбницием и связанное с соответствующей категорией модальной логики. В соответствии с предлагаемой когнитивистами трактовкой идиостиль представляет собой набор языковых элементов, образующих определенную систему, «которая соотносит внутренний мира поэта (поэтическое мировидение, ментальный мир) с художественной действительностью, художественным миром текста, творимым поэтическим языком» [Тарасова 2004: 29-30].

С учетом приведенных суждений и изложенных точек зрения можно заключить, что применительно к материалу настоящего исследования наиболее полным и в достаточной степени исчерпывающе характеризующим феномен идиостиля определением является, на наш взгляд, следующее: «Идиостиль – это детерминированная особенностями сознания творческой личности совокупность способов моделирования индивидуально-авторской картины мира в поэтическом тексте посредством отбора определенных языковых средств <...> с целью выражения авторской интенции» [Дреева, Семенова 2019: 32]. Данное определение предполагает, разумеется, что индивидуально-авторская картина мира языковой личности формируется в определенных культурно-исторических условиях под влиянием совокупности факторов, главным из которых является личностный опыт, обуславливающий специфику авторского мировоззрения.

Понятие «идиостиль» рассматривается в лингвистике в контексте с родственным ему понятием «идиолект». При этом признается, что первый из сравниваемых концептов является семантически более объемным, включающим в себя всю «совокупность языковых выразительных средств автора, в то время как компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля» [Новиков, Преображенский 1990: 56]. При этом исследователи, дифференцируя данные понятия, соотносят идиолект с текстом, а идиостиль – с языковой личностью. Из этого следует, что идиостиль играет ключевую роль в процессе генерирования художественного текста, выступая в качестве посредника «между конкретным текстом и его автором» [Котюрова 2006: 96].

Как видим, оба термина относятся к характеристике способов презентации особенностей индивидуально-авторской картины мира в языке художественных произведений, produцируемых творческой языковой личностью, однако, с нашей точки зрения, идиолект подразумевает рассмотрение и анализ лингвистических особенностей произведений художника слова в хронологической перспективе сквозь призму идиостилевых параметров. Именно такой подход, используемый в настоящей

диссертации, позволяет проследить эволюцию авторского языка и преобразования в нем на протяжении всего творческого пути автора, что, соответственно, обеспечивает формирование максимально объективного и целостного представления об индивидуальном стиле художника слова.

Исходя из этого, можно утверждать, что понятие «идиолект» объемнее, поскольку анализ текстов в диахроническом плане позволяет получить более обширное представление об уникальном стиле автора. Что же касается идиостиля, то он дает возможность выявить специфические способы и средства вербализации авторской картины мира в отдельно взятом произведении или в художественной системе автора в целом и тем самым выявить и описать особенности мировоззрения творческой личности, обусловленные, согласно развивающейся нами концепции, психологическими параметрами данной языковой личности, влияющими на авторскую интенцию и коммуникативно-целевые стратегии автора, используемые им при создании текстов.

Итак, как следует из приведенных выше суждений, идиостиль и идиолект, тесно коррелируя друг с другом, являются, бесспорно, личностно ориентированными понятиями, то есть представляют собой феномены, включающие в себя в качестве главной составляющей языковую личность, что объясняет необходимость подробного рассмотрения данных явлений в работе и, в целом, подтверждает правильность выбранной нами исследовательской траектории.

1.4.2. Поэтический текст как объект изучения лингвопоэтики. Особенности синтаксической организации поэтического текста

Поэтический текст как особая разновидность текста художественного традиционно находится в центре внимания филологов и лингвистов. Будучи эстетично организованной системой, способной «выжимать все соки из языка» [Бахтин 1975: 46], поэтический текст репрезентирует особенности

индивидуально-авторской картины мира, сочетающей в себе объективные представления о мире художника слова и его субъективное отношение к нему.

В поэтическом тексте любой элемент языкового уровня может стать значимым. Сама структура поэтического текста побуждает смысловые единицы вступать в сложную систему отношений, нетипичных для прозы. В составе поэтического произведения слово получает потенциальную способность ассоциироваться с теми образами и эмоциями, которые заложены в структуре целого. Таким образом, характерной особенностью поэтического текста является обусловленность его содержания композицией, когда языковые единицы, оказываясь в условиях «единства и тесноты стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов), приобретают дополнительные, не свойственные им в иных обстоятельствах, смыслы и значения. Кроме того, «семантическое поле» отдельной лексической единицы в поэтическом контексте способно обогащаться новыми, порой неожиданными ассоциациями.

Именно поэтому поэтический текст как источник и носитель вербальной информации представляет собой явление сложное и многоплановое. Закодированная в языковом материале поэтического текста информация, отображающая элементы реальной действительности, включает в себя необходимую долю объективности, скорректированную субъективным авторским мировоззрением. Рождаемый поэтическим произведением поэтический смысл формируется из отдельных единиц, выступающих средствами воплощения соответствующего авторского идеально-художественного замысла.

Как подчеркивалось во Введении, в настоящее время в лингвопоэтике, предметом которой является «изучение языковых особенностей художественных текстов в связи с производимым этими текстами эстетическим эффектом» [Дреева, Семенова 2019: 4], считается доказанным, что выявление особенностей структурной организации поэтического текста посредством изучения языковых средств его организации на уровне синтаксиса имеет существенное значение не только для «понимания

эстетической ценности произведения словесного искусства» [Лотман 1970: 45], и, следовательно, для понимания авторской интенции, но и для реконструирования ККМ автора.

Согласно развивающейся в рамках настоящего исследования концепции, синтаксические средства, участвующие в продуцировании поэтического текста, коррелируют с особенностями поэтического мироощущения, основанного на субъективно-личностных представлениях языковой личности об окружающей действительности (См. об этом: [Попова, Стернин 2007: 40.]) и детерминированного ее психотипическими особенностями. Иными словами, структурно-синтаксические средства организации поэтического текста исследуются в данной работе с точки зрения их соотношения с особенностями индивидуального стиля, обусловленного своеобразием индивидуально-авторской модели мира.

Синтаксический уровень организации стихотворной формы текста следует рассматривать как особые, установленные стиховыми конвенциями, условия употребления синтаксических языковых средств при создании поэтических произведений. Синтаксис поэзии отличается от организации прозаического текста, а также от разговорной речи, предоставляя художнику слова широкие возможности использования различных языковых средств при построении стихотворного текста.

Так, например, поэты могут менять структуру предложения, отступать от установленного порядка слов и использовать пунктуацию как способ акцентирования наиболее значимых компонентов высказывания. Одной из отличительных особенностей синтаксиса поэтического текста является свобода от ограничений обычной грамматики. Поэты могут варьировать порядок слов, использовать нестандартные конструкции и создавать собственные правила с целью достижения желаемого эффекта. Именно благодаря свободе поэтического синтаксиса от обычных грамматических конвенций (порядок слов, стандартные грамматические конструкции и пр.)

становится возможным создание уникальных поэтических текстов, которые оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя.

По мнению советского филолога и историка литературы Е.Г. Эткинда, стихотворный текст – это «высшая форма бытия национального языка» [Эткинд 1963: 3], так как она представляет собой сложную систему создания художественного произведения на всех уровнях организации языка. Ю.М. Лотман характеризовал поэзию как «особым образом организованный язык» [Лотман 1972: 131], акцентируя при этом значимость эстетического аспекта поэтического текста, под которым принято понимать ритм, метрику, различные синтаксические и стилистические фигуры, обеспечивающие в тесной взаимосвязи с семантической составляющей целостное восприятие лирического произведения.

Согласно утверждению Ю.М. Лотмана, любая речевая конструкция, выступающая в прозе в качестве формального элемента, может возводиться в стихотворном произведении в ранг значимых, участвуя в создании «сложно построенного смысла» поэтического текста [Лотман 1972: 38].

1.4.3. Доминанты как характерные черты идиолекта творческой личности

При анализе художественного текста четко вырисовывается некоторая стереотипность в отражении действительности, характеризующая индивидуально-стилевые особенности автора произведения и отражающая специфику его ККМ. «Индивидуальная картина мира и является тем интегрирующим фактором, который связывает воедино все ощущения и восприятия личности» [Белянин 2000: 49]. Иными словами, в основе любого художественного произведения лежит некая личностная особенность. «Действительность воздействует на личность и вызывает в ней определенную личностную реакцию – определенную установку, которая ложится в основу последующей деятельности человека» [Узнадзе 2004: 394].

Важно отметить, что в настоящее время в когнитивной лингвистике и лингвистической поэтике считается общепризнанным, что употребление в художественном, в том числе поэтическом, тексте языковых единиц разноуровневой принадлежности (не только фонетических и лексических, но также грамматических) «детерминировано особенностями индивидуального стиля отдельно взятой творческой личности» [Дреева, Семенова 2019: 41], а само понятие «идиостиль» представляет собой «совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора» [Бойчук 2019: 12-13].

При этом, как было уже упомянуто, роль и значимость языковых единиц, используемых в качестве элементов поэтического текста, может быть разной, что обуславливает наличие принципа доминирования в иерархической структуре текста.

Указанное обстоятельство, послужившее одной из отправных точек настоящего исследования, позволило сфокусировать основное внимание в работе на изучении ключевых, доминирующих, элементов поэтического языка Ингеборг Бахман, которые квалифицируются нами, в соответствии с развивающейся в работе концепцией, как идиостилевые доминанты австрийской поэтессы, репрезентирующие специфику ее индивидуально-авторской картины мира.

1.4.3.1. Грамматическая доминанта. К объему и сущности понятия

Термин «доминанта» восходит к латинскому «*dominans*» – господствующий). В психологии под доминантой понимают «временно господствующую рефлекторную систему, которая обуславливает работу нервных центров организма в данный момент времени и тем самым придает поведению определенную направленность» [Ухтомский 2002: 198].

По мнению видного отечественного психофизиолога А.А. Ухтомского, разработавшего научную теорию доминанты в 20-е годы прошлого века,

доминанта, определяющая «общий колорит, под которым рисуются нам мир и люди», влияет как на поведение личности, так и на специфику восприятия ею действительности [Там же: 90].

Таким образом, по мысли ученого, свойственная каждой личности индивидуальная физиологическая особенность ведет к дивергентности в субъективной интерпретации результатов когниции и языковой категоризации окружающего мира, поскольку, как утверждает А.А. Ухтомский, «Наши доминанты, наше поведение стоят между нашими мыслями и действительностью... Мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, то есть наше поведение» [Ухтомский 2002: 253]. Из этого утверждения следует, что человек не воспринимает окружающую действительность пассивно, а непосредственно участвует в формировании своего мировоззрения, пропуская получаемую извне информацию через свою систему координат (доминант) и выражая таким образом свое критическое отношение к реальности.

Именно поэтому, как утверждал А.А. Потебня, в мире не существует двух одинаковых людей, «которые вкладывали бы одинаковое содержание в слова, обозначающие предметы или явления объективного мира» [Потебня 1989]. Такого же мнения придерживался и В. Гумбольдт: «Никто не понимает слова именно так, как другой. Всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе с тем разногласие» [Гумбольдт 2000: 84].

Что касается понятия идиостилевой доминанты, то оно коррелирует, разумеется, с понятием доминаты, введенным в научный оборот А.А. Ухтомским, но содержательно и функционально соотносится скорее с трактовкой термина «доминанта», характерной для представителей русского формализма начала XX века Р.О. Якобсона, В.Б. Шкловского, О.М. Брика и др. По мысли Р.О. Якобсона, доминанта, будучи «фокусирующим компонентом художественного произведения, <...> управляет, определяет и

трансформирует остальные компоненты» [Якобсон 1976: 56], обеспечивая связность и обусловливая специфику всего текста.

Идеи русских формалистов получили дальнейшее развитие в трудах отечественных ученых Е.И. Шендельс и О.И. Москальской, посвященных лингвистике текста. В рамках теории когерентности текста Е.И. Шендельс понятие доминанты связывалось с грамматическим уровнем организации текста и означало набор языковых конструкций, отличающихся высокой степенью фреквенции в данном конкретном типе текста (см.: [Шендельс 1987: 143]).

Аналогичный подход к пониманию данного феномена предлагает и О.И. Москальская. Рассматривая грамматические доминанты, характеризующие «наряду с содержанием текста и его лексическим составом <...> соответствующий тип текстов» [Москальская 1982: 4], сквозь призму категории связности текста, она называет частотность главным категориальным признаком подобных конструкций, обеспечивающим их доминантный статус.

Что касается концептуального содержания грамматических доминант, то оно, по мысли ученой, зависит от коммуникативно-прагматической характеристики текста: «<...> грамматической доминантой текста-воздзвания, текстов-призывов или текста-инструкции является обилие различных видов побудительных предложений, грамматической доминантой текста-описания – преобладание предложений с именным сказуемым и выдержанность описания в одной форме. Грамматической доминантой научного или научно-технического текста является обилие усложненных, или «конденсированных» предложений с субстантивными блоками, распространенными определениями, причастными оборотами, позволяющими включить в рамки не только сложного, но и простого предложения максимум информации» [Там же: 5].

В более поздних работах, отражающих актуальные подходы к изучению языковых феноменов и учитывающих результаты новейших изысканий в

рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике, идеи О.И. Москальской уточняются и конкретизируются. Так, Г.Г. Матвеева рассматривает авторские предпочтения в выборе языковых средств на синтаксическом уровне построения текста с точки зрения осознанности / неосознанности и связывает неосознанный выбор с подчиненностью речевым привычкам, которые формируют идиостилевые особенности, характеризующие картину мира художника слова [Матвеева 2010: 119].

Приведенное суждение перекликается с точкой зрения В.А. Пищальниковой, трактующей идиостиль как целостную систему, которая «возникает вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Пищальникова 1992: 21].

Дж.М. Дреева и Т.В. Семенова, исследуя доминантные способы языковой репрезентации индивидуально-авторской модели мира в поэтическом дискурсе У.Х. Одена, включают в приведенный выше перечень типов текстов еще один тип текста, а именно – поэтический, уточняя при этом, что под грамматическими доминантами данного типа текста подразумеваются «господствующие, т.е. наиболее часто употребляемые <...> в поэтическом тексте грамматические явления, создающие, наряду с содержанием текста и словарным составом, его идиостилевое своеобразие» [Дреева, Семенова 2019: 43].

Экстраполируя представленную выше концепцию О.И. Москальской на объект нашего исследования и основываясь на результатах первого этапа анализа эмпирического материала, можно утверждать, что в качестве грамматических доминант, обусловленных своеобразием ККМ автора, выступают в данном случае синтаксические конструкции волонтативной семантики (то есть «различные виды побудительных предложений», согласно приведенному выше определению О.И. Москальской), выражающие, в соответствии с авторским волеизъявлением, повелительное наклонение.

Предварительное знакомство с фактическим материалом, обнаружившее заметную частотность употребления определенных языковых единиц, создающих, наряду с идейно-тематическим содержанием и словарным составом, идиостилевое своеобразие поэтической системы И. Бахман, позволило, таким образом, выделить в качестве грамматической доминанты императивные конструкции, представленные в поэтической системе поэтессы, как правило, в виде синтаксического параллелизма, эллиптических и парцеллированных синтаксических структур. Подробному рассмотрению перечисленных конструкций и анализу их функционирования в диахронической перспективе в художественной системе поэтессы посвящена практическая часть диссертации.

Таким образом, «обилие различных видов побудительных предложений», выделяемых О.И. Москальской в качестве грамматической доминанты, характеризующей такие жанровые разновидности текстов, как тексты-воззвания, тексты-призывы, оказывается доминантным и, следовательно, системно значимым и для текстов поэтических в рамках художественного идиолекта исследуемой нами элитарной языковой личности.

1.4.3.2. Идиостилевые доминанты как «фокусирующие компоненты» идиолекта автора

Мысль Р.О. Якобсона о доминате как «фокусирующем компоненте художественного произведения», трансформирующем остальные компоненты и определяющем специфику всего текста [Якобсон 1976: 59], получила свое развитие в работах, посвященных изучению проблематики, связанной с индивидуальным стилем художников слова, а само понятие доминанты приобрело категориальный статус. Исследователи признают, что феномен идиостиля соотносится с авторской интенцией и определяется характерными для данной индивидуальной языковой личности предпочтениями в выборе языковых средств [Киреева 2016: 5], которые могут рассматриваться в

качестве доминант, создающих идиостилевое своеобразие определенного типа текста.

Идиостилевая доминанта трактуется при этом как характерное для индивидуального почерка данного автора языковое явление, являющееся наиболее частотным и, следовательно, наиболее важным как для отдельного текста, так и для всей авторской художественной системы в целом. Значимой для решения поставленных в настоящей диссертации задач является также мысль о корреляции идиостилевых доминант с «авторскими личностными смыслами» [Там же: 5], характеризующими языковую личность писателя.

В настоящем исследовании под доминантами идиостиля понимаются языковые явления (в нашем случае – синтаксические конструкции), используемые автором с высокой степенью частотности и в силу этого рассматриваемые в качестве системообразующих элементов, маркирующих авторский идиолект и манифестирующих особенности ККМ творческой личности.

Иными словами, доминанты – это языковые единицы, образующие некий «каркас» произведения, состоящий из «внутренних **констант**» [Шпитцер 2007: 214], а именно: из повторяющихся элементов, «транслирующих систему мировоззрения автора» [Курячая 2010: 82] и формирующих синтаксическое пространство текста. Вслед за Эйхенбаумом мы полагаем, что идиостилевая доминанта, будучи одним из текстообразующих компонентов, организует все элементы текста, «господствуя над остальными и подчиняя их себе» [Эйхенбаум 1969: 332].

Признается, что доминанта проявляется на различных уровнях организации текста посредством «частой повторности явлений» [Шпитцер 2007: 214], то есть посредством повторяющихся языковых единиц, несомненно влияя как на синтаксическую организацию, так и на смысловое содержание текста и свидетельствуя о постоянстве художественных пристрастий автора, поскольку, как писал известный немецкий теоретик литературы Л. Шпитцер: «Излюбленные слова и обороты встречаются

повсюду у самых лучших писателей <...>, и они должны неизбежно существовать в силу постоянства художественной интуиции поэта» [Там же: 213].

Итак, обобщая изложенные выше суждения и точки зрения ученых, можно констатировать следующее.

Анализ художественных текстов обнаруживает определенные закономерности в использовании разноуровневых языковых единиц, связанные со спецификой отражения действительности данной языковой личностью и формирующие своеобразие авторского индивидуального стиля. Следовательно, можно говорить о наличии в любом художественном тексте определенных языковых элементов, манифестирующих личностные особенности автора и, соответственно, особенности его идиостиля (см. об этом: [Дреева, Биджелова 2015]) и играющих важную роль при анализе художественных произведений с точки зрения отражения в тексте авторской картины мира.

Индивидуальные особенности текстопостроения репрезентируются на всех уровнях организации текста, при этом некоторые языковые средства – лексические, грамматические или стилистические – встречаются в рамках отдельной художественной системы с заметной частотностью, позволяющей рассматривать их в качестве индивидуально-авторских предпочтений, которые квалифицируются нами как грамматические или, соответственно, идиостилевые доминанты, характерные для индивидуальной художественной парадигмы конкретной творческой личности.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что художественное произведение – это личностная интерпретация реальности. Языковые средства, являющиеся наиболее частотными для данной художественной системы и в силу этого выступающие в качестве маркеров индивидуального стиля данной языковой личности, рассматриваются в настоящей диссертации, в соответствии с развивающейся в ней концепцией, в качестве идиостилевых доминант, позволяющих реконструировать ККМ творческой личности.

Выводы по главе I

Критическое осмысление теоретических источников, посвященных проблеме концептуальной и языковой картин мира, как необходимая предпосылка для обстоятельного и комплексного исследования проблемы корреляции между картиной мира творческой языковой личности и особенностями ее языкового воплощения в создаваемых ею текстах, а также аналитический обзор научных трудов в области когнитологии, лингвопоэтики, лингвистической прагматики и психолингвистики позволил сформировать необходимую для предпринятого исследования теоретическую платформу, включающую в себя следующие положения.

Картина мира, существующая в ментальной сфере познающего субъекта в своеобразной материальной форме, трактуется учеными как результат концептуализации окружающей действительности и отражения объективного мира. Этой материальной формой является язык, одна из важнейших функций которого заключается в формировании и закреплении знаний о мире. Таким образом, языковую картину мира следует интерпретировать как часть концептуальной модели мира и рассматривать как зафиксированный в языковых знаках результат мыслительной деятельности представителей конкретного этнического сообщества, направленной на познание объективного мира.

Авторская художественная картина мира, или поэтическая картина мира, представляет собой выражаемую в виде текстов специфическую форму мировосприятия как результат речемыслительной, творческой деятельности художника слова. Художественный, в том числе поэтический, текст представляет уникальность языковой личности и, следовательно, языкового сознания автора.

Языковое сознание, отражающее специфические черты индивидуально-авторской концептуальной картины мира и представляющее собой индивидуальную модель мировидения конкретной языковой личности,

репрезентируется на языковом уровне организации генерируемых ею текстов посредством конституированной совокупности языковых единиц.

В качестве носителей оригинального, самобытного языкового сознания в работе рассматриваются элитарные языковые личности, речевое поведение которых следует квалифицировать как эталонное в силу присущих ему «образцовых» качеств, таких, как образность и выразительность используемых языковых средств, соблюдение конвенционально обусловленных норм литературного языка, в том числе, с учетом его функционально-стилевых особенностей, а также логичность, четкость и аргументированность речевых высказываний.

Выбор языковых средств отражает в формируемом в рамках художественной системы текстовом пространстве специфические особенности авторской картины мира и характеризует манеру речевого поведения творческого субъекта, в том числе элитарной языковой личности, образующую своеобразие авторского индивидуального стиля и свидетельствующую об определенном типе психологической организации данной личности.

Языковые средства, являющиеся, в силу высокой степени репрезентативности, наиболее характерными для отдельной художественной системы и в силу этого выступающие в качестве маркеров индивидуального стиля автора, квалифицируются нами как идиостилевые доминанты, позволяющие воссоздать ККМ исследуемой творческой элитарной личности.

Глава 2. Особенности языковой репрезентации концептуальной картины мира в идиолекте И. Бахман

2.1. Поэтический идиолект И. Бахман как отражение особенностей ее концептуальной картины мира

Как подчеркивалось в Главе I настоящей диссертации, художественный текст, создаваемый творческой языковой личностью и репрезентирующий индивидуально-авторскую картину мира, отражает специфические особенности поэтического мироощущения, детерминированного общекультурными факторами и индивидуально-личностным опытом.

Знакомство с творческой биографией Ингеборг Бахман, которая была не только незаурядным художником слова, выдающейся австрийской поэтессой, талантливым драматургом и публицистом, но и ученой-философом, блестяще защитившей докторскую диссертацию, посвященную одному из самых известных философов XX века Мартину Хайдеггеру, во многом объясняет своеобразие и уникальность ее поэтического идиолекта, характеризующегося, как отмечают исследователи ее творчества, многомерностью и нестандартностью, противоречивостью и дисгармоничностью, «бесконечными поворотами смыслов», поражающими «новыми гранями языковых превращений» [Уварова 2020: 122].

Ингеборг Бахман принадлежала к числу немецкоязычных поэтов послевоенного времени, испытывавших груз безысходной безнадежности, невозможности избавления от страшного прошлого и разделявших со всем немецким народом чувство вины и ответственности перед человечеством.

События эпохи фашизма, величайшей трагедии XX века, радикально изменившие мир и, по собственному признанию поэтессы, разрушившие ее детство, глубоко потрясли ее и оставили неизгладимый след в ее памяти. В сознании Бахман навсегда укоренился страх смерти, оказавший значительное влияние на формирование ее концептуальной модели мира.

Становится вполне понятно, почему поэтесса в юности увлеклась психологией и философией. Ингеборг Бахман занимали вопросы будущего человечества, оказавшегося под экзистенциональной угрозой, преодолеть которую можно лишь упорным стремлением вырваться из настоящего. В своих произведениях, отражавших противоречивость ее мироощущения и наполненных ощущением тревоги и пессимизма, поэтесса выражала разочарование и надежду своих современников, не утративших способность любить, несмотря на боль и отчаяние.

Зарубежные литературоведы указывают на наметившийся в этот период времени под влиянием общенационального чувства вины перелом в немецкой национальной картине мира, поставивший под сомнение прежние эстетические позиции «в отношении их эпистемологических и, прежде всего, моральных последствий», с осознанием последствий национал-социализма, отразившихся, в том числе, и в языке [Larcati 2006: 12].

Сама Ингеборг Бахман связывала поэтическое вдохновение, воплощенное в слове, с индивидуально-личностным опытом художника слова, утверждая, что «новая поэзия не возникает», если не существует никаких сомнений и разочарований, и, следовательно, «никакой реальной проблематики в самом творце» (цит. по: [Larcati 2006: 12]). Приведенное суждение имплицирует мысль о наличии взаимозависимости между концептуальной моделью мира, отражающей индивидуальные переживания творческой личности, и спецификой ее языкового воплощения в тексте.

В этой связи становятся понятными причины периода «молчания» в торчестве И. Бахман (с 1963 по 1971 год), наступившего после разрыва с М. Фришем и отмеченного практически полным безмолвием, когда поэтесса почти не писала новых произведений: “Ich habe aufgehört, Gedichte zu schreiben, als mir der Verdacht kam, ich "köinne" jetzt Gedichte schreiben, auch wenn der Zwang, welche zu schreiben, ausbliebe. Und es wird eben keine Gedichte mehr geben, eh' ich mich nicht überzeuge, daß es wieder Gedichte sein müssen und

“nur Gedichte, so neu, daß sie allem seither Erfahrenen wirklich entsprechen” [цит. по: Koschel, von Weidenbaum, 1963: 40]¹.

Как свидетельствует анализ собранного нами эмпирического материала, синтаксис бахмановских стихотворений отражает противоречия в сознании поэтессы, обусловленные переживаемыми ею жизненными коллизиями, изобилуя, с одной стороны, повторами и параллелизмами, нацеленными на распространение объема эксплицируемой информации, с другой стороны, – эллиптическими конструкциями, редуцирующими объем стихового высказывания.

Анализу синергийного взаимодействия указанных приемов в рамках поэтической системы И. Бахман, которые «в единоборстве, разрушая друг друга, соединяются вновь» [Уварова 2020: 122], посвящена практическая часть диссертации. Данные приемы, выбор которых детерминирован авторской интенцией, заключающейся, согласно выдвигаемой нами гипотезе, в деятельностном желании изменить мир к лучшему, рассматриваются в работе в качестве идиостилевых доминант, отражающих своеобразие индивидуально-авторского сознания поэтессы.

Манифестируемое с помощью средств выражения волонтативной семантики волеизъявление элитарной творческой личности прослеживается, в соответствии с развивающейся в диссертации концепцией, в диахронической перспективе посредством анализа императивных форм – экспликаторов категории побуждения.

Решение поставленных в исследовании задач, связанных со способами вербализации волонтативной семантики, обусловило необходимость привлечения к анализу также тех приемов поэтического синтаксиса И. Бахман,

---

¹ «Я перестала писать стихи, когда почувствовала, что теперь я "умею" писать стихи, даже если нет необходимости из писать. И стихов больше не будет, пока я не докажу себе, что стихи снова должны быть, и при этом только стихи, настолько новые, что они действительно будут соответствовать всему пережитому до сих пор» (Перевод наш – Дз.Т.).

которые не связаны напрямую с модальностью, но отражают трансформацию поэтической картины мира в процессе эволюции сознания изучаемой элитарной творческой личности, предполагающей изменение ее психотипической принадлежности.

Следующий раздел, предваряющий собственно практическую часть исследования, посвящен подробному анализу и описанию императива и его форм, вербализующих авторское волеизъявление и выступающих в качестве средств реализации категории побуждения в рамках поэтического идиолекта И. Бахман.

2.2. Императив – вербализатор авторского волеизъявления и грамматическая доминанта идиостиля И. Бахман

Результаты первого этапа анализа собранного в ходе исследования эмпирического материала позволили установить авторские предпочтения в выборе языковых средств, манифестирующих специфические особенности ККМ изучаемой творческой личности.

В соответствии с этим, императивные конструкции, выражающие авторское волеизъявление, квалифицируются в рамках развивающейся в работе концепции как грамматическая доминанта идиолекта австрийской поэтессы и рассматриваются нами в качестве ключевого элемента художественной системы И. Бахман, отражающего специфику авторского мироощущения.

Экспонентами семантики побуждения в анализируемых поэтических произведениях выступают такие грамматические конструкции, как синтаксический параллелизм, парцелляции и эллипсис, которые, в силу высокой репрезентативности в поэтическом синтаксисе И. Бахман, интерпретируются нами как идиостильевые доминанты данной элитарной языковой личности, коррелирующие с особенностями ее психотипической принадлежности.

Необходимо заметить, что категория побуждения как один из способов языковой репрезентации волонтативной функции и средство манифестации

модальности в системе языка, выдвинулась в центр исследовательского интереса, наряду с другими антропо-ориентированными категориями, во второй половине XX века в связи с интенсивным развитием антропоцентрической лингвистики, фокусирующей свое внимание на функционировании языка в реальных коммуникативных актах и рассматривающей речь как важнейшую часть человеческой жизнедеятельности.

В контексте антропоцентрической парадигмы в языкоznании одной из центральных проблем становится проблема «человеческого фактора в языке», в рамках которой исследуются вопросы, связанные, в частности, с использованием языковых единиц в процессе коммуникации с целью непосредственного воздействия на адресата сообщения. Подобные языковые элементы, то есть «те случаи использования языка, когда говорящий ставит своей целью <...> побудить адресата к какому-то действию или запретить ему что-либо делать» [Норман 2001], рассматриваются как средства репрезентации волонтативной функции языка, а само направление коррелирует с основными принципами представленного в лингвистике с 20-х гг. прошлого столетия функционального подхода к изучению языковых явлений.

В качестве синонимов термина «волонтативная функция» часто выступают понятия «регулятивная / императивная функция», а также «функция воздействия». Таким образом, возросший в последнее время интерес лингвистов к категории волонтативности обусловлен парадигмальным поворотом в науке о языке, существенно расширившим горизонты научного поиска в лингвистике и переключившим внимание ученых с имманентных вопросов формальной организации языка как самостоятельной системы знаков на прагмалингвистический аспект, предполагающий исследование языка сквозь призму его употребления в реальных ситуациях общения.

Изучением категории побуждения, имеющей достаточно давние исследовательские традиции в языкознании, занимались такие учёные, как Д.Н. Шмелев [Шмелев 1955], А.М. Пешковский [Пешковский 1956], Г.О. Винокур [Винокур 1959], О.С. Ахманова [Ахманова 1969], В.А. Звегинцев [Звегинцев 1962], В.В. Виноградов [Виноградов 1975], Ю.С. Маслов [Маслов 1987], Н.В. Витт [Витт 1988], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1997] и др.

Тем не менее, в лингвистике до сих пор присутствует некоторое разночтение в понимании терминов, обозначающих данное языковое явление. Как правило при изучении феномена побуждения, а также коррелирующих с ним понятий, исследователи оперируют терминами "побудительность", "побуждение", "повелительность", "волеизъявление" как синонимическими.

Семантическое тождество понятий «побуждение» и «волеизъявление» отражено в дефиниции, приведенной в академическом издании «Грамматики русского языка», в которой эти явления трактуются как синонимичные понятия одного уровня [Грамматика русского языка 1954: 299, 296]. Подобная трактовка расходится с точкой зрения В.В. Виноградова, считавшего понятие волеизъявления более объемным по содержанию и включающим в себя семы желательности и побудительности [Виноградов 1975: 464]. Пешковский А.М. в своей интерпретации рассматриваемой грамматической категории подчеркивает побудительный аспект, обращая внимание на экспликацию в рамках побудительного акта желания говорящего повлиять на волю другого человека, стимулировать его совершить определенные действия [Пешковский 1956: 79].

В более поздних работах, в частности, в трудах Г.В. Колшанского, отмечается, что семантика побудительных предложений «относится, в основном, к волеизъявлению, то есть осознанному выражению в языке побуждения» [Колшанский 1984: 99], и, таким образом, прослеживается традиционное, зафиксированное в Академической грамматике русского языка, понимание данных терминов как семантических эквивалентов.

Современные исследователи при толковании термина «побуждение» акцентируют значение волюнтаривности: «Побуждение – тип речевого акта, при котором выражается воля говорящего, обращенная к собеседнику; говорящий предлагает собеседнику совершить или не совершать <...> действие» [Саранцацral 1993: 11], а саму категорию побуждения рассматривают как «коммуникативную категорию, выражющую волеизъявление говорящего лица, которое проявляется в речевом воздействии на адресата сообщения с целью стимулирования его к определённому поведению» [Волкова 2011а: 134]. Следовательно, в новейших исследованиях признается, что побудительные предложения, с помощью которых регулируется (в определенной степени) деятельность общества, занимают значимое место в процессе человеческой коммуникации.

Итак, теоретическая рецепция приведенных выше точек зрения, свидетельствующих об отсутствии четких границ между рассматриваемыми понятийными категориями, позволяет заключить, что в основе категории побуждения лежит волеизъявление говорящего, вступающего в коммуникативный акт с реципиентом, которому адресовано волюнтаривное высказывание и от которого ожидается некая реакция.

2.2.1. Повелительное наклонение как средство манифестации специфики картины мира творческой языковой личности

Решение поставленных в работе задач подчинено общей цели исследования – воссозданию своеобразия мироощущения И. Бахман, исходя из анализа специфических особенностей синтаксического строя ее поэтических произведений.

Обзор фактического материала, отобранного методом сплошной выборки, а также предварительные результаты статистического анализа позволили заключить, что императив как одно из наиболее ярких и грамматически маркированных средств выражения волеизъявления

художника слова представляет собой системно значимый элемент в поэтическом творчестве Ингеборг Бахман.

Высокая частотность употребления императива в художественной системе австрийской поэтессы дает основание рассматривать его как грамматическую доминанту идиостиля, манифестирующую специфические особенности ККМ данной творческой личности.

2.2.1.1. Императив – медиатор воли автора

Как было подчеркнуто в начале раздела 2.2. настоящей диссертации, императив как доминантная идиостилевая черта И. Бахман и как средство вербализации категории побуждения выступает в анализируемом художественном дискурсе в качестве грамматически маркированного средства выражения авторского волеизъявления.

Категория побудительности обладает широким спектром средств вербализации, которые на синтаксическом уровне организации поэтического текста манифестируются посредством побудительных конструкций, детерминированных «мотивационной волей» (по Л.С. Выготскому) автора.

Волюнтаривные конструкции могут выражать «все оттенки эмоционально-побудительных значений» [Кубарева 1977: 82] – от вежливых до резких, настойчивых, в зависимости от коммуникативного намерения говорящего / автора поэтического сообщения. Волеизъявление автора как результат «сплава» мотива и воли определяет форму, семантическое содержание и коннотацию побудительного предложения. При этом уместно заметить, что значение побуждения, а следовательно, в нашем случае – авторскую интенцию волюнтаривной семантики, следует расценивать, с нашей точки зрения, в контексте вербализации категории побуждения как средство манифестиации волеизъявления автора.

Поскольку семантический аспект императивных форм, выступающих в качестве средств вербализации категории побуждения, охватывает понятия

«воля», «волюнтаривность», «волеизъявление», представляется целесообразным остановиться на них несколько подробнее.

Как утверждают ученые, воля занимает ключевую позицию «среди эгоцентрических категорий семантического плана <...> как однозначный экспонент пристрастного притяжения Человека к миру во всем многообразии форм существования реального и возможных миров, а также и отталкивания от них» [Малинович 2025: 145].

Согласно Ю.М. Малиновичу, исследовавшему данный феномен, наряду с другими эгоцентрическими категориями, в рамках развивающегося им направления антропологической лингвистики, «воля – это семантически объемное понятие эгоцентрической природы, имеющее определенную внутреннюю и внешнюю мотивацию на уровне осознания цели действия: воля как выбор предполагает наличие альтернативных вариантов. Воля – это исполняемое или предполагаемое (намерение) действие. Мотивация волевого действия определяется моральным и социальным горизонтом бытия человека, а также наличием «другой воли», воли другого человека или сообщества» (см.: [Там же: 167]).

Воля непосредственно связана с близкой ей в семантическом плане категорией желания. Обе категории, однако, противопоставляются друг другу по принципу активность/пассивность. Желание выступает в качестве стимула к активным действиям, а воля «<...> есть способность приводить в исполнение свои желания» [Апресян 1995: 352].

Считается, что воля – это «осмысленное и целенаправленное действие или твердо принятное решение действовать, руководствуясь конкретным целеполаганием. В отличие от человека, обуреваемого желаниями, волевой человек деятельностно противостоит миру, преодолевая различные преграды. Желание пассивно, оно связано с надеждой» [Малинович 2025: 157].

Исходя из детального и обстоятельного анализа словарных статей, фиксирующих полисемантическую природу лексемы «воля», Ю.М. Малинович акцентирует многовекторность понятийной сущности воли: «воля

конкретного человека к жизни, направленная на преодоление различных житейских трудностей, воля как решение оставить что-то после себя <...>, воля делегировать свои полномочия или часть полномочий другим <...>, решение добиться определенного статуса в политике <...> одного человека или какого-либо общественно-политического объединения, партии коалиции и т.д. Это семантические модусы воли и все они манифестируются в языке» [Там же: 158] и характеризует «волящего» человека как человека действия, в отличие от пассивного ожидания человека «желающего».

Таким образом, рассмотрение модусов, составляющих семантическое пространство понятия воли, в контексте с семантически родственным ему понятием желания позволяет выявить дифференцирующие черты данных эгоцентрических категорий и определить релевантную для настоящего исследования сущностную характеристику феномена воли, которая заключается в ее деятельностной природе, направленной на конструктивное взаимодействие с окружающим миром, в отличие от желания, онтологически связанного с пассивным ожиданием.

Доминантным средством вербализации категории побуждения в немецком языке (как и во многих других языках мира) служит форма императива (или повелительного наклонения, одного из значений грамматической категории наклонения), выражающая волеизъявление говорящего, обращенное ко 2-му лицу единственного или множественного числа. При этом важно отметить, что императив преимущественно имеет нулевой морфемный показатель, т.е. полностью совпадает с основой глагола.

Если воспользоваться терминологией автора теории функционально-семантического поля А.В. Бондарко, то императивные предложения можно рассматривать как центр функционально-семантического поля побудительности, вокруг которого группируются периферийные средства выражения побудительной модальности [Бондарко 2001: 45]. Именно императивные предложения со сказуемым, выраженным глаголом в

повелительном наклонении, являются системно значимыми в парадигме средств репрезентации волюнтаривной семантики.

Императиву присуще особое значение в синтаксической организации текста, выражющееся в свойстве побудительных предложений передавать не только семантическое ядро высказывания, но и волю говорящего (приказ, просьбу, желание, предложение и т. д.). Другими словами, высказывание, содержащее волюнтаривную семантику, включает в себя два модуса – изъявительный и побудительный, то есть, как утверждают исследователи, подобное высказывание «является одновременно и сообщением, и действием: говорящий не только сообщает о своем желании, но и пытается заставить адресата его выполнить» [Дреева, Абдукадырова 2023: 70].

А. Вежбицкая относит императивные конструкции к необычным синтаксическим конструкциям, связывая их особый статус со способностью выражать не только значение «я хочу, чтобы ты нечто сделал», но и эксплицировать «некоторые другие смежные значения» [Вежбицкая 1999: 49].

Именно двуединой природой императивных конструкций, выражющейся в способности одновременно выполнять описательную и волеизъявительную функции, объясняется их активное использование в речевых актах на этапе зарождения человеческого общества с целью предупреждения о надвигающейся опасности. Известно, что подобные императивные формы в древнейшую эпоху выступали в качестве дейктических средств и уже тогда «выражались при помощи первичной лексики, имевшей предикативный характер» [Потапова 2020: 232].

Соответственно, можно утверждать, что императивным конструкциям отводится роль стержневых синтаксических конструкций, составляющих ядро коммуникативного акта. Будучи средством вербализации категории побуждения и выступая прагмалингвистическим средством реализации коммуникативной установки языковой личности, они выполняют волеизъявительную функцию в поэтическом тексте.

2.2.2. Императив и его формы в немецком языке. Семантика императивной модальности

Под императивом (лат. *modus imperativus*; также *императив*) понимается одно из значений грамматической категории наклонения, а именно: повелительное наклонение. В науке о языке императив дефинируется как древнейшая семантическая универсалия. Эта универсалия представляет собой специализированную глагольную категориальную форму модальности, репрезентирующую непосредственное волеизъявление адресанта с целью побудить адресата к выполнению определенного действия.

Важная особенность императивного высказывания, вербализующего просьбу, приказ, требование, совет, заключается в его бивалентной природе, поскольку оно является не просто сообщением, но и мотивацией к действию: адресант не только выражает свое желание, но и пытается каузировать адресата выполнить желаемое действие.

Известно, что императив, характеризующийся лексико-сintаксической ограниченностью и морфологической недостаточностью, образуется не от всех немецких глаголов. В «Грамматике» под редакцией П. Гребе [Grebe 1959: 454] указывается, что модальные глаголы, кроме *lassen* (редко *wollen* и *wissen*), не имеют формы императива. К группе «безимперативных» глаголов отнесены, помимо безличных *geschehen*, *regnen*, *scheinen*, также глаголы *gelten*, *geraten*, *kennen*, *kriegen*, *bekommen*.

Примечательно, что образование императива от глагола *haben* лимитировано в синтагматическом плане и сводится к употреблению в составе устойчивых фразеологических оборотов: *hab(e) Geduld (Mut)*, *hab keine Angst*, *hab Dank*, *haben Sie die Güte*, или к функционированию в поэтической речи (в качестве поэтизмов, в том числе архаизмов), как в обнаруженному нами примере из романа И. Бахман «Malina»:

«*Frau Breitner singt aber <Habet acht! Habet acht! Bald entweicht die Nacht!>*»

(М: 92)

Данный пример демонстрирует употребление формы императива 2-го л. мн.ч. от глагола *haben* в составе фразеологического сочетания *acht haben* в речи одной из героинь романа, напевающей отрывок из оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда».

Императив с его конструктивной ограниченностью, коррелирующей с прагматической избирательностью повелительного наклонения, употребляемого только в прямой речи, имеет неполную формальную парадигму: он представлен лишь 2-м лицом, не имеет точек пересечения с категориями времени и залога, а именно – пассива и, частично, статива.

При этом из трех форм, образующих грамматическую парадигму немецкого императива, собственно императивной формой считается только первая – 2-е л. ед. ч. (*geh(e), lies*). Остальные две (*geht, lest* – 2-е л. мн. ч. и *gehen Sie, lesen Sie*) образуются синтаксическим путем. 2-е л. мн. ч. отличается при этом характерной особенностью, проявляющейся лишь на синтагматическом уровне, а именно: отсутствием личного местоимения (или вообще подлежащего). Третья форма, используемая при вежливом обращении, характеризуется инвертированным порядком слов, то есть постановкой личного местоимения в постпозицию. Таким образом, нулевое подлежащее и обратный порядок слов выступают здесь в роли формообразовательных элементов.

В контексте характеристики форм императива в немецком языке уместным представляется также привести точку зрения известного немецкого грамматиста П. Гребе, признающего только две формы императива: 2-е л. ед. ч. и 2-е л. мн. ч. и трактующего вежливую форму как конъюктив. Другой представитель немецкой грамматической традиции, Г. Бринкманн, напротив, расширяет формальную парадигму императива до 8 элементов (См. об этом: [Москальская 1981: 119]).

Следует отметить, что императив представляет собой наиболее цельное в семантическом отношении наклонение.

Бивалентная семантика императива (наличие сем «побудительность» и «непосредственное обращение к адресату (имплицитное или эксплицитное)») дополняется семой «футурально-презентная перспектива». Следует напомнить в этой связи, что, как было сказано выше, императив не имеет определенного временного значения, так как его формы лишены временных оппозиций.

Однако, как подчеркивают отечественные исследователи, «императив противополагается другим наклонениям с полным набором временных планов, давление системы заставляет и в данном случае определять временное соотношение императива» [Дреева, Абдукадырова 2023: 73], поэтому российские германисты признают, что подавляющему «большинству императивных высказываний свойственна футуральность. Предполагается выполнение еще нереализованного действия в будущем (ближайшем или отдаленном). Иногда говорящий обращается к лицу (предмету в случае персонификации), уже совершающему действие, выраженное формой императива, например: *Essen Sie! Sprich weiter!* [Там же].

Итак, на основании рассмотренных характеристик императива можно утверждать, что функционально-прагматические возможности форм повелительного наклонения сопряжены как с грамматической природой побудительности, так и с семантикой волонтативности, а следовательно, – с целеустановкой отправителя сообщения, а также с семантико-синтаксической организацией императивного предложения-высказывания.

Ю.М. Малинович называет императив «универсальным грамматическим средством организации предложений волонтативной семантики» [Малинович 2025: 159], считая его «одной из коммуникативно-прагматических категорий предложения», представляющей собой грамматически маркированный способ вербализации категории волонтативности (см. об этом: [Там же]).

Императивные предложения характеризуются полимодальностью (мультимодальностью), а именно – сочетанием в одном семантическом поле нескольких модальных оттенков, что позволяет исследователям трактовать их как семантически неоднородные и относить формы императива «к семантически диффузным, заключающим в себе определенный потенциал различных модальных значений – оценки, волеизъявления, желания» [Там же: 160].

В качестве иллюстрации приведенного тезиса рассмотрим следующее четверостишие из стихотворения «Die blaue Stunde» («Голубой час», 1955):

«*Leute, wir bringen das Schiff durchs Eis,*
ich halte den Kurs, den keiner mehr weiß.
Kauft Anemonen! drei Wünsche das Band,
die schließen vorm Hauch eines Wunsches den Mund.»

(AgB: 36-37)

Как видим, контекстуальные условия употребления глагола *kaufen*, в данном случае – в форме 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения, обусловливают семантическую бивалентность императива, допуская актуализацию не только семы «волеизъявления», но и семы «желания». Обратимся еще к одному примеру из анализируемого материала, а именно – из произведения «Curriculum vitae» («Жизнеописание», 1955):

«*O hätt ich nicht Todesfurcht!*
Hätt ich das Wort,
(verfehlt ich's nicht),
hätt ich nicht Diseln im Herz,
(schlug ich die Sonne aus),
hätt ich nicht Gier im Mund,
(tränk ich das wilde Wasser nicht),
schlug ich die Wimper nicht auf,
(hätt ich die Schnur nicht gesehn)».

(AgB: 30-31)

Приведенная строфа иллюстрирует «семантическую диффузность» грамматической формы, служащей в немецком языке для выражения нереального желания, но имплицирующей также волеизъявление адресанта. Посредством пятикратного повтора грамматической конструкции, содержащей в своем составе Präteritum Konjunktiv глаголов *haben* и *aufschlagen*, акцентируется доминантная роль семы желания в пределах данного стихового высказывания, сема волеизъявления отодвигается при этом на второй план.

Императиву как коммуникативно-прагматической категории предложения свойственна прескриптивность, заключающаяся в предписании выполнения определенного действия и, как следствие, предполагающая наличие адресанта и адресата предписываемого действия. В этом смысле императив эквивалентен предложениям с модальным глаголом *sollen*, называемым также *Soll-Sätze*.

Приведем отрывок из произведения «Von einem Land, einem Fluss und den Seen» («О стране, реке и озерах», 1955):

«*O Schwester sing, so sing von fernen Tagen!* »

«*Bald sing ich, bald, an einem schönen Ort*».

«*O sing und web den Teppich aus den Liedern
und flieg auf ihm mit mir noch heute fort!*»

*Halt mit mir Rast, wo Bienen uns bewirten,
Mich Engelschön im Engelhut besucht...»*

(AgB: 18-19)

Как явствует из данного примера, иллюстрирующего «сгущенное» употребление повелительного наклонения как формы вербализации волюнтаривной семантики, императив, по справедливому замечанию Ю.М. Малиновича, «заранее программирует выполнение приказа, он категоричен в аспекте результативности действия» [Малинович 2025: 159]. При этом в предложениях с формами императива, характеризующегося семантической

диффузностью, доминирующей семой является сема «Aufforderung» («требование»).

При совпадении адресанта и адресата в одном лице речь идет об автопрескриптивном характере волеизъявления в рамках «автокоммуникации» (термин И.И. Ковтуновой). Автопрескриптивность вербализуется с помощью инфинитивных предложений, как в приведенном ниже пассаже из стихотворения «Prag Jänner 64» («Прага, январь 64», 1964)

*«Gehen, schrittweis ist es wiedergekommen,
Sehen, angeblickt, habe ich wieder erlernt».*

(AW: 187)

Глаголы с семой конкретного действия, употребленные в форме инфинитива и используемые в эллиптическом предложении, усиливают побудительный эффект всего высказывания. Ученые указывают при этом на зависимость модального тона автопрескриптивных предложений от так называемой модальной рамки: «Конкретная модальность, а, следовательно, и конкретный смысл инфинитивных предложений определяется не только семантикой самой глагольной лексемы, но также и другими языковыми экспонентами, с которыми сопрягается инфинитив в рамках одного предложения» [Малинович 2025: 160].

В предложениях, содержащих прескрипцию, направленную на запрещение верbalного и неверbalного действия, используются формы повелительного наклонения глаголов с отрицательной частицей *nicht*. Например, в отрывках из стихотворных произведений «Dunkles zu sagen» («Темная речь», 1952) и «Rede und Nachrede» («Речь и клевета», 1956):

(1) «*Vergiß nicht, daß auch du, plötzlich,
an jenem Morgen, als dein Lager
noch naß war von Tau und die Nelke
an deinem Herzen schließt,
den dunklen Fluß sahst,
der an dir vorbeizog».*

(AW: 12)

(2) «**Komm nicht aus unserem Mund,**
Wort, das den Drachen sät.
‘s ist wahr, die Luft ist schwül,
vergoren und gesäuert schäumt das Licht,
und überm Sumpf hängt Schwarz der Mückenflor.

<...>

Dring nicht an unser Ohr,
Gerücht von anderer Schuld,
Wort, stirb im Sumpf,
aus dem der Tümpel quillt».

(AgB: 46)

В подобных примерах, манифестирующих авторское волеизъявление, направленное на запрет, и, следовательно, инициирующих невыполнение какого-то действия, волонтативная модальность носит, как видим, прохабитивный характер. Очевидно, что семантический потенциал вербального компонента в прескриптивных сочетаниях такого рода включает в себя сему «Aufforderung» («требование»), которая является при этом доминирующей.

Итак, универсальным значением императивных структур, образующих предикативный центр предложений волонтативной семантики, является побуждение адресата к вербальному или невербальному ответу, при этом способы выражения данной коммуникативной интенции могут иметь различные формы.

В науке признается, что побудительная семантика реализуется в различных единицах языка, выражающих необходимость выполнения или невыполнения действия. Волонтативная функция языка может эксплицироваться при этом «посредством лексических средств,

морфологических форм, интонации, порядка слов, синтаксических конструкций»².

Если средства экспликации волонтативной семантики в немецком языке расположить в порядке убывания степени категоричности побуждения, то их классификацию можно представить в виде иерархической последовательности, разработанной нами с учетом изложенных в работах Е.И. Шендельс (1954), А.М. Пешковского (1956), В.С. Храковского и А.П. Володина (2001) теоретических положений:

1. форма 2-го лица единственного числа (du-Form), образованная по формуле «основа инфинитива + (в некоторых случаях) суффикс -e» и употребляемая при обращении к собеседнику на «ты»;
2. форма 2-го лица множественного числа (ihr-Form), образованная по формуле «основа инфинитива + суффикс -e(t)» и употребляемая при обращении к нескольким собеседникам на «ты»;
3. категоричная форма побуждения, выраженная начальной формой глагола (инфinitивом), вербализующая приказ, либо – в случае употребления с отрицательной частицей nicht – запрет;
4. вежливая форма 3-го лица (Sie-Form), образованная по формуле «инфinitив + местоимение Sie» и употребляемая при обращении к одному или нескольким собеседникам на «Вы»;
5. форма 1-го лица множественного числа (wir-Form), образованная по формуле «инфinitив + местоимение wir» и употребляемая при обращении к собеседнику(-кам) с предложением сделать что-либо совместно (в латинской грамматике – Adhortativ);

---

² В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. От 16.10.2024) “О порядке присуждения ученых степеней” (вместе с “Положением о присуждении ученых степеней”), в Главе 2 использованы материалы статьи: Дреева Дж.М., Толпарова Дз.В. Эксплицитные и имплицитные средства реализации волонтативной функции языка в немецкой и осетинской лингвокультурах: к проблеме национальной картины мира // Известия СОИГСИ. – 2021. – Вып. 42 (81). – С. 99-106.

6. форма 1-го лица множественного числа (wollen wir-Form), образованная по формуле «wollen wir + инфинитив» и употребляемая, так же, как и предыдущая форма, при обращении к собеседнику(-кам) с предложением совершить совместное действие;

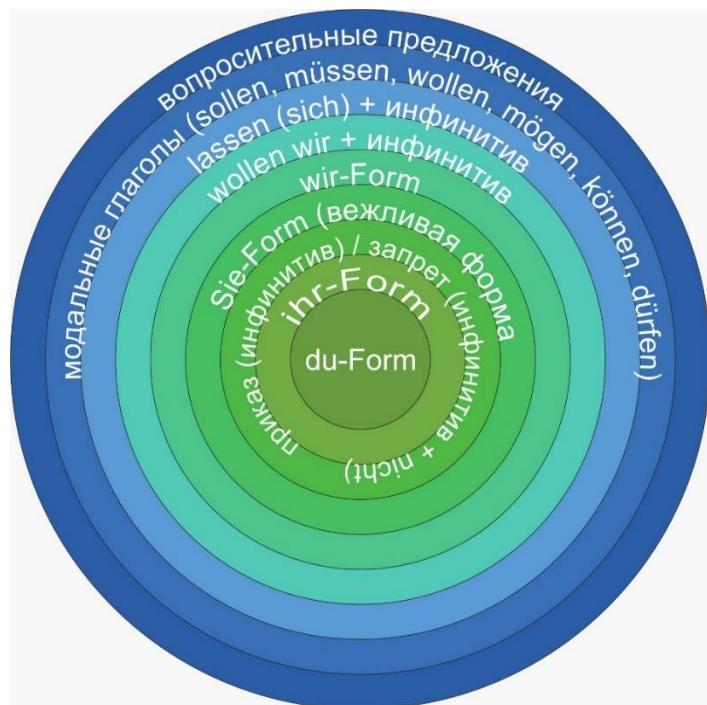
7. форма императива, образованная по формуле «lassen (sich) + инфинитив»;

8. модальные глаголы (sollen, müssen, wollen, mögen, können, dürfen), выступающие в качестве средств вербального выражения разрешения, совета, запрета, предложения и т.д. (в зависимости от значения самого модального глагола);

9. вопросительные предложения, требующие в качестве реакции речевой ответ или невербальное действие (эксплицитно или имплицитно).

Уровнево-полевую структуру системы языковых единиц с семантикой волеизъявления, связанных парадигматическими отношениями, можно представить в виде приведенной ниже схемы:

Схема № 1.

Как видим, парадигма побудительности включает в себя как грамматические средства, находящиеся в центре функционально-

семантического поля побудительности и выражающие максимально высокую степень интенсивности побуждения («ядерные» компоненты полевой структуры), так и лексические способы, находящиеся на периферии со свойственным им сниженным градусом императивности.

Результаты осуществленного нами анализа свидетельствуют о том, что категория побудительности и, тем самым, волонтативная функция языка в художественной речи эксплицируется преимущественно посредством синтаксических конструкций, «сердцевиной» которых является повелительное наклонение.

Результаты статистического анализа использования грамматической формы императива в стихотворных произведениях Ингеборг Бахман, приведенные в нижеследующей таблице, показывают высокую частотность употребления исследуемой формы, что свидетельствует об определенных особенностях картины мира поэтессы.

Таблица № 1.

Ингеборг Бахман	Стихотворные строки	Коэффициент частотности
Общее количество строк	4115	100%
Количество строк с императивом	183	4,4% (1/23)

Как видно из таблицы, на каждые 23 стихотворные строки в стихотворных произведениях обоих периодов творчества Ингеборг Бахман приходится 1 грамматическая форма императива.

Резюмируя вышеизложенные суждения и точки зрения ученых, можно заключить следующее.

Антропоцентрически ориентированная парадигма императива немецкого языка репрезентирует посредством грамматических и лексических средств категорию побуждения и способствует дальнейшей реализации / нереализации волеизъявления говорящего.

Императив является универсальным средством организации предложений волонтативной семантики как парадигмообразующая грамматическая категория. Обладая определенным коммуникативно-прагматическим потенциалом, императив направлен на выполнение действия, детерминированного волей автора языкового высказывания.

Что касается поэтической системы Ингеборг Бахман, то, как свидетельствуют результаты исследования, из всего спектра языковых средств, обладающих волонтативной семантикой, наиболее предпочтительным оказывается императив 2-го лица ед. ч. Императивная парадигма в идиолекте поэтессы дополняется прохихитивными императивными предложениями с семантикой запрета.

2.3. Императив в идиолекте И. Бахман как формаreprезентации ментальной сферы элитарной языковой личности в поэтическом тексте

Итак, императив, характеризующийся грамматической маркированностью, обладает четко выраженной прагматической целеустановкой.

Категория побуждения связана со стремлением автора языкового сообщения внести определенные изменения в реальный мир – вызвать, предотвратить или изменить какое-то действие или состояние собеседника, и, в зависимости от отношений между говорящим и слушающим, побуждение приобретает различные интерпретации.

Высокая степень насыщенности поэтических текстов Ингеборг Бахман грамматической формой императива позволяет говорить об определенных особенностях индивидуально-авторской картины мира данной языковой личности, выражающихся в стремлении активно воздействовать на окружающую действительность. Подобная субъектно детерминированная и обусловленная мотивационной волей автора личностная активность,

направленная на «общение поэта с миром, на диалог с людьми, природой» [Ковтунова 2005: 251] и заключающаяся в желании изменить мир к лучшему, связана, по нашему мнению, с особенностями психологической организации поэтессы и является следствием ее индивидуальных контактов с объективной реальностью.

Известно, что отмеченная выше «обращенность к другим» (И.И. Ковтунова) свидетельствует о специфических особенностях мироощущения творческой языковой личности и находит свое отражение в языке создаваемых ею текстов; иными словами, ментальные структуры репрезентируются в языковых структурах, выбор которых детерминирован субъективно-личностными пристрастиями художника слова, коррелиирующими с особенностями его поэтической картины мира.

Коммуникативная установка на «диалог с миром и людьми» и предпочтительные способы ее реализации, прежде всего, формы повелительного наклонения, позволяют говорить о И. Бахман как о личности экстравертированной, что манифестируется в языке на синтаксическом уровне организации ее произведений. Языковые структуры, отражающие обозначенную особенность ККМ австрийской поэтессы, подробно анализируются в последующих разделах диссертации.

Поскольку, как подчеркивает Ж.Н. Маслова, одной из основных задач когнитивной поэтики, рассматривающей поэтический текст как продукт «индивидуального творческого сознания», является «исследование репрезентации структур творческого мышления в языковых структурах» [Маслова 2011: 39], то выбранное направление научного поиска, результаты которого представлены в практической части диссертации, способно также внести вклад в решение проблематики, связанной с изучением элитарной языковой личности.

Напомним, что элитарность языковой личности может быть представлена не только полижанровостью и полидискурсивностью, но и репрезентироваться на языковом уровне посредством доведенной до

совершенства языковой компетентности, обуславливающей выбор языковых средств и лежащей в основе уникального индивидуального стиля.

Сказанное в полной мере относится к Ингеборг Бахман с характерным для ее сознания рациональным началом и свойственным подобным творческим личностям стремлением к конструктивному взаимодействию с окружающим миром. Эти качества, образующие «ядро» ментальной сферы поэтессы и, бесспорно, влияющие на ее речевое поведение, выражаются в четко прослеживающейся тенденции к доминантному употреблению соответствующих языковых средств, обладающих волюнтаривной семантикой, вербализующейся посредством грамматической формы императива.

В следующих разделах данного параграфа освещаются модальные потенции трех выделяемых нами в качестве идиостилевых доминант И. Бахман синтаксических средств построения стихового высказывания, а именно: синтаксического параллелизма, парцелляции и эллипсиса.

2.3.1. Синтаксический параллелизм – интенсификатор побуждения

В рамках первоначальной гипотезы, определившей направление настоящего исследования, было выдвинуто предположение, что синтаксический уровень организации поэтического текста может выступать в качестве репрезентативной базы для изучения проблемы репрезентации «поэтического мышления в языке» (О.Г. Ревзина), в нашем случае – поэтического мышления элитарной языковой личности.

В теории стиха является общепризнанным, что в основе синтаксической организации любого поэтического текста лежит прием повтора, в том числе повтора синтаксической структуры, в последующем высказывании, известного в стиховедении как синтаксический повтор, или синтаксический параллелизм. Мысль об основополагающей роли данного приема в построении стихотворной формы речи содержится в ставшем классическим

высказывании Дж. М. Хопкинса: «Техническая сторона поэзии – вероятно, мы вправе сказать, вся ее техника – сводится к принципу параллелизма. Структура поэзии – это постоянный параллелизм, <...>» (цит. по: [Якобсон 1987: 99]).

Таким образом, синтаксический параллелизм считается универсальным принципом построения поэтического текста, обеспечивающим, наряду с анафорами, инверсией и другими средствами организации стихового высказывания, синтаксическое своеобразие стихотворной речи [Поспелов 1950: 8].

Предварительный обзор собранного эмпирического материала, нацеленный на выявление специфических особенностей текстопостроения в рамках исследуемого художественного дискурса, обнаружил характерную черту индивидуального почерка И. Бахман, заключающуюся в приоритетном использовании синтаксического параллелизма в качестве средства репрезентации авторского волеизъявления, что позволило отнести его к приемам, маркирующим идиостиль австрийской поэтессы, и предопределило его ключевую позицию в представленной в настоящей работе концепции.

В ходе первого этапа анализа, направленного на верификацию первоначальной гипотезы, предполагавшей наличие корреляции между авторскими предпочтениями в выборе синтаксических средств организации поэтического текста и особенностями мироощущения творческой языковой личности, выявлены высокая степень частотности и многообразие форм синтаксического параллелизма³ в идиолекте И. Бахман.

При этом установлено, что в качестве параллельных конструкций могут выступать как отдельные слова и словосочетания, так и целые предложения, принимая очертания полного или, соответственно, неполного (вариативного) синтаксического параллелизма.

Например:

---

³ Анализ структурных типов синтаксического параллелизма осуществлялся с опорой на классификацию И.М. Астафьевой [Астафьева 1964].

- (1) «*Nebelland hab ich gesehen,*
Nebelherz hab ich gegessen».

(AgB: 35)

- (2) «*Aus der Erde zog ich's,*
zum Himmel hob ich's
mit ganzer Kraft».

(AgB: 27)

В первом примере (отрывке из стихотворения И. Бахман «*Nebelland*» («Туманная страна», 1954) наблюдается полный синтаксический параллелизм, который усиливается анафорическим повтором, семантическое тождество компонентов синтаксического параллелизма нарушается при этом лишь за счет корневых морфем *-land* и *-herz*, входящих в состав композитов *Nebelland* и *Nebelherz*, а также причастий прошедшего времени *gesehen* и *gegessen*.

Второй пример, представляющий собой отрывок из стихотворного произведения «*Landnahme*» («Захват земли», 1956), демонстрирует довольно часто используемый И. Бахман способ модификации синтаксического параллелизма посредством распространения повторяющейся синтаксической конструкции, в результате чего расширяется лексический состав одной из параллельных структур.

Нарушение баланса между элементами синтаксического повтора влечет за собой «конфликт» между метром синтаксисом стиха, ведущий к возникновению явления, известного в стиховедении как стиховой перенос (enjambement), который в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяется как «перенесение части предложения или части тесно связанной группы слов из одной строки в другую» [Ахманова 1969: 574]. В рассматриваемом примере параллелизм синтаксических конструкций нарушается за счет введения в состав второй структуры дополнительного члена, а именно обстоятельства образа действия *mit ganzer Kraft*.

Следующий пассаж (отрывок из стихотворения «*Curriculum vitae*» («Жизнеописание», 1955)) содержит не столь часто встречающийся в

анализируемых стихотворных произведениях тип синтаксического параллизма, а именно – синтаксический параллелизм с усечением:

«*Trüg mich die Erde nicht,
lag ich schon lange still,
lag ich schon lang,
wo die Nacht mich will,
eh sie die Nüstern bläht
und ihren Hut hebt
zu neuen Schlägen,
immer zum Schlag».*

(AgB: 31)

Как видим, вторая и третья строки представляют собой повтор синтаксической модели, которую можно выразить формулой:

P + S + Adv./z + Adv./w
P + S + Adv./z⁴,

подкрепленный дословным повтором на лексическом уровне. Однако данный прием нельзя квалифицировать как полный синтаксический параллелизм, поскольку в повторяющейся конструкции отсутствует последний член – компонент, выраженный в первой из параллельных структур наречием *still* и выполняющий на синтаксическом уровне функцию обстоятельства образа действия.

Заметим, что последние две строки также связаны параллельными отношениями. В данном случае это другая разновидность вариативного (неполного) синтаксического параллелизма, а именно – синтаксический параллелизм с несовпадением синтаксических функций (согласно классификации И.М. Астафьевой) [Астафьева 1964: 2]:

«*zu neuen Schlägen,*

---

⁴ где P – сказуемое; S - подлежащее; Adv./w – обстоятельство образа действия; Adv./z – обстоятельство времени.

immer zum Schlag».

Демонстрируемое в данном двустишии отклонение от обязательного в рамках полного повтора синтаксической модели условия параллельности можно выразить с помощью следующей формулы:

Präp./Attr. + Obj.

Adv./z + Präp./Obj.⁵.

Очевидно, что синтаксические функции начальных компонентов параллельных конструкций, а именно: функция определения, выраженного прилагательным *neu* в препозиции к определяемому, представленному именем существительным муж.р. во мн.ч. *der Schlag*, не совпадает с синтаксической функцией симметричного ему члена во второй конструкции, а именно – функцией обстоятельства времени, выраженного наречием *immer*.

Как было отмечено выше, в ходе анализа собранного эмпирического материала выяснилось, что весьма часто в рамках поэтического идиолекта И. Бахман в условиях параллельности (симметричного расположения) оказываются языковые структуры, выражающие категорию волеизъявления в форме повелительного наклонения, как, например, в отрывке из стихотворного произведения «*Lieder auf der Flucht*» («Песни в бегах», 1956):

«*Der Heilige hat anderes zu tun;*
er sorgt sich um die Stadt und geht ums Brot.
Die Wäscheleine trägt so schwer am Tuch;
bald wird es fallen. Doch mich deckt's nicht zu.

Ich bin noch schuldig. Heb mich auf.

Ich bin nicht schuldig. Heb mich auf».

(AgB: 81)

Две последние стихотворные строки приведенного отрывка представляют собой двустишие, состоящее из абсолютно симметричных

---

⁵ где Präp. – предлог; Attr. – определение; Obj. – дополнение.

конструкций, структурное единство которых подкрепляется почти дословным (за исключением лексем, занимающих 3-ю позицию в параллельных структурах: *noch – nicht*) лексическим повтором.

Напомним, что лексический повтор имеет четко определенную иллокутивность – акцентировать или усиливать семантическую составляющую повторяемого слова, что в случае с повтором синтаксической структуры, выражающей повелительное наклонение и вербализующей авторское волеизъявление, может означать усиление pragmatischen Komponenten сходных по грамматической структуре элементов речи с семантикой побуждения, поскольку, как отмечают исследователи, повторы в художественном тексте могут выступать как средство усиления интенсивности действия [Путрова 2022: 192].

Данное наблюдение, касающееся увеличения pragmatischen Potenzials стихового высказывания за счет повтора синтаксической структуры, содержащей императив, подтверждает приведенную выше точку зрения Ю.М. Малиновича о том, что грамматическая форма императива представляет собой «одну из коммуникативно-прагматических категорий предложения» [Малинович 2025: 159].

Следует заметить, что высокая "плотность" употребления повелительного наклонения как основополагающего средства организации предложений волонтативной семантики в стихотворных произведениях Ингеборг Бахман обеспечивается повтором грамматической формы императива как в пределах одной, так и нескольких стихотворных строф.

Например:

- (1) «*Lös ihr die Fessel, führ sie
die Halde herab, leg ihr
die Hand auf das Aug, daß sie
kein Schatten versengt!*»

(AW: 27)

(2) «**Versprich uns Jericho!**
weck auf den Psalter, die Jordanquelle
gib aus deiner Hand
und laß die Mörder überrascht versteinen
und einen Augenblick dein zweites Land».

(AW: 176)

Как видим, в первом примере (отрывке из стихотворения «Mirjam» («Мириам», 1957)) императив, являясь компонентом неполного синтаксического параллелизма, охватывающего три стихотворные строки, повторяется 2 и 3 раза в пределах одной и двух строк, соответственно. Во втором пассаже (отрывке из стихотворения «Früher Mittag» («Ранний полдень», 1953)), также иллюстрирующем разновидность вариативного контактного синтаксического повтора, охватывающего в данном случае 4 строки, императив повторяется 4 раза. Подобная концентрация формы повелительного наклонения в пределах «узкого» поэтического контекста подтверждает сделанное нами в ходе анализа наблюдение, свидетельствующее о свойственной И. Бахман идиостилевой особенности, заключающейся в тенденции к частотному употреблению форм повелительного наклонения.

При этом, обращаясь к воображаемому читателю и мотивируя его к действию, Ингеборг Бахман использует, как правило, «эталонную» грамматическую форму императива, а именно – форму 2-го лица ед. ч., например, в отрывке из стихотворения «Von einem Land, einem Fluss und den Seen» («О стране, реке и озерах», 1955):

«*Die Himmelsrichtung? Und die Wendekreise?*
Du fragst noch?! Nimm dein feurigstes Gespann,
fahr diesen Erdball ab, roll mit den Tränen die
Welt entlang! Dort kommst du niemals an».

(AgB:17)

Что же касается других грамматических форм императива, то гораздо реже авторское волеизъявление вербализируется в поэтических

произведениях Ингеборг Бахман посредством повелительного наклонения в форме 2-го л. мн. ч., как, например, в отрывке из стихотворного произведения «Böhmen liegt am Meer» («Богемия у моря», 1964):

(1) «**Kommt** her, ihr Böhmen alle, Seefahrer, Hafenhuren und Schiffe
unverankert. Wollt ihr nicht böhmisch sein, Illyrer, Veroneser,
und Venezianer alle. **Spielt** die Komödien, die lachen machen.
Und die zum Weinen sind. Und **irrt euch** hundertmal,
wie ich mich irrte und Proben nie bestand,
doch hab ich sie bestanden, ein um das andre Mal».

(PDL)

(2) «**Fürchtet** euch oder **fürchtet** euch nicht!
Zahlt in den Klingelbeutel und **gebt**
dem blinden Mann ein gutes Wort,
daß er den Bären an der Leine hält.
Und **würzt** die Lämmer gut».

(AgB: 21)

Первый из приведенных примеров демонстрирует дистантный (расчлененный, согласно классификации И.М. Астафьевой [Астафьева 1964]) вариативный синтаксический параллелизм, содержащий 3 формы императива, выраженные 2 л. мн.ч. глаголов «*kommen*», «*spielen*», «*sich irren*». Второй пример, представляющий собой отрывок из стихотворения «Anrufung des Grossen Bären» («Зов Большой Медведицы», 1955), иллюстрирует пятикратный повтор той же самой формы повелительного наклонения (речь идет форме 2-го л. мн. ч. глаголов «*sich fürchten*», «*zahlen*», «*geben*», «*würzen*»), в составе двух параллельных конструкций, охватывающих одну и три строки, соответственно.

Подобное концентрированное, «сгущенное», употребление императива в пределах одной строфы либо смежных строф в рамках одного стихотворного произведения подтверждает в целом сделанное нами в ходе исследования

наблюдение относительно высокой степени частотности данной грамматической конструкции в исследуемом идиолекте.

Примечательно, что второй пассаж содержит также своеобразный «грамматический оксюморон», представляющий собой совмещение в пределах одной стихотворной строки двух противоречащих, взаимоисключающих, с точки зрения мотивации к действию, императивных форм 2-го л. мн. ч. глагола *sich fürchten*, семантика которых различается лишь наличием во втором случае семы «запрета».

В связи с этим следует заметить, что подобные прохихитивные императивные предложения, предикативные центры которых образуют формы повелительного наклонения глаголов с отрицательной частицей *nicht*, являются весьма репрезентативными в анализируемом текстовом пространстве:

*«Laß dich von listigen Raben, von klebriger Spinnenhand
Und der Feder im Strauch nicht betrügen,
iß und trink auch nicht im Schlaraffenland,
es schäumt Schein in den Pfannen und Krügen».*

(AgB:7)

Семантика запрета может реализоваться при этом не только эксплицитно, то есть с помощью отрицательных частиц, как в вышеприведенных примерах, но и косвенно – посредством бессубъектных синтаксических конструкций, как в данном отрывке из стихотворения «Das Spiel ist aus» («Игра окончена», 1956). Встречается и «безглагольное» оформление косвенного запрета, который в таких случаях выражается лишь с помощью лексического оператора семантики запрета – частицы *nicht*, например, в следующем примере из произведения «Vision» («Образ», 1956):

*«Wenn diese Schiffe bis ans Ufer kommen...
Nein, nicht ans Ufer!
Wir werden sterben wie die Fischzüge...»*

(SG: 28)

Императивная парадигма может выстраиваться у И. Бахман в рамках стихотворного произведения также и за счет многократного повтора одной и той же императивной грамматической конструкции, сопровождаемого анафорическим повтором:

«Öffne mir!

*Alle Tore sind zugefallen, es ist Nacht,
und was zu sagen ist, ist noch nicht gesagt.*

Öffne mir!

*Die Luft ist voll von Verwesung, und mein Mund
Hat den blauen Mantel noch nicht geküsst.*

Öffne mir!

*Ich lese schon in den Linien deiner Hand, mein Geist,
der meine Stirne berührt und mich heimholen will.*

Öffne mir!».

(SG: 88)

Таким образом, как видим, в приведенном пассаже из произведения «Ein Monolog des Fürsten Myschkin zu der Ballettpantomime “Der Idiot”» («Монолог князя Мышкина к балетной пантомиме», 1953) посредством четырехкратного повтора императивной конструкции «**Öffne mir!**», выраженной формой 2-го л. ед.ч. глагола *öffnen* и личным местоимением 1-го л. ед.ч. *ich* в дательном падеже, выражается авторская интенция, предполагающая инициирование соответствующего действия.

Интересно в этой связи заметить, что степень императивности стихового высказывания и, тем самым, интенсивность реализации волеизъявления может усиливаться не только посредством многократного повтора грамматической структуры, но и с помощью лексических средств, а именно – анафоры, как в стихотворении «Fall ab, Herz» («Падай, сердце», 1952):

**«Fall ab, Herz, vom Baum der Zeit,
fällt, ihr Blätter, aus den erkalteten Ästen,**

*die einst die Sonne umarmt,
fällt, wie Tränen fallen aus dem geweiteten Aug!»*

(AW: 11)

Следующий пример из стихотворения «Nach grauen Tagen» («После серых дней», 1944) иллюстрирует трехкратный синтаксический повтор императивной конструкции, глагольный компонент которой выражен инфинитивом глаголов *sein* и *schauen*:

*«Eine einzige Stunde frei sein!
<...>
Eine einzige Stunde Licht schauen!
Eine einzige Stunde frei sein!»*

(AW: 148)

Повтор инфинитивных предложений, реализующих в данном случае автопрекриптивную функцию и демонстрирующих позиционное соположение адресанта и адресата в одном лице (см. об этом: [Баевский 1965: 96]), позволяет говорить о достаточно высокой степени категоричности вербализации волеизъявления (см.: [Дреева, Абдукадырова 2023: 80]), свидетельствующей о настойчивости выражения авторской интенции и авторского отношения к описываемым событиям, что свойственно экстравертированным языковым личностям.

Итак, обобщая вышеизложенные наблюдения, можно заключить следующее.

Феномен синтаксического параллелизма, реализующий принцип симметрии в условиях стихотворного текста и заключающийся в упорядоченном расположении компонентов повторяющихся грамматических структур, самой своей природой подчеркивает авторскую интенцию. Как свидетельствуют результаты анализа, «синтаксический параллелизм, акцентируя в поэтическом синтаксисе И. Бахман разные ритмические группы

(строки, двустишия, в очень редких случаях – строфы)»⁶, является собой не просто средство экспликации семантики волеизъявления, но и инструмент интенсификации содержащегося в стиховом высказывании побуждения.

Как правило, в качестве экспликатора волонтативной модальности и, следовательно, средства вербализации категории побуждения в анализируемом поэтическом дискурсе используется форма императива 2-го лица ед. ч., гораздо реже употребляется 2-е лицо мн. ч. Императивная парадигма дополняется также императивными предложениями с прохабитивной семантикой.

2.3.2. Парцелляция – средство акцентуации волеизъявления автора

Как было подчеркнуто выше, к типичным для идиостиля И. Бахман языковым средствам организации поэтического синтаксиса, выступающим в роли экспликаторов семантики побуждения, относятся парцелляции, трактуемые нами, в соответствии с развиваемой в работе концепцией, в качестве одной из стилеобразующих доминант данной элитарной языковой личности, свидетельствующей об определенных особенностях ее мироощущения и мировосприятия.

Парцелляция, рассматриваемая в настоящей диссертации с точки зрения экспликации ею волонтативной функции языка, характеризуется как «стилистический прием, заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры – предложения – на несколько интонационно-смысловых единиц – фраз» [Цумарев 2003: 454-455]. Результатом подобной манипуляции является синтаксическое выделение путем изоляции отдельных частей или слов фразы (чаще всего однородных членов) в качестве

---

⁶ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. От 16.10.2024) “О порядке присуждения ученых степеней” (вместе с “Положением о присуждении ученых степеней”), в Главе 2 использованы материалы статьи: Дреева Дж.М., Толпарова Дз.В. Синтаксический параллелизм как маркер своеобразия идиостиля творческой языковой личности (на материале стихотворных произведений И. Бахман) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2020. – С. 96-101.

самостоятельных синтаксических структур с целью усиления их смысловой весомости и эмоциональной нагрузки в тексте. При этом в каждом случае синтаксическое выделение сопровождается интонационным и акцентным обозначениями слова или словосочетания [Тупиця 2009: 102].

В соответствии с целью и задачами предпринятого нами исследования парцеллированные конструкции были предварительно, в рамках проведения первого этапа работы, проанализированы, наряду с другими репрезентативными для поэтического идиолекта И. Бахман синтаксическими приемами, на предмет наличия в них волонтативной модальности, что позволило интерпретировать их как средство манифестиации авторской интенции и рассматривать в качестве способа экспликации побудительной семантики посредством акцентуации волеизъявления автора.

Следует отметить, что, «поскольку парцелляция обладает определенными стилистическими потенциями, она используется для придания тексту выразительности, а именно – экспрессивной окраски, возникающей вследствие отрывистого произнесения всей синтаксической структуры. При этом признается, что количество парцеллятов (присоединительных конструкций) зависит от авторской интенции, заключающейся в фокусировании внимания читателя на тех или иных смысловых частях высказывания»⁷.

В стилистике принято считать, что парцелляция «способна усиливать выразительность текста, выделяя какие-либо детали общей картины, подчеркивать значимость тех или иных частей высказывания, наиболее важных с точки зрения автора, передавать отношение автора к сообщаемому» [Цумарев 2003: 456]. Парцелляция, то есть отделение парцеллятов от базовой

---

⁷ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. От 16.10.2024) “О порядке присуждения ученых степеней” (вместе с “Положением о присуждении ученых степеней”), в Главе 2 использованы материалы статьи: Толпарова Дз.В. Парцелляция как один из маркеров экстравертированной элитарной языковой личности (на материале поэтического идиолекта И. Бахман) // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2022. – С. 147-151.

части, маркируется на графическом уровне оформления текста с помощью различных знаков препинания.

В контексте наших рассуждений релевантным представляется также указание на характерную особенность парцелляции, состоящую в сохранении синтаксической целостности разделенной парцеллятами конструкции. Исключение в этом отношении составляет базовая часть парцеллированной структуры, обладающая синтаксической и смысловой независимостью.

В ходе решения поставленных в настоящей диссертации задач выяснилось, что в художественном дискурсе И. Бахман парцеллированные конструкции, будучи характерной приметой идиостиля австрийской поэтессы, манифестируют, как правило, побудительную модальность. Данное обстоятельство, повлиявшее на окончательный выбор предмета предпринятого исследования, позволило отнести парцелляцию к средствам экспликации категории волонтативности в рамках изучаемого идиолекта и квалифицировать ее как один из синтаксических приемов организации поэтического текста, вербализующих волеизъявление автора.

Рассмотрим фрагмент стихотворения Ингеборг Бахман «*Lieder von einer Insel*» («Песни с острова», 1954), иллюстрирующий акцентуацию побудительной модальности посредством парцеллированной синтаксической конструкции:

«*Wenn einer fortgeht, muß er den Hut
mit den Muscheln, die er sommerüber
gesammelt hat, ins Meer werfen
und fahren mit wehendem Haar, <...>
Dann wird er wiederkommen.
Wann?
Frag nicht».*

(AgB: 55)

Три последних строки приведенного пассажа содержат главную мысль, заключающуюся в неизбежности встречи, наступающей после расставания, и

эксплицируют авторскую модальность через синтаксическое обособление побудительного предложения «*Frag nicht*», манифестируемое на графическом уровне знаком вопроса. Акцентуация авторского волеизъявления и, тем самым, степень императивности стихового высказывания увеличиваются за счет нарушения цельности структуры предложения и синтаксической изоляции вопросительного слова «*Wann?*», что подчеркивается также разрывом стихотворной строки и графически фиксируется с помощью приема, именуемого в стихосложении «лесенкой», или «каскадом».

Отметим, что прием парцелляции, а следовательно, сам механизм парцеллирования синтаксической структуры обусловлен, прежде всего, намерением автора сообщения посредством дискретной подачи информации логически выделить, акцентировать отделяемый компонент:

«*Von einem, der das Fürchten lernen wollte
und fortging aus dem Land, von Fluß und Seen,
zähl ich die Spuren und des Atems Wolken,
den, so Gott will, wird sie der Wind verwehn!*

*Zähl und halt ein – sie werden vielen gleichen.
Die Löse ähneln sich, die Odysseen.
Doch er erfuhr, daß wo die Lämmer weiden,
schon Wölfe mit den Fixsternblicken stehn».*

(AgB: 9)

Приведенный фрагмент из стихотворения И. Бахман «О стране, реке и озерах» («*Von einem Land, einem Fluss und den Seen*», 1955) является яркой иллюстрацией доминантного статуса парцелляции в художественной парадигме поэтессы: как видим, в пределах восьмистишия автор прибегает к данному стилистическому приему трижды, что, безусловно, усиливает производимый парцелляцией прагматический эффект, который заключается в смысловом выделении парцеллятов, оказывающихся за пределами базовой части фразы, а в случае с содержащейся в высказывании побудительной

модальностью, – в акцентуации волеизъявления автора, что с высокой степенью очевидности демонстрирует вторая из рассматриваемых трех парцеллированных конструкций, а именно – в первой стихотворной строке второй строфы: «*Zähl und halt ein – sie werden vielen gleichen*», в которой обособление парцеллята и – тем самым – фокусирование внимания читателя на этой части высказывания графически маркируется с помощью тире.

Обратимся также еще к одному примеру из стихотворения «*Das erstgeborene Land*» («Первозданный край», 1956):

*«In meinem erstgeborenen Land, im Süden
sprang die Viper mich an
und das Grausen im Licht.

O schließ
die Augen schließ!
Preß den Mund auf den Biß!»*

(AgB: 51)

Примечательно, что в данном примере наблюдается «конфликт» между грамматикой и авторской интенцией, заключающейся в стремлении актуализировать путем парцелляции побудительную семантику вербального компонента императивной конструкции. Подобная коллизия приводит не только к нарушению целостности синтаксической модели исходной предпарцеллированной структуры (*O schließ die Augen*), но и к изменению грамматически корректного порядка слов всего побудительного высказывания в рамках двух первых стихотворных строк второй строфы.

Как явствует из приведенного выше примера, в художественной парадигме И. Бахман нередко наблюдается конвергенция синтаксических приемов: базовая часть и парцеллят, входящие в парцеллированную конструкцию, образуют синтаксический параллелизм, усиленный повтором на лексическом уровне, что с очевидностью существенно увеличивает

иллокутивную силу и, в целом, модальный потенциал стихового высказывания.

Синтаксическая конвергенция, то есть «схождение» (И.В. Арнольд), слияние синтаксических приемов, может иметь, как показывает анализируемый материал, и другую стилистическую конфигурацию, а именно: представлять собой синтез синтаксического параллелизма, парцеллированной и эллиптической конструкций, например:

«Zieh das Korallenhorn,
häng die Hörner vors Haus,
Dunkel, kein Licht!»

(AgB: 79)

Две первые строки приведенного пассажа из стихотворения «Lieder auf der Flucht» («Песни в бегах», 1956) демонстрируют вариативный синтаксический повтор с распространением, акцентирующий реализацию семантики побудительности посредством прямого императива. В целом же пример иллюстрирует градацию волюнтаривной модальности на синтаксическом уровне организации текста благодаря конвергентному употреблению парцелляции и эллипсиса, который в рамках представленной в данной работе концепции также рассматривается нами в качестве экспликатора модальности побуждения.

Прежде чем перейти, в соответствии с поставленными в диссертации задачами, к анализу волеизъявительного потенциала эллиптических конструкций, отметим также, что на семантическом уровне парцеллят характеризуется идентичными с базовой частью временными семами. На морфологическом уровне наблюдается соответствие форм категорий наклонения, лица, числа парцеллята и глагола в базовой части.

2.3.3. Эллипсис как результат компрессии побудительных конструкций

Еще одной характерной особенностью художественной системы И. Бахман, маркирующей ее индивидуальный почерк и рассматриваемой нами сквозь призму модальности волеизъявления, являются эллиптические конструкции, придающие поэтическому синтаксису австрийской поэтессы оригинальность и специфичность и создающие ту «неповторимую ноту» [Карельский 1999: 243], о которой писали литературные критики, отмечая «мягкую твердость» [Там же: 238] и изысканность ее поэтики.

В теории синтаксиса под эллиптической конструкцией, или эллипсисом, понимается намеренный пропуск в речи значимых языковых единиц, ведущий к структурной «неполноте» конструкции [Федоров 1971: 79]. Этот синтаксический прием, широко используемый в поэзии, состоит в разрыве синтаксических связей, влекущем за собой определенный стилистический эффект, основанный на ментальной операции, нацеленной на восстановление отсутствующих фрагментов высказывания из контекста.

Эллипсис известен из античной риторики как фигура, производящая эффект «интеллектуальной неожиданности», основанный на контрасте синтаксиса и семантики, который возникает вследствие структурной неполноты конструкции, ее открытости к домысливанию [Кострова 2004: 49]. Структурная неполнота проявляется как в выпадении, как правило, строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например, вспомогательного глагола, так и в опущении полнозначных лексических элементов.

Следует отметить, что эллипсис, влияющий на объем высказывания посредством опущения одних членов синтаксических конструкций с целью выделения других, относится к традиционным синтаксическим поэтическим приемам, активно используемым поэтами для усиления выразительности стихового высказывания. Стремление к подобной «компрессии» поэтического выражения, к характерной для поэзии «сжатости мысли» (Е.Г. Эткинд), обусловлено, с одной стороны, ограниченным объемом поэтического

произведения, с другой стороны – экспрессивным потенциалом данного приема, заключающимся в возможности выразить авторские эмоции и переживания за счет возникающего при этом эффекта недосказанности.

Высокая степень эмоционального воздействия благодаря концентрации поэтической информации в стихотворном тексте обеспечивает эллипсису его особую лингвопоэтическую функцию в стихе.

Репрезентативность данной синтаксической конструкции в поэтическом синтаксисе И. Бахман позволила рассматривать ее в качестве стилемобразующей доминанты и ключевого элемента идиолекта австрийской поэтессы. При этом в ходе исследования обнаружилась характерная особенность употребления данного приема в анализируемых поэтических произведениях. Выяснилось, что в художественном дискурсе И. Бахман эллипсис, как правило, выступает в качестве средства экспликации волеизъявления автора. Другими словами, эллипсис у Бахман, будучи прямо или косвенно «заявленным» на волонтативности, вербализует модальность побуждения, представляя собой усеченный, «сжатый», вариант императивных конструкций.

Например, в стихотворном произведении «*Lieder von einer Insel*» («Песни с острова», 1954):

*«Honig und Nüsse den Kindern,
volle Netze den Fischern,
Fruchtbarkeit den Gärten,
Mond dem Vulkan, Mond dem Vulkan!»*

(AgB: 54)

Приведенная строфа, выражающая волеизъявление автора, направленное на реализацию тематизируемого в стихотворении принципа справедливости, демонстрирует не только экспрессивный, но и модальный потенциал эллипсиса. Модальная коннотация эксплицируется в данном случае за счет компрессии побудительных конструкций, возникающей вследствие опущения сказуемого, которое считается ядерным компонентом

императива. Подобные примеры эллиптических конструкций, подробному анализу функционирования которых в художественной системе И. Бахман посвящаются соответствующие разделы данной главы, относятся нами к косвенным средствам выражения категории волонтативности.

Эллиптические конструкции, выступающие в анализируемом дискурсе в роли экспликаторов побудительной семантики, могут представлять собой частичное элиминирование предиката с опущением корневой морфемы и сохранением отделяемой приставки, как, например, в следующем пассаже из стихотворения «*Ihr Worte*» («Ваши слова», 1961):

*«Ihr Worte, auf, mir nach!
und sind wir auch schon weiter,
zu weit gegangen, geht's noch einmal
weiter, zu keinem Ende geht's».*

(AW: 183)

Как видим, реализуемый в данном случае за счет редукции побудительной конструкции принцип экономии языковых средств способствует повышению степени императивности и увеличению иллоктивной силы стихового высказывания.

При этом, однако, необходимо уточнить, что в анализируемом материале встречаются, безусловно, случаи употребления эллиптических конструкций, лишенных модальности побудительности и находящихся вне семантического поля императивности:

(1) «*Das Lichtherz bricht der Lampe.
Dunkel. Schritte.
Der Riegel hat sich vor den Tod geschoben*».

(AW: 173)

(2) «*Unter einem fremden Himmel
Schatten Rosen
Schatten
auf einer fremden Erde*

*zwischen Rosen und Schatten
in einem fremden Wasser
mein Schatten»*

(AgB: 65)

Как видим, в обоих пассажах (отрывках из стихотворений «Hôtel de la Paix» («Отель де ла Пэ», 1957) и «Schatten Rosen Schatten» («Тень розы тень», 1955)) наблюдается структурная неполнота синтаксических моделей, проявляющаяся, в первом примере – в отсутствии структурных (семантически нерелевантных) элементов предложения, во втором примере – в опущении сказуемого, что способствует смысловому выделению «сохраненных» членов синтаксических конструкций и в целом не влияет на уровень рецепции содержащейся в данных высказываниях информации.

Заметим, что подобные случаи «безимперативного» эллипсиса, довольно часто встречающиеся в поэтическом дискурсе И. Бахман и рассматриваемые нами в качестве варианта соответствующей идиостилевой доминанты, также привлечены нами к анализу, осуществляющему в практической части исследования. При этом, в соответствии с развивающейся в работе концепцией, они квалифицируются как отрицательный член оппозиции «волюнтарийность – неволюнтарийность».

Что касается эллиптических синтаксических конструкций с волюнтарийной семантикой, то следует отметить также, что, как показывает исследование, вербализуемая ими побудительность может дополняться семой прохабитивности, например:

*«Und nur nicht dies: das Bild
im Staubgespinst, leeres Geroll
von Silben, Sterbenswörter.*

*Kein Sterbenswort,
Ihr Worte!»*

(AW: 184)

В приведенном пассаже из стихотворения «*Ihr Worte*» («Ваши слова», 1961) компрессия волонтативной модальности, осуществляемая за счет эллиптической трансформации стихового высказывания, как результат отказа от эксплицитного варианта сказуемого, подкрепляется семой запрета посредством включения в состав выражения отрицания «*kein*».

Резюмируя изложенные выше наблюдения, можно констатировать, что специфичность репрезентации категории волонтативности на синтаксическом уровне организации поэтического текста в рамках идиолекта И. Бахман отражает особенности ее ККМ и свидетельствует о склонности поэтессы к трансляции информации о внешнем мире в языковую действительность сквозь призму собственного волеизъявления.

Выводы по главе II

В работах отечественных и зарубежных лингвистов широкое развитие получила антропологическая теория, определяющая человека как творца языка и субъекта языковой деятельности. Признается, что антропоцентризм заметнее всего проявляется в синтаксисе. Как показывает настоящее исследование, синтаксические средства построения поэтического текста обладают значительным объяснительным потенциалом, предоставляя репрезентативный материал в процессе изучения идиостилевых характеристик элитарной языковой личности.

Общепризнанным считается также, что процесс порождения языковых сообщений управляет авторскими интенциями и, следовательно, предположение о том, что выбор языковых средств зависит от особенностей творческого мышления, является правомерным и заслуживающим внимания исследователей.

В ходе проведения первого этапа настоящего исследования было установлено, что поэтический идиолект выдающейся представительницы немецкоязычной поэзии XX века Ингеборг Бахман создает благодатную почву для комплексного изучения проблемы «язык и мир человека» (Н.Д. Арутюнова). ККМ поэтессы, испытавшей на себе весь ужас нацизма и его последствий, характеризуется сформированной на основе личного опыта индивидуально-личностной доминантой, своеобразие которой проявляется в неприятии окружающей действительности и манифестируется в создаваемых текстах посредством имплицируемого авторской интенцией желания изменить мир к лучшему.

Результаты осуществленного анализа собранного эмпирического материала дают основание утверждать, что высокая степень насыщенности поэтических текстов австрийской поэтессы грамматической формой императива, являющегося универсальным средством организации предложений волонтативной семантики, создает уникальность и

неповторимость индивидуального стиля И. Бахман и свидетельствует о ее стремлении активно воздействовать на существующую реальность.

Реализуемая в поэтических произведениях посредством использования целого комплекса средств вербализации волонтативной модальности стратегия побуждения отражает характерную черту творческого сознания поэтессы, заключающуюся в трансляции информации об окружающей действительности в языковую плоскость через призму собственного волеизъявления.

Репрезентация побудительной модальности в рамках поэтического идиолекта Ингеборг Бахман на синтаксическом уровне его организации обеспечивается синергийным эффектом, создаваемым доминантными для идиостиля австрийской поэтессы синтаксическими средствами, а именно: синтаксическим параллелизмом, парцеллированными и эллиптическими конструкциями.

Установлено, что синтаксические повторы и парцелляции являются в анализируем идиолекте не просто экспонентами семантики волеизъявления, отражающими авторскую интенцию, но и используются в качестве инструментов интенсификации и акцентуации побуждения.

В свою очередь, эллипсис, выступающий в художественном дискурсе И. Бахман в качестве средства экспликации волеизъявления автора, представляет собой концентрированный, «сжатый», способ выражения побудительной модальности.

Глава III. Поэтический синтаксис как индикатор психотипической принадлежности автора и характеристика концептуальной картины мира элитарной языковой личности

В настоящей главе синтаксические средства построения стихового высказывания, характерные для поэтического идиолекта И. Бахман и в силу этого трактуемые нами как доминанты ее идиостиля, рассматриваются в соотнесенности с личностными психологическими особенностями, детерминирующими своеобразие и самобытность ККМ данной языковой личности.

3.1. Средства вербализации особенностей психотипической принадлежности автора в поэтическом тексте

Как было подчеркнуто в разделе 1.3. диссертации, к решению поставленных в настоящем исследовании задач привлекаются результаты новейших научных изысканий в области психолингвистики, свидетельствующие о наличии корреляционной зависимости между механизмом продуцирования речи и ментальными особенностями индивидуума и подтверждающие правомерность соотнесения индивидуально-авторских предпочтений в выборе языковых средств с особенностями психотипа языковой личности.

Анализ результатов исследований, посвященных данной проблеме (Красильникова В.Г. 1998; Чивилева И.В. 2005; Горло Е.А. 2007; Попова О.В. 2020), позволил сформулировать важные для практического этапа работы выводы о зависимости грамматической фактуры языкового высказывания от принадлежности индивидуума к экстравертированному или, соответственно, интровертированному психотипу и, следовательно, о правомерности рассмотрения выбора и комбинации языковых средств в качестве индикаторов психологического типа личности. Эти выводы подтверждаются

наблюдениями, сделанными в ходе анализа собранного нами фактического материала и изложенными в ниже следующих разделах диссертации.

Напомним, что исследователи, изучающие проблему детерминированности верbalного поведения психологическими особенностями субъекта коммуникации, дифференцируют коммуникативные техники и стратегии «контроля коммуникативного процесса» [Попова 2020: 6], осуществляемые экстравертированным и интровертированным типами личности. В случае с экстравертированностью это различие манифестируется, в силу свойственного экстраверту переключения интереса «вовне» (К. Юнг), в стремлении субъекта максимально исчерпывающе излагать мысли. Что касается интровертированности, связанной с характерной для интроверта замкнутостью и пассивностью в общении [Мерлин 1986], то она, напротив, выражается в некоторой недосказанности и лаконичности.

3.1.1. Повелительное наклонение как грамматическое средство манифестации «экстравертированного / интровертированного психотипа»

Высокая степень репрезентативности форм повелительного наклонения в поэтических произведениях И. Бахман обусловила реализуемый в настоящей диссертации подход, в рамках которого императив трактуется как грамматическая доминанта идиолекта исследуемой языковой личности. При этом прямые (эксплицитные) и косвенные (имплицитные) формы вербализации категории побуждения рассматриваются нами в качестве маркеров экстравертивного или, соответственно, интровертивного верbalного поведения.

При этом мы исходим из предположения, основанного на точке зрения Г.Г. Почепцова [Почепцов 1981], что экстраверсия – это склонность к прямому побуждению посредством эксплицитных средств выражения категории побудительности (см. резюмирующую часть предыдущего раздела работы), в то время как интроверсия представляет собой непрямое побуждение к

действию посредством использования имплицитных форм реализации волонтативной функции языка.

По Г.Г. Почепцову, формы выражения речевых актов классифицируются в зависимости от характера индексов иллокутивной силы на две категории: эксплицитный речевой акт, в котором иллокутивное намерение выражено отдельным языковым элементом, и имплицитный, где иллокутивная сила выражена в семантической структуре языковой формы [Почепцов 1981: 52]. На основании этого критерия средства вербализации побудительной семантики можно разделить на две основные группы – прямые (эксплицитные) и косвенные (имплицитные).

3.1.1.1 Эксплицитные средства выражения категории побудительности в поэтическом тексте

Исходным пунктом наших дальнейших рассуждений, представленных в данном и следующем за ним разделах диссертации, явилась точка зрения отечественного лингвиста А.В. Бондарко, касающаяся императивных форм 2-го лица, которые он называет «центральными и парадигмообразующими» [Бондарко 1976: 218]. Предложения с этими формами квалифицируются учеными как типичные, с pragматической точки зрения, директивные коммуникативные акты (см.: [Грабье 1983]).

Следовательно, грамматические формы 2-го лица императива (повелительного наклонения) к прямым способам выражения речевого акта побуждения. Глаголы в повелительном наклонении, подробному рассмотрению которого, с учетом объекта и предмета предпринятого исследования, посвящен отдельный параграф 2-ой главы настоящей диссертации, обладают максимально высоким потенциалом воздействия на получателя сообщения, поскольку их функция состоит в грамматически маркированном, эксплицитно выраженном побуждении к действию.

Поскольку повелительное наклонение, или императив, традиционно считается, морфологическим ядром категории побуждения [Перлова 2019: 47],

то, его формы можно рассматривать, с нашей точки зрения, как эксплицитные средства выражения категории побудительности.

Наряду с императивом, представляющим собой грамматическое средство выражения побудительной модальности, к прямым, или эксплицитным, средствам можно отнести побудительные предложения с глаголами с семой определенного воздействия, которые квалифицируются как лексические средства выражения значения побуждения, а именно: глаголы “*bitten*”, “*befehlen*”, “*empfehlen*” и др. и рассматриваются чаще всего в качестве вспомогательных по отношению к грамматическим.

Следует отметить, что анализ собранного нами корпуса примеров свидетельствует о преобладании в стихотворных текстах И. Бахман грамматических средств репрезентации волюнтаривности, что объясняется, возможно, их относительной, в сравнении с лексическими средствами, самостоятельностью (семантической однозначностью) и независимостью от контекстуальных условий употребления. Именно поэтому предложения с формами 2-го лица считаются «эталонными повелительными предложениями» [Бондарко 1990: 190].

Приведем пример из анализируемого материала, а именно – из произведения «*Ein Monolog des Fürsten Myschkin zu der Ballettpantomime “Der Idiot”*» («Монолог князя Мышкина к балетной пантомиме», 1953):

«*Halt ein! Dich beschwör ich,*
Gesicht der einzigen Liebe,
bleib hell und schlag mit den Wimpern
das Auge zur Welt zu, bleib schön,
Gesicht der einzigen Liebe,
und heb deine Stirn
aus dem Wetterleuchten der Zweifel».

(AW: 50)

Пятикратное повторение «эталонной» грамматической формы императива в пределах данной строфы, усиливая заложенную в него иллокутивную силу и, в целом, существенно увеличивая прагматический потенциал всего стихового высказывания, иллюстрирует прямую направленность сообщения на реального адресата, поскольку, как отмечают исследователи, императив, как грамматическое средство выражения побудительности, «напрямую выполняет специфическую функцию (обращение и воздействие), которая не свойственна другим глагольным формам» [Дреева, Гиголаева 2015: 7].

Обнаруженная в ходе анализа тенденция к частотному употреблению повелительного наклонения как эксплицитной формы выражения побуждения явилась основанием для рассмотрения императива в качестве грамматической доминаты в текстовом пространстве австрийской поэтессы.

При этом в стихотворных произведениях И. Бахман встречается, как правило, «ядерная» форма побуждения, а именно: форма императива, обращенного ко 2-му лицу ед.ч. или мн.ч., что подтверждает выводы, сделанные Вл. Грабье относительно частотности форм русского императива [Грабье 1983: 115].

Например, в приведенных ниже отрывках из стихотворных произведений «*Lieder auf der Flucht*» («Песни в бегах», 1956), «*Böhmen liegt am Meer*» («Богемия у моря», 1964) и «*Nachtflug*» («Ночной полет», 1953):

- (1) «*Die Sonne wärmt nicht, stimmlos ist das Meer.*
Die Gräber, schneeverpackt, schnürt niemand auf.
Wird den kein Kohlenbecken angefühlt
mit fester Glut? Doch Glut tut's nicht.
Erlöse mich! Ich kann nicht länger sterben».

(AgB: 81)

- (2) «***Kommt her, ihr Böhmen alle, Seefahrer, Hafenhuren und Schiffe***
unverankert. <...>»

(PDL)

(3) «*Doch ein Geruch ist zu spüren,
vorlaufend den Kometen,
und das Gewebe der Luft,
von gefallnen Kometen zerrissen.
Nenn's den Status der Einsamen,
in dem sich das Staunen vollzieht.
Nichts weiter».*

(SG: 63)

Как видим, в приведенных примерах иллокутивное намерение автора предельно четко выражено отдельным языковым элементом (формой 2-го лица ед. или, соответственно, мн.ч.), высокая степень самодостаточности которого определяется принадлежностью к «ядерным» компонентам соответствующего функционально-семантического поля (в данном случае – поля побудительности). В таких случаях речь идет о намерении адресанта непосредственно воздействовать на адресата и, следовательно, имеет место эксплицитно выраженное побуждение.

Отметим, что индекс иллокутивности, бесспорно, увеличивается при многократном употреблении «эталонной» формы повелительного наклонения, как например, в приведенных ниже отрывках из стихотворных произведений «*Die gestundete Zeit*» («Отсроченное время», 1953) и «*Psalm*» («Псалом», 1953):

(1) «*Sieh dich nicht um.
Schnür deinen Schuh.
Jag die Hunde zurück.
Wirf die Fische ins Meer.
Lösch die Lupinen!*»

(AW: 17)

(2) «*Wie eitel alles ist.
Wälze eine Stadt heran,
erhebe dich aus dem Staub dieser Stadt,*

*übernimm ein Amt
und verstelle dich,
um der Bloßstellung zu entgehen».*

(AW: 38)

Именно подобное концентрированное использование «эталонной» формы выражения побудительности позволило рассматривать императив в качестве специфической особенности идиостиля исследуемой элитарной языковой личности и квалифицировать его как грамматическую доминанту, свидетельствующую о специфической особенности мировосприятия австрийской поэтессы, выражющейся в критическом отношении к действительности.

Как явствует из всех рассмотренных выше примеров, оформление волеизъявления посредством наиболее маркантной грамматической формы императива, образующей центр функционально-семантического поля побуждения, с высокой степенью очевидности эксплицирует интенцию автора поэтического сообщения, направленную на побуждение адресата к действию.

Таким образом, обобщая результаты представленного в данном параграфе анализа, можно констатировать, что императив как грамматически маркированная форма, реализующая волонтативную функцию максимально однозначно и целенаправленно, выступает в языке поэтических произведений И. Бахман в качестве основного средства выражения побуждения.

При этом в анализируемых поэтических текстах наблюдается высокая плотность употребления «эталонной» формы императива, т.е. формы 2-го л. ед. ч., являющейся «стержневой» в парадигме форм выражения категории повелительного наклонения и относящейся к эксплицитным средствам выражения волонтативной семантики.

Следует подчеркнуть, что подобные, эксплицитные, «прямые», а, следовательно, однозначно и исчерпывающе вербализующие волю автора стихового высказывания императивные конструкции весьма частотны в идиолекте И. Бахман, что на данном этапе практического анализа можно

рассматривать как подтверждение правомерности отнесения поэтессы к языковым личностям экстравертированного психотипа.

3.1.1.2. Имплицитные способы реализации стратегии побуждения в поэтическом тексте

В ходе анализа эмпирического материала выяснилось, что в синтаксисе поэтических произведений И. Бахман прослеживается тенденция к употреблению как прямых, так и косвенных способов вербализации категории побудительности.

К косвенным способам выражения модальности побуждения исследователи причисляют повествовательные предложения с глаголом в настоящем или будущем времени, с безличным пассивом, с презенсом конъюнктива, с конструкциями *haben + zu + Infinitiv*, *sein + zu + Infinitiv*, с модальными глаголами в презенсе индикатива и претеритуме конъюнктива, а также вопросительные предложения.

Как было продемонстрировано в предыдущем разделе диссертации, императив представляет собой грамматически отмеченную, парадигмообразующую форму выражения категории побудительности, что не свойственно другим грамматическим и лексическим средствам вербализации побудительной семантики, являющимся в силу этого периферийными. Иллокутивная сила последних сосредоточена не в отдельном языковом элементе, а в семантической структуре всей языковой формы и определяется не напрямую, а опосредованно, через контекст. Считается, что для того чтобы неимперативные по своей семантике формы воспринимались как побудительные, необходимы определенные прагматические условия, определенный прагматический контекст [Перлова 2019: 47].

Степень побудительности может быть низкой или высокой в зависимости от контекста, что обуславливает мягкость / жесткость, вежливость / грубость императивного высказывания. Выбор тех или иных

средств вербализации повелительного наклонения в тексте детерминирован субъективным фактором, а именно: авторской интенцией. Иными словами, автор использует косвенные формы побуждения как способ более мягкого выражения волонтативной семантики.

В качестве одного из косвенных средств выражения волонтативности чаще всего рассматривается предложение-намек, когда говорящий сообщает свое желание изменить существующее положение вещей и ждет от собеседника принятия определенных мер. Подобные повествовательные предложения, используемые в качестве имплицитных форм побуждения к действию, представляют собой обусловленное коммуникативным замыслом говорящего проявление вежливости и используются с целью смягчения прямого побуждения к действию. При этом отмечается, что на иллокутивную силу подобных высказываний влияют и экстралингвистические факторы, иными словами, иллокутивный потенциал имплицитных способов выражения побуждения в значительной степени «зависит от ситуации общения и фоновых знаний коммуникантов» [Беляева 1987].

Рассмотрим пример из анализируемого материала, иллюстрирующий один из способов вербализации имплицитного побуждения, в данном случае – посредством употребления глагола в форме настоящего времени сослагательного наклонения, а именно – презенса конъюнктива:

*«Erwacht zum Leben im Schein,
von Planeten verführt,
die von uns Ausdruck verlangen,
sei ich zur grenzenlosen Musik
die Bewegung der Strummen».*

(AW: 49)

В приведенном отрывке из произведения «Ein Monolog des Fürsten Myschkin zu der Ballettpantomime “Der Idiot”» («Монолог князя Мышкина к балетной пантомиме», 1953) побуждение к действию выражается косвенно, завуалированно. Как видим, экспонентом побудительной модальности здесь

является Konjunktiv I глагола *sein* в форме 1-го л. ед.ч., при этом именно употребление данной формы с личным местоимением *ich* в составе одной синтагмы делает содержащееся в данном высказывании побуждение к действию косвенным, индиректным. Следовательно, в данном случае в качестве экспликатора волонтативной семантики выступает глагол *sein* в форме презенса конъюнктива в составе повествовательного предложения.

В анализируемых стихотворных текстах заметное место занимают повествовательные предложения с модальными глаголами в настоящем времени, имплицирующие волеизъявление автора и выступающие в качестве средства выражения категории побудительности. Для иллюстрации приведем следующий пример из стихотворения «Keine Delikatessen» («Без излишеств», 1963):

*«Soll ich
einen Gedanken gefangennehmen,
abführen in eine erleuchtete Satzzelle
<...>
(Soll doch. Sollen die andern.)
Mein Teil, es soll verloren gehen».*

(SG:183)

Данный пассаж содержит четырехкратный повтор модального глагола *sollen* в презенсе индикатива, употребляемого в качестве косвенного средства выражения побуждения. Как видим, несмотря на «сгущенное употребление» (Ю.М. Лотман) одного и того же языкового элемента, можно наблюдать не увеличение, а, напротив, снижение степени волонтативности в рамках анализируемого пассажа, поскольку в данном случае речь идет об имплицитном средстве вербализации побудительной модальности: автор обращается к адресату не напрямую, а опосредованно – через употребление модального глагола *sollen* в форме 3-го лица мн.ч. Конструкция с безличным пассивом в пятой строке анализируемого отрывка также может быть

интерпретирована как индикатор имплицитности побудительного речевого акта.

Поскольку предложения с модальным глаголом *sollen*, так называемые *Soll-Sätze*, являются семантическим эквивалентном императивных высказываний, они могут выступать в качестве альтернативного способа выражения выполняемой императивом прескриптивной функции, однако такие случаи в анализируемом материале сравнительно редки. Например, в отрывке из стихотворения «*Einem Feldherrn*» («Военачальнику», 1953):

«*Eins sollst du wissen:*

*Erst wenn du nicht mehr versuchst,
wie viele vor dir, mit dem Degen...»*

(SG: 57)

Еще один пример с использованием модального глагола *sollen* в качестве фактора, уменьшающего степень категоричности призыва к выполнению действия:

«*Soll ich
eine Metapher ausstaffieren
mit einer Mandelblüte?
die Syntax kreuzigen
auf einen Lichteffekt?*»

(AW: 185)

Примечательно, что приведенный фрагмент из стихотворения «*Keine Delikatessen*» («Без излишеств», 1963) содержит одновременно два косвенных средства вербализации волюнтаривной модальности – модальный глагол *sollen* входит в состав вопросительного предложения, которое уже своей формой снижает градус императивности, в связи с чем все высказывание приобретает коннотацию мягкого побуждения к действию.

Подобное снижение степени побудительности присутствует и в следующей строфе:

«*Wem es ein Wort nie verschlagen hat,*

*und ich sage es euch,
wer bloß sich zu helfen weiß
und mit den Worten –
dem ist nicht zu helfen».*

(SG: 176)

Пример из стихотворения «Wahrlich» («Воистину», 1964) иллюстрирует экспликацию косвенного побуждения посредством конструкции “*sein + zu + инфинитив*”, волонтативная модальность которой образуется как результат взаимодействия компонентов грамматической структуры, характеризующейся своего рода «грамматической идиоматичностью» (по М.М. Гухман).

Очевидно, что имплицируемое данной конструкцией побуждение не подразумевает конкретного исполнителя инициируемого действия, поскольку присутствие адресата, к которому обращено сообщение и от кого ожидается реакция в виде определенного действия (*wer bloß sich zu helfen weiß*), не указано эксплицитно, а лишь угадывается из контекста. Добавим при этом, что конструкция *sein + zu + Infinitiv* в сочетании с отрицательной частицей *nicht* в составе повествовательного предложения придает высказыванию коннотацию вежливого отказа в выполнении каузируемого действия.

Следует отметить, что в художественной системе И. Бахман в целом имеют место случаи одновременного употребления эксплицитных и имплицитных форм репрезентации побудительной модальности, как, например, в приведенном ниже отрывке из романа «Malina» («Малина», 1971):

*«Dann hör einmal genau zu
Du bist doch am Einschlafen
Jetzt natürlich nicht, ich bin doch nur müde
Du mußt aber die Müdigkeit ausschlafen»*

(M: 29)

Как видим, в данном пассаже сочетание прямого императива, выраженного глаголом *hören* в форме 2-го лица ед. ч., и косвенного

побуждения к действию, вербализованного грамматической конструкцией: модальный глагол *müssen* в презенсе индикатива + инфинитив глагола *ausschlafen*, приводит к некоему балансу между прямым, однозначным, побуждением к инициируемому адресантом действию и косвенным намеком на необходимость осуществления другого действия в рамках одного и того же коммуникативного акта: «*Du mußt aber die Müdigkeit ausschlafen*». При этом очевидно, что градус императивности индиректной формы выражения волонтативной модальности, в отличие от прямого побуждения, заметно снижен и доведен до уровня мягкого совета собеседнику.

С учетом последнего примера, иллюстрирующего редкие для художественного идиолекта И. Бахман случаи конвергенции эксплицитных и имплицитных форм вербализации побуждения модальности в пределах узкого контекста, можно заключить следующее.

Результаты представленного выше анализа способов выражения побуждения в поэтическом синтаксисе И. Бахман убеждают в том, что поэтесса предпочитает в своих стихотворных произведениях характерную для элитарных языковых личностей открытую форму выражения волеизъявления, вербализованную посредством императива.

Статистический анализ позволил выявить соотношение прямых и косвенных способов выражения волонтативной семантики, которое можно представить в виде пропорции – 3:1. Выявленный коэффициент следует расценивать, с нашей точки зрения, как свидетельство стремления к открытому выражению критического отношения к окружающей действительности и, соответственно, интерпретировать как признак экстравертированного речевого поведения элитарной творческой личности.

3.2. Идиостилевые доминанты И. Бахман как средства вербализации авторского волеизъявления и маркеры экстравертированного / интровертированного речевого поведения творческой личности

Как было продемонстрировано в предыдущем параграфе, психологическая организация языковой личности может быть выявлена и определена посредством анализа языковых способов выражения волеизъявления в поэтическом тексте.

Однако и сам выбор языковых средств, влияющий на качественные характеристики идиостиля творческой личности и обуславливающий особенности авторских предпочтений, может являться определяющим фактором отнесения художника слова к экстравертированным или, соответственно, интровертированным языковым личностям.

В данном разделе идиостилевые доминанты, образующие индивидуальную художественную парадигму Ингеборг Бахман и проанализированные нами ранее с точки зрения их модального потенциала и в соотнесении с особенностями ККМ элитарной языковой личности, рассматриваются в качестве показателей экстравертированного или, соответственно, интровертированного речевого поведения австрийской поэтессы.

3.2.1. Синтаксический параллелизм – средство расширения объема языкового высказывания и маркер экстравертности языковой личности

Итак, речевое поведение отдельной языковой личности, манифестируемое в генерируемых ею текстах, прежде всего, на уровне их синтаксической организации, может свидетельствовать об определенных психологических особенностях данной личности. Не только выбор самих языковых средств, но и степень их частотности, основанная на многократных повторениях, позволяет охарактеризовать автора сквозь призму дилеммы «экстраверсия / интроверсия».

В настоящей диссертации языковые средства, являющиеся наиболее характерными для художественной системы И. Бахман и выступающие в качестве доминант ее индивидуального стиля, рассматриваются с учетом их побудительных потенций, поскольку императивность является ключевой характеристикой идиостиля поэтессы, и разделяются на маркеры экстравертированного и интровертированного речевого поведения. В связи с этим данный раздел посвящен подробному анализу синтаксического параллелизма как маркера экстравертированного речевого поведения.

Синтаксический параллелизм (полный и неполный), считающийся специфическим приемом организации стихотворной речи и относящийся к наиболее выразительным приемам экспрессивного синтаксиса [Александрова 1984: 99-100], является весьма показательным также с точки зрения характеристики идиостиля творческой языковой личности.

Как было резюмировано в конце раздела 2.3.1. настоящей диссертации, посвященного изучению модального потенциала данного феномена в идиолекте И. Бахман, синтаксический параллелизм может выполнять функцию экспликатора авторской интенции и в силу этого рассматриваться в рамках художественной парадигмы австрийской поэтессы как интенсификатор содержащейся в стиховом высказывании семантики побуждения. Напомним, что выявленная в ходе предварительного знакомства с эмпирическим материалом частотность императивных конструкций в поэтическом синтаксисе И. Бахман послужила основанием для рассмотрения повелительного наклонения в качестве грамматической доминанты идиостиля поэтессы.

Однако для решения поставленных в данной работе задач релевантным оказывается исследование синтаксического повтора с точки зрения его отношения к объему стихового высказывания, а также связанная с этим возможность рассмотрения его в качестве индикатора речевого поведения автора.

Прежде чем перейти к анализу эмпирического материала, необходимо подчеркнуть, что исследователи относят повтор и его разновидности (анафору, контактный и дистантный повторы, полный и вариативный параллелизмы) к речевым фигурам прибавления и квалифицируют его как языковую единицу с высокой степенью развернутости [Горло 2007а: 130]. Добавим к тому же, что, как известно, синтаксический параллелизм обладает значительным экспрессивным потенциалом, выражающимся в способности оказывать эмоциональное воздействие на реципиента. Именно благодаря свойственной подобным стилистическим приемам «эмоциональной заряженности» они входят в реестр речевых средств, используемых языковыми личностями, нацеленными на взаимодействие с внешним миром, то есть экстравертами.

Анализ корпуса примеров различных видов повторов, обнаруженных в художественной парадигме И. Бахман, свидетельствует не только о высокой степени частотности синтаксического параллелизма в ее стихотворных произведениях, но и многообразии разновидностей данного приема. При этом обнаруживается важная для наших дальнейших рассуждений тенденция к преобладанию вариативных (неполных) синтаксических параллелизмов с распространением, свидетельствующая о характерном для экстравертированного психотипа личности стремлении максимально полно и исчерпывающе выразить мысль.

Это означает, что одна из параллельных структур, входящих в синтаксический параллелизм, может распространяться с целью различного рода уточнений, разъяснений, детализации посредством парентетических внесений, парцелляций, аппозиций. Типичным для идиостиля И. Бахман является, например, следующий способ оформления стихового высказывания:

*«Schöner als der beachtliche Mond und sein geadeltes Licht,
Schöner als die Sterne, die berühmten Orden der Nacht,
Viel schöner als der feurige Auftritt eines Kometen
Und zu weit Schönrem berufen als jedes andre Gestirn,*

Weil dein und mein Leben jeden Tag an ihr hängt, ist die Sonne».

(AgB: 68)

Как видим, приведенный пассаж из стихотворного произведения «An die Sonne» («К Солнцу», 1956) представляет собой сложное синтаксическое целое, охватывающее 5 стихотворных строк. Первые 4 строки содержат вариации распространяемой за счет уточняющих сравнительных оборотов именной части составного именного сказуемого как одного из базовых компонентов грамматической основы всего высказывания:

Schöner <...> ist die Sonne.

Иными словами, каждая из четырех синтаксических единиц, входящих в состав данного сложного синтаксического целого (далее – ССЦ) и образующих перечислительный ряд из однородных членов предложения в функции предикатива, и, как следствие, вся строфа выстраивается по одной инвариантной синтаксической модели, которую можно выразить формулой:

N + K + S⁸

При этом, как видим, в частности, во второй стихотворной строке базовая синтаксическая модель распространяется не только путем сравнения предмета описания (*die Sonne*) со звездами (*Schöner als die Sterne*), но и за счет привлечения другой стилистической фигуры, а именно – приложения (аппозиции), выполняющего функцию определения и служащего для уточнения или пояснения определяемого им слова. В данном случае аппозиция (*die Orden*), распространенная за счет дополнительных членов (*die berühmten Orden der Nacht*), выступает в роли определения к существительному *die Sterne*, входящему в вариативную часть синтаксического параллелизма, увеличивая тем самым объем уточняющей информации о члене повторяющейся структуры, который сам выполняет функцию уточнения.

---

⁸ где N – именная часть составного сказуемого; K – глагол-связка.

Следует отметить, что подобное увеличение протяженности языкового высказывания, достигаемое «путем “нагромождения” равнозначных выражений, рассуждений и умозаключений» [Ахманова 1969: 42] посредством многочленного распространения базовой части, лежащей в основе синтаксической единицы, и именуемое в стилистике амплификацией, может быть «прагматически оправданным» [Горло 2007б: 18].

Например:

«*Es wird verliehen*
für die Flucht von den Fahnen,
für die Tapferkeit vor dem Freund,
für den Verrat unwürdiger Geheimnisse
und die Nichtachtung
jeglichen Befehls».

(AW: 28)

Приведенный фрагмент из стихотворения «Alle Tage» («Каждый день», 1952) иллюстрирует «нагромождение» однородных дополнений, распространенных, в свою очередь, за счет однотипных определений, выраженных предложными группами (Präposition + Substantiv) в постпозиции к определяемому члену атрибутивного словосочетания и используемых с целью исчерпывающего описания явлений и создания целостной картины изображаемого. Амплификация в данном случае не только увеличивает объем стихового высказывания, но и усиливает степень речевого воздействия на адресата.

Для подтверждения приведенного выше тезиса о многообразии разновидностей неполного (вариативного) синтаксического параллелизма в поэтическом синтаксисе И. Бахман рассмотрим также следующий пример из стихотворения «Nebelland» («Туманная страна», 1954):

«*Im Winter ist meine Geliebte*
unter den Tieren des Waldes.

<...>

Im Winter ist meine Geliebte
unter den Fischen und stumm».

(AgB: 34)

В данном случае мы наблюдаем неполный синтаксический параллелизм, представляющий собой повтор синтаксической единицы (предложения), выходящей за пределы одного стихового ряда. Таким образом, имеет место практически полный, в том числе на лексическом уровне, параллелизм двустиший, который нарушается лишь за счет разницы в степени синтаксической значимости в структуре предложения последних членов параллельных конструкций. Речь идет о функции определения, выраженного именем существительным в постпозиции (<...> *unter den Tieren des Waldes*) и о функции предикатива (<...> *ist meine Geliebte unter den Fischen und stumm*). Именно эти члены повторяющихся структур оказываются, вследствие реализации приема стихового перенеса, в конце следующей стихотворной строки, что можно выразить формулой:

Adv./z +P + S + Adv./o + Attr.

Adv./z +P + S + Adv./o + N⁹

Как явствует из приведенной формулы, последние члены повторяющихся конструкций, выраженные именем существительным *der Wald* в Gen. и именем прилагательным *stumm*, уточняя информацию, содержащуюся в инвариантной части параллелизма, выполняют разные синтаксические функции, а именно: функцию определения и функцию именной части составного именного сказуемого, соответственно, нарушая таким образом правило параллельности в соответствии с авторской интенцией, заключающейся в стремлении к максимально точному и однозначному построению стихового высказывания.

Таким образом, выявленная в ходе анализа тенденция к использованию вариативных повторов синтаксических конструкций, распространяемых за

---

⁹ где Adv./o – обстоятельство места.

счет одночленных и многочленных определений, прямых и косвенных дополнений, а также разного рода обстоятельств, позволяет говорить о характерной для экстравертированного психотипа речевой манере и подтверждает высказанное нами ранее предположение относительно особенностей психологической организации австрийской поэтессы.

На основании результатов структурно-семантического анализа обнаруженных в идиолекте И. Бахман синтаксических параллелизмов можно сделать вывод об использовании данного стилистического приема как характерной черте текстовой деятельности поэтессы. Вариации повторов синтаксических конструкций, прежде всего, за счет включения в их состав дополнительных членов и вследствие этого относимых нами к средствам расширения объема стихового высказывания, а также общий уровень частотности данного приема в анализируемых поэтических произведениях следует рассматривать, с нашей точки зрения, в качестве доказательства правомерности сформулированного на предварительном этапе исследования предположения об экстравертном характере психологической организации данной языковой личности.

3.2.2 Парцелляция – средство расширения объема языкового высказывания и признак экстравертированности верbalного поведения автора

К показателям экстравертированного речевого поведения, то есть к вербальным единицам, способствующим увеличению объема языкового высказывания, относится парцелляция, рассмотренная нами ранее в разделе 2.3.2. с точки зрения ее модального потенциала, что позволило интерпретировать парцеллированные конструкции как средство акцентированного волеизъявления автора и, таким образом, квалифицировать их как способ вербализации категории побуждения.

Поскольку парцелляция является приемом, сущность которого сводится к расширению базовой части расчлененного языкового высказывания посредством добавления к нему «парцеллятов» (присоединительных конструкций), представляется целесообразным рассматривать ее, наряду с синтаксическим параллелизмом, в качестве единицы, увеличивающей объем высказываемой адресантом информации и характеризующей речевое поведение экстраверта.

В ходе 2-го этапа исследования стало возможным подвергнуть анализу отобранные методом сплошной выборки парцеллированные конструкции с точки зрения их соотнесенности с психологической организацией индивидуума.

Следует подчеркнуть, что парцеллированные конструкции, обладая значительным стилистическим потенциалом и способствуя созданию образности и выразительности текста, используются исключительно в художественном и разговорном дискурсах, в то время как, например, для научного и официально-делового дискурсов употребление парцелляций не является характерной чертой, что объясняется коммуникативно-прагматической целеустановкой данных типов дискурса.

Добавим также, что функция парцеллированных синтаксических конструкций направлена, как уже было сказано, на конкретизацию понятий и картин внеязыковой действительности. Парцелляции имитируют фрагментарность восприятия современного мира, эффект последовательности, а также неожиданности наступления паузы описываемого в стихотворном произведении действия и, как показывает предпринятое нами исследование, отражают импульсивность и экспрессию, связанные со свойственной экстраверту обращенностью к внешнему миру.

В ходе исследования установлено, что И. Бахман довольно часто прибегает в своих поэтических произведениях к рассматриваемому приему, используя его как средство выделения частей фразы и придавая высказыванию

выразительность и эмоциональность, как, например, в отрывке из стихотворения «Aufblickend» («Поднимая глаза», 1943):

«*Mein Weg aber ist ohne Erbarmen.*

Sein Fall drückt mich zum Meer.

Großes, herrliches Meer!»

(AW: 149)

Парцеллированная конструкция, представляющая собой в данном случае эпифорический повтор существительного ***das Meer*** с определениями ***groß*** и ***herrlich*** в функции градуированных эпитетов в препозиции и восклицательным знаком в конце, выступает в качестве экспликатора свойственной экстравертам импульсивности и эмоциональности.

Любопытным, относительно графического оформления, является также следующий пример использования парцелляции:

«*Und wo ich die Scheibe behauch, erscheint,*

von einem kindlichen Finger gemalt,

wieder dein Name: Unschuld!

Nach so langer Zeit.

(AgB: 41)

Приведенное четверостишие из стихотворения И. Бахман «*Tage in Weiß*» («Дни в белом», 1952) представляет собой с точки зрения синтаксиса сложноподчиненное предложение, усложненное обособленным определением (*von einem kindlichen Finger gemalt*) и дополненное двумя присоединительными конструкциями (парцеллятами), автономный статус которых маркируется на графическом уровне двоеточием и восклицательным знаком.

Таким образом, с помощью парцеллированной конструкции поэтесса развивает мысль, содержащуюся в основной части предложения, и, привлекая стилистические возможности данного приема, доводит эту мысль до уровня, исключающего всякую двусмысленность и недосказанность. С этой целью поэтесса акцентирует внимание читателя на важной, с ее точки зрения, детали:

в данном случае – на долгожданности и справедливости признания собеседника невиновным (*Unschuld!*). Налицо – характерное для экстраверта стремление автора обозначить свою оценку изображаемого предельно четко и однозначно.

В качестве парцеллята может фунгировать довольно объемная по протяженности синтаксическая единица, выражающая, например, сравнение, уточняющее информацию, эксплицированную в базовой части высказывания, и расширяющее таким образом семантическое поле последнего:

«Eine einzige Stunde frei sein!
Frei, fern!
Wie Nachtlieder in den Sphären».

(SG: 148)

Приведенный отрывок из стихотворного произведения «Nach grauen Tagen» («После серых дней», 1944) представляет собой ССЦ, состоящее из трех интонационно-смысовых единиц, каждая из которых занимает отдельный стиховой ряд. Базовая часть высказывания выражается инфинитивной конструкцией, имплицирующей автопрескриптивную модальность со свойственной подобным высказываниям футуральностью: *«Eine einzige Stunde frei sein!»* («быть свободным всего на один единственный час»). В качестве первого парцеллята, расширяющего основную часть высказывания (парцеллят №1), выступают прилагательные *«Frei, fern!»* («свободный, далекий»), к которым, в свою очередь, присоединяется второй парцеллят (парцеллят №2), содержащий развернутое сравнение *Wie Nachtlieder in den Sphären* («какочные песни в космосе»). Примечательно при этом, что прилагательное *«frei»*, входящее в базовую часть фразы в качестве именного компонента инфинитивной конструкции, повторяется в последующем высказывании, то есть становится частью парцеллята №1, дополняющего смысл основной части высказывания и приобретающего дополнительные смысловые оттенки благодаря присоединительной конструкции № 2.

Парцелляты, расширяющие объем информации базовой части высказывания и, благодаря обособлению на графическом уровне, приобретающие особую смысловую нагрузку, могут быть маркированы в стихотворной форме речи не только знаками препинания, как в следующем примере из стихотворения «Ausfahrt» («Отбытие», 1952):

(1) «*Das dunkle Wasser, tausendäugig,
schlägt die Wimper von weißer Gischt auf,
um dich anzusehen, groß und lang,
dreißig Tage lang*».

(AW: 8)

(см. также предыдущие примеры), но и новой строкой:

(2) «*Ich habe ein Einsehn gelernt
mit den Worten,
die da sind
(für die unterste Klasse)*

Hunger
Schande
Tränen
und
Finsternis».

(AW: 185)

Второй из двух последних фрагментов (отрывок из стихотворения «Keine Delikatessen» («Без излишеств», 1963)) иллюстрирует использование при парцеллированном оформлении стихового высказывания особого приема, известного в стиховедении как «лесенка». Неожиданные паузы как следствие разных абзацных отступов придают стихотворению резкость, четкость, чеканность и создают эффект прерывистости текста, способствуя нарастанию негативного эмоционального фона и позволяя читателю ощутить таким

образом бессиление лирического героя (“*Tränen*”) перед ситуацией безысходности (“*Finsternis*”), в которой он оказывается.

Следует отметить, что парцелляция, так же, как и синтаксический параллелизм, обладает определенным pragматическим потенциалом, реализация которого зависит от уровня развития языковых компетенций автора и от его способности использовать все имеющиеся в системе языка средства (в данном случае – на уровне синтаксиса) с целью эмоционального воздействия на получателя сообщения.

Следовательно, выявленная в ходе нашего исследования высокая степень частотности парцелляции в художественной системе И. Бахман, послужившая основанием для отнесения данного синтаксического приема к идиостилевым доминантам поэтессы, может рассматриваться как косвенное доказательство элитарности исследуемой языковой личности, которой свойственна «оригинальная, самобытная, не стереотипная» речь [Сиротинина 2001: 21].

В целом, на основании анализа примеров использования парцеллированных конструкций в художественной парадигме И. Бахман представляется возможным утверждать следующее.

С одной стороны, прослеживающаяся в синтаксисе поэтессы закономерность к доминантному употреблению парцелляций соответствует тенденции современной поэзии, заключающейся в стремлении поэтов к детализации фрагментов изображаемых предметов и явлений внешнего мира. С другой стороны, парцелляции, внося прерывистость в интонационный рисунок стиха и создавая впечатление «раздробленности» стихового высказывания, позволяют автору, пусть прерывисто, дискретно, но тем не менее полно и исчерпывающе, выразить свою мысль.

Следовательно, представленные в данном разделе диссертации результаты анализа использования парцеллированных конструкций в поэтическом синтаксисе И. Бахман в качестве средства наращивания объема стихового высказывания могут быть интерпретированы как свидетельство

предрасположенности поэтессы к экстравертированному типу психологической организации личности, а также как подтверждение правомерности отнесения поэтессы к элитарным языковым личностям.

3.2.3. Эллипсис – средство редукции объема языкового высказывания и показатель интровертности языковой личности

Эллипсис как прием «компрессии» информации рассматривается в настоящем разделе в качестве средства редукции объема стихового высказывания. Напомним, что он относится исследователями к языковым средствам с высокой степенью свернутости и, соответственно, к показателям интровертированности языковой личности [Горло 2007а: 130].

Стилистический потенциал эллипсиса, считающегося одним из самых выразительных приемов создания экспрессивности синтаксиса, обусловлен эффектом «интеллектуальной неожиданности», возникающим вследствие структурной неполноты фразы и, как было установлено в ходе нашего исследования, представляет собой одно из наиболее характерных для идиолекта И. Бахман средств вербализации авторской интенции волеизъявления.

Предпринятый нами на первом этапе исследования анализ эллипсиса с точки зрения его соотнесенности с категорией волюнтаривности позволил раскрыть модальный потенциал данного приема и квалифицировать его как средство компрессии побудительности и доминантную черту идиостиля И. Бахман.

Очевидно, что эллипсис является своего рода антиподом рассмотренных нами в предыдущих подразделах данного параграфа языковых средств расширения стихового высказывания, отличающих речевое поведение экстравертированного психотипа. Однако, поскольку эллиптические конструкции также весьма репрезентативны в поэтической системе И. Бахман, представляется целесообразным подвергнуть эллипсис, наряду с

синтаксическим параллелизмом и парцелляцией, качественному и количественному, а также сравнительно-сопоставительному анализу с целью обнаружения закономерностей, позволяющих оценить психотипическую принадлежность исследуемой творческой языковой личности.

Прежде всего следует отметить преобладание в поэтических произведениях И. Бахман однотипных эллиптических конструкций, когда в предложении опускается сказуемое как один из главных членов предложения. Отсутствие («выведение за скобки») сказуемого не затрудняет восприятие текста, не искажает общую мысль произведения, поскольку отсутствующая языковая единица легко домысливается из контекста. Например, в отрывках из стихотворений «*Lieder von einer Insel*» («Песни с острова», 1954), «*Große Landschaft bei Wien*» («Окрестности Вены», 1953) и «*Anrufung des Grossen Bären*» («Зов Большой Медведицы», 1955):

- (1) «*Honig und Nüsse den Kindern,
volle Netze den Fischern,
Fruchtbarkeit den Gärten,
Mond dem Vulkan, Mond dem Vulkan!*»

(AgB: 54)

- (2) «*Was liegt daran? Wir spielen die Tänze nicht mehr.
Nach langer Pause: Dissonanzen gelichtet, wenig cantabile*».

(AW: 42)

- (3) «*Ein Zapfen: eure Welt.
Ihr: die Schuppen dran*».

(AgB: 21)

Во всех приведенных примерах акцентируется опущение сказуемого, что, однако, не препятствует восприятию информации в целом, хотя может снизить уровень достижения коммуникативной цели адресанта сообщения вследствие отсутствия четкости и однозначности семантического содержания высказывания.

Примечательно, что в первом примере эллиптической редукции подвергнуты члены предложений, образующих синтаксический параллелизм и входящих в состав сложносочиненного комплекса. Таким образом, здесь имеет место конвергенция двух взаимоисключающих, с точки зрения дихотомии «экстраверсия / интроверсия», стилистических приемов, что, по нашему мнению, создает своеобразный синергийный эффект, увеличивая иллоктивную силу всего высказывания.

Конвергенция противоположных, относительно характеристики психологической организации личности, стилистических приемов наблюдается и в приведенном ниже примере (из стихотворного произведения *Von einem Land, einem Fluss und den Seen*» («О стране, реке и озерах», 1955)), иллюстрирующем опущение сказуемого в составе парцеллята:

*«Die Alten liegen in den dumpfen Stuben,
das Testament im Arm, im zweiten Schlaf,
und ihre Söhne zeugen wortlos Söhne
mit Mägden, die der Gott als Regen traf».*

(AgB: 10)

Наложение указанных приемов, усиливающее pragmaticальное воздействие на получателя сообщения посредством акцентирования неэлиминированных членов предложения, свидетельствует, на наш взгляд, о свойственной творческим личностям противоречивости как характерной черте их ККМ.

Подтверждением данного тезиса являются также приведенные ниже примеры (из стихотворений «Curriculum vitae» («Жизнеописание», 1955) и «Lieder auf der Flucht» («Песни в бегах», 1956)), в которых интонационно выделяются (благодаря использованию соответствующих пунктуационных знаков) важные, с точки зрения авторской интенции, смысловые элементы:

(1) «*Immer die Nacht.
Und kein Tag*».

(SG: 109)

(2) «*Die schwarze Katze,
das Öl auf dem Boden,
der böse Blick:
Unglück!*»

(AgB: 79)

Таким образом, как видим, вследствие создаваемого эллипсисом и парцелляцией эффекта неожиданной паузы, акцентируется часть высказывания, обладающая наибольшей смысловой и прагматической значимостью.

Эллипсис может представлять собой не только элиминирование грамматической основы предложения, но и распространяться на второстепенные члены предложения. Например:

«*Ich liebe. Bis zur Weißglut
lieb ich und danke mit englischen Grüßen.*».

(AgB: 41)

В приведенном фрагменте из стихотворения И. Бахман «*Tag in Weiß*» («Дни в белом», 1952) наблюдается опущение второстепенных членов предложения, а именно: прямого (Akk.) и косвенного (Dat.) дополнений – к глаголу *lieben* и к глаголу *danken*, соответственно. Таким образом, эллипсис в данном случае затрагивает, в соответствии с авторской интенцией, правила валентности, регулирующие комплетивные отношения между сказуемым и дополнением при построении немецкого предложения.

На основании результатов осуществленного анализа, представленного в данном разделе, можно сделать следующие выводы.

Построенное с помощью эллиптических конструкций стиховое высказывание, характеризующееся недосказанностью и оставляющее простор для домысливания, отличает интровертированную личность с ее обращенностью «внутрь себя» и дистанцированностью от внешнего мира.

Эллипсис, выступающий в поэтическом идиолекте И. Бахман в качестве экспликатора авторских интенций и в силу своей природы допускающий различные интерпретации несеквестированной части стихового высказывания, относится к группе языковых средств усечения семантического пространства фразового единства. Представляя собой результат преобразования синтаксической структуры, он может рассматриваться в качестве маркера идиостиля Ингеборг Бахман, свидетельствующего о ее склонности к интровертированному речевому поведению.

Подводя итоги изложенным выше наблюдениям, отметим, что, исходя из явного доминирования в синтаксисе И. Бахман средств расширения объема языкового высказывания (синтаксический параллелизм и парцелляция) и сравнительно менее частотно представленного в ее идиолекте эллипсиса как средства редукции, речевое поведение исследуемой элитарной языковой личности следует охарактеризовать как экстравертированное.

Однако сделанный вывод, сформулированный на основании визуальных наблюдений, подкрепленных результатами лингвопоэтического и стилистико-функционального методов анализа, нуждается в дальнейшем подтверждении с помощью привлечения диахронического ракурса исследования фактических данных, составляющих корпус собранного нами эмпирического материала.

3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ функционирования синтаксических средств организации поэтического текста в качестве маркеров речевого поведения художника слова (диахронический аспект)

Использование диахронического подхода к анализу идиостилевых доминант И. Бахман объясняется необходимостью сформировать целостное представление об особенностях развития и трансформации идиостиля поэтессы, отражающих динамику становления и эволюции индивидуального сознания элитарной языковой личности.

Данное суждение предопределило постановку и решение исследовательских задач, направленных, в частности, на выявление и описание закономерностей в употреблении идиостилевых доминант на синтаксическом уровне построения поэтического текста, которые, согласно представленной в работе концепции, детерминируются изменениями в ментальной сфере автора, связанными с возможными трансформационными процессами, влияющими на психологическую организацию индивида.

Представленный в следующих подразделах данного параграфа анализ выявленных в ходе исследования ключевых составляющих индивидуального стиля И. Бахман выполнен с учетом предпринятого нами деления творчества поэтессы на два периода, а именно: 1943-1962 гг. и 1963-1973 гг.

3.3.1. Синтаксический параллелизм как маркер речевого поведения в диахронической перспективе

Привлечение диахронического ракурса к рассмотрению синтаксического параллелизма, считающегося универсальным принципом построения поэтического синтаксиса и обладающего в художественной парадигме И. Бахман значительным волюнтаривным потенциалом, позволит подтвердить либо опровергнуть сделанный на предыдущем этапе анализа вывод о склонности австрийской поэтессы экстравертированному речевому поведению.

Итак, синтаксический параллелизм, относящийся к средствам, увеличивающим объем языкового сообщения, квалифицируется нами, в соотнесенности с дихотомией «интроверсия / экстраверсия» К. Юнга, как маркер экстравертированного психотипа языковой личности и индикатор экстравертированного речевого поведения.

Таблица № 2

Период	Общее количество стихотворных строк	Количество строк с синтаксическим параллелизмом	Частотность употребления
I	3970	67	1/59 (1,68 %)
II	145	14	1/10 (9,6 %)
Всего	4115	81	1/51 (1,96 %)

Необходимо заметить, что синтаксический параллелизм встречается в идиолекте И. Бахман в самых разнообразных типовых модификациях: от полного (точного) синтаксического повтора до неполного (вариативного) параллелизма с распространением либо с усечением.

При этом установлено, что в поэтических произведениях первого периода творчества И. Бахман превалирует неполный синтаксический параллелизм с распространением, второе место по степени частотности занимает полный параллелизм, и наименее востребованным оказывается вариативный параллелизм с усечением.

Процентное соотношение данных разновидностей синтаксического параллелизма к общему количеству обнаруженных примеров иллюстрирует приведенная ниже Диаграмма № 1.

Диаграмма № 1.

Следует подчеркнуть, что вариативность неполного синтаксического повтора, являющегося в произведениях первого периода, как, впрочем, в рамках всего идиолекта И. Бахман, самой частотной разновидностью рассматриваемого приема, обеспечивается преимущественно вводом в состав параллельных конструкций дополнения, как прямого, так и косвенного (39 % по отношению к общему количеству случаев распространения синтаксического параллелизма). Вторым по степени частотности типом распространения является определение (12 %).

Частотными являются также вариативные синтаксические повторы с использованием обстоятельств места и образа действия в качестве распространяющего базовую синтаксическую модель члена предложения (по 7 %), а также придаточных предложений, причастных оборотов, предикативов и инфинитивных конструкций (также по 7 %). Примечательно, что гораздо реже автор употребляет в этом качестве еще один тип обстоятельства, а именно – обстоятельства времени, а также отрицательную частицу *nicht* (по 3,5 %).

Процентное соотношение вариаций распространения синтаксических параллелизмов, образующих соответствующие структурные типы, фиксирует Таблица №3, иллюстрирующая использование данного приема в ранних стихотворных произведениях И. Бахман.

Таблица № 3

Период	Тип распространения (%)	Дополнения (%)	Определения (%)	Причастные обороты (%)	Придаточные предложения (%)	Обстоятельства образа действия (%)	Обстоятельства места (%)	Инфинитивные конструкции (%)	Предикативы (%)	Отрицательная частьца <i>nicht</i> (%)	Обстоятельства времени (%)
I период (1943-1962 гг.)		39	12	7	7	7	7	7	7	3,5	3,5

Таким образом, результаты структурно-квантитативного анализа примеров вариативного синтаксического параллелизма с распространением, обнаруженных в стихотворениях первого периода творчества И. Бахман, позволяют резюмировать, что поэтический идиолект австрийской писательницы на данном этапе своей эволюции характеризуется четко выраженной тенденцией к свойственному автору экстравертному речевому поведению. Основанием для подобного заключения послужили, во-первых, количественные показатели частотности синтаксического параллелизма и, во-вторых, структурное многообразие вариаций анализируемого художественного приема.

Что касается второго периода творчества, то и здесь лидирующую позицию по частотности применения занимает неполный синтаксический параллелизм с распространением, однако на втором месте находится синтаксический параллелизм с усечением, и замыкает перечень полный синтаксический повтор.

Изменение процентного соотношения структурных типов синтаксического параллелизма к общему количеству обнаруженных примеров его использования в произведениях второго периода творчества австрийской поэтессы иллюстрирует приведенная ниже Диаграмма № 2.

Диаграмма № 2.

Диахронический ракурс обнаруживает различия и в способах вариативности неполного синтаксического повтора, используемых в

произведениях второго периода творчества. Неполнота синтаксического параллелизма обеспечивается здесь преимущественно вводом в состав параллельных конструкций обстоятельства образа действия, причастных оборотов, придаточных предложений (по 22 %).

На втором месте по степени частотности теперь оказываются вариативные синтаксические повторы с использованием дополнения, определения, а также с введением в состав параллельной структуры отрицательной частицы *nicht* (по 11,3 %). Подчеркнем при этом, что некоторые типы синтаксического параллелизма, выделенные нами в ходе анализа стихотворных произведений первого периода творчества И. Бахман, в произведениях второго периода не представлены вовсе.

Результаты структурно-квантитативного анализа разновидностей неполного синтаксического параллелизма с распространением, встречающихся в поэтических произведениях последнего десятилетия творчества И. Бахман, демонстрирует Таблица № 4.

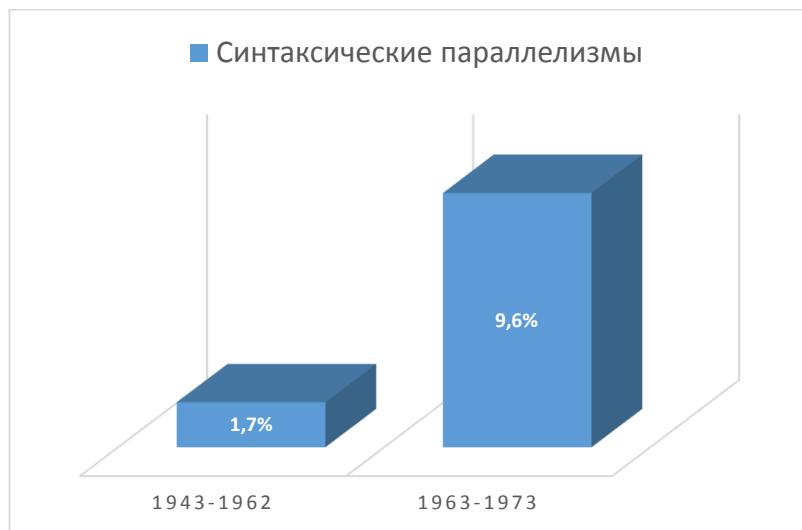
Таблица № 4

Тип распространения (%) Период	Дополнения (%)	Определения (%)	Причастные обороты (%)	Придаточные предложения (%)	Обстоятельства образа действия (%)	Обстоятельства места (%)	Инфинитивные конструкции (%)	Предикативы (%)	Отрицательная частица <i>nicht</i> (%)	Обстоятельства времени (%)
II период (1963-1973 гг.)	11,3	11,3	22	22	22	0	0	0	11,3	0

Необходимо указать, что второй, последний, период творчества И. Бахман связан с пережитыми поэтессой негативными событиями в личной жизни и окрашен эмоциями разочарования и неудовлетворенности, что, безусловно, не могло не повлиять на ее мировосприятие и интерпретацию действительности. Эти изменения находят свое отражение и в создаваемых ею в это время стихотворных произведениях, что манифестируется, в том числе, и на уровне выбора средств текстопостроения, к которым относится синтаксический параллелизм.

Диаграмма № 3 иллюстрирует изменение коэффициента частотности использования синтаксического параллелизма как фигуры распространения стихового высказывания в поэтических произведениях И. Бахман 1-го и 2-го периодов творчества.

Диаграмма №3.

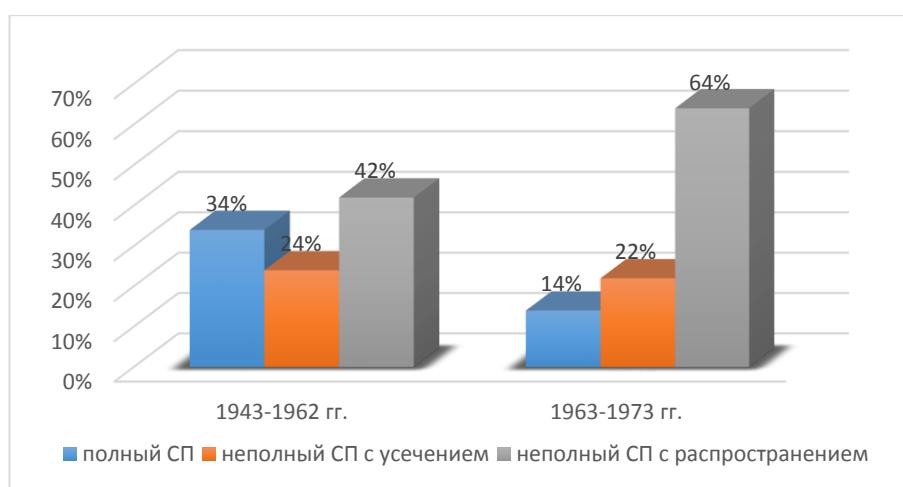
Как явствует из приведенной диаграммы, представляющей результаты сравнительно-сопоставительного анализа квантитативных параметров употребления синтаксических параллелизмов в произведениях Ингеборг Бахман, проведенного в диахронической перспективе, в рамках художественной системы поэтессы прослеживается тенденция к усилению признаков принадлежности автора к экстравертированному психотипу. Убедительным доказательством экстравертированного речевого поведения является, на наш взгляд, не только рост общего количества употребления синтаксического параллелизма, но и увеличение частотности вариативных синтаксических параллелизмов с распространением.

Отметим далее, что при сравнении количественных показателей, наглядно демонстрируемых с помощью приведенных выше Диаграмм 1 и 2, отражающих процентное соотношение типов синтаксического параллелизма в рамках соответствующего временного отрезка, становится очевидно, что в процессе эволюции поэтической системы И. Бахман прослеживается

тенденция к более частотному употреблению неполных синтаксических параллелизмов с распространением и, соответственно, уменьшению количества полных параллелизмов. Доля неполных синтаксических параллелизмов с усечением в общем соотношении синтаксических повторов практически не меняется.

Динамика употребления синтаксических параллелизмов в поэтических произведениях И. Бахман в диахронической перспективе представлена в Диаграмме № 4.

Диаграмма № 4.

Следовательно, рассмотрение первой из трех выделенных нами идиостилевых доминант И. Бахман в диахронической перспективе дает основание утверждать, что свойственная исследуемой элитарной языковой личности склонность к экстравертированному речевому поведению в процессе ее эволюции усиливается.

3.3.2. Парцелляция как индикатор речевого поведения в диахроническом аспекте

К средствам расширения объема языкового высказывания относится и парцелляция, выделяемая нами в качестве второй идиостилевой доминанты исследуемой элитарной языковой личности. Так же, как и синтаксический параллелизм, она представляет собой показатель экстравертированного речевого поведения.

Таблица № 5

Период	Общее количество строк	Количество строк с парцелляцией	Частотность употребления
I период (1943-1962 гг.)	3970	55	1/72 (1,38%)
II период (1963-1973 гг.)	145	17	1/9 (11,7%)
Всего	4115	72	1/57 (1,75 %)

Обнаруженные в ходе исследования парцеллированные конструкции, ранее рассмотренные нами с точки зрения заложенных в них прагматических потенций, направленных на акцентуацию авторского волеизъявления, были подвергнуты также структурно-классификационному анализу, в основу которого был положен критерий распространенности парцеллята посредством одной, двух или более лексических единиц. Результаты анализа, конечная цель которого направлена на выявление закономерностей в использовании данного синтаксического приема в качестве показателя психотипической принадлежности исследуемой языковой личности, отражает Таблица № 6.

Таблица № 6

Период \ Тип парцеллята (%)	1 лекс.ед. (%)	2 лекс.ед. (%)	3 лекс.ед. (%)	4 лекс.ед. (%)	5 лекс.ед. (%)	6 лекс.ед. (%)
I период (1943-1962 гг.)	18,5	22	22	18,5	17	2

Таблица № 6 содержит данные, характеризующие парцеллированные конструкции, обнаруженные в поэтических произведениях И. Бахман 1-го периода творчества. Как видно из таблицы, наиболее частотными в процентном отношении на данном этапе становления художественной системы поэтессы являются двухчленные и трехчленные парцелляты (22 %), увеличивающие объем базовой части стихового высказывания. Количество одночленных парцеллятов (18,5 %), свидетельствующих в пользу низкого

уровня распространенности присоединительной конструкции, компенсируется равным количеством четырехчленных парцелятов (18,5 %).

Следовательно, оба этих параметра не могут быть использованы в качестве критерия оценивания психотипа автора. Однако наличие пятичленных и шестичленных структурных типов в индивидуальной палитре И. Бахман, в совокупности составляющих 19 % от общего количества парцелированных конструкций, позволяет говорить о наличии в психологической организации поэтессы экстравертированных компонентов.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа, осуществленного благодаря используемому в работе диахроническому подходу, подтверждают данное наблюдение. Таблица № 7, отражающая соотношение структурных типов парцелятов в произведениях второго периода творчества И. Бахман, демонстрирует динамику использования данного синтаксического приема в художественной системе поэтессы.

Таблица № 7

Период	Тип парцелята (%)	1 лекс.ед. (%)	2 лекс.ед. (%)	3 лекс.ед. (%)	4 лекс.ед. (%)	5 лекс.ед. (%)	6 лекс.ед. (%)
II период (1963-1973 гг.)		40	16,5	22	16,5	5	0

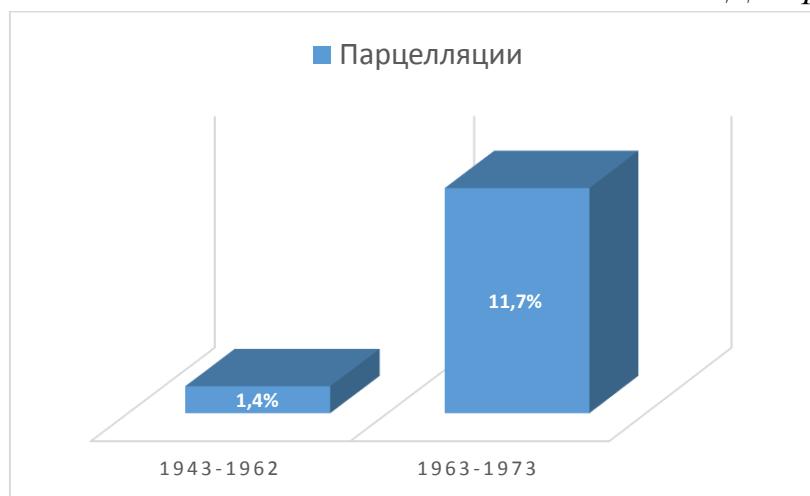
Как видим, здесь наблюдается явное преобладание одночленных, нераспространенных, парцелятов (40%), которое, однако, нивелируется общим количеством всех остальных обнаруженных на данном этапе структурных типов присоединительных конструкций, составляющих 60% от общего количества парцеляций.

Превалирование парцелятов, распространенных за счет двух и более лексических единиц, подкрепляется показателями частотности употребления парцелированных структур во втором анализируемом периоде творчества

поэтессы, свидетельствующими об увеличении плотности употребления данного приема в процессе становления исследуемого идиолекта.

Возрастание коэффициента частотности парцелляций в расчете на 1 стихотворную строку, наглядно демонстрируемое с помощью приведенной ниже Диаграммы № 5, отражает тенденцию к увеличению плотности данного синтаксического приема в процессе эволюции поэтической системы И. Бахман.

Диаграмма № 5.

Следовательно, на основании осуществленного структурного анализа, выполненного в диахронической перспективе, можно констатировать, что количественные и качественные показатели использования парцелляции в качестве средства увеличения объема сообщаемой информации в рамках исследуемой художественной системы свидетельствуют о наличии в индивидуальном почерке И. Бахман тенденции к наращиванию объема предложения, характеризующей речевое поведение экстравертированной личности.

3.3.3. Эллипсис как показатель речевого поведения в диахроническом измерении

Эллипсис, выделяемый нами в качестве третьей идиостилевой доминаты исследуемой элитарной языковой личности и рассмотренный нами ранее в его соотнесенности с характерной для индивидуального стиля И. Бахман

побудительной модальностью, относится исследователями к «фигурам убавления» [Горло 2007а: 130], то есть к приемам уменьшения объема языкового высказывания.

В ходе исследования выявлена довольно высокая степень частотности эллиптических конструкций, позволившая квалифицировать данный синтаксический прием как один из системообразующих элементов идиостиля изучаемой ЭЯЛ. При этом установлено, что в анализируемом идиолекте прослеживается тенденция к опущению одного из главных членов предложения, а именно – сказуемого.

Таблица № 8

Период	Общее количество стихотворных строк	Количество строк с эллипсисом	Частотность употребления
I период (1943-1962 гг.)	3970	71	1/56 (1,78 %)
II период (1963-1973 гг.)	145	2	1/73 (1,98 %)
Всего	4115	73	1/56 (1,77 %)

Анализ корпуса собранных примеров с использованием элементов статистического и стилистико-функционального методов позволил сделать вывод о меньшей степени репрезентативности данного приема в художественной системе И. Бахман и на этом основании сформулировать предварительный вывод о преобладании в речевом поведении поэтессы экстравертированных элементов.

Привлечение диахронического ракурса исследования фактических данных, составляющих корпус собранного нами эмпирического материала, позволило обнаружить важную для подтверждения первоначальной гипотезы закономерность, выражющуюся в снижении частотности употребления эллиптических конструкций и, следовательно, в уменьшении интровертированных компонентов в речевой манере австрийской писательницы, что свидетельствует о становящемся с годами все более

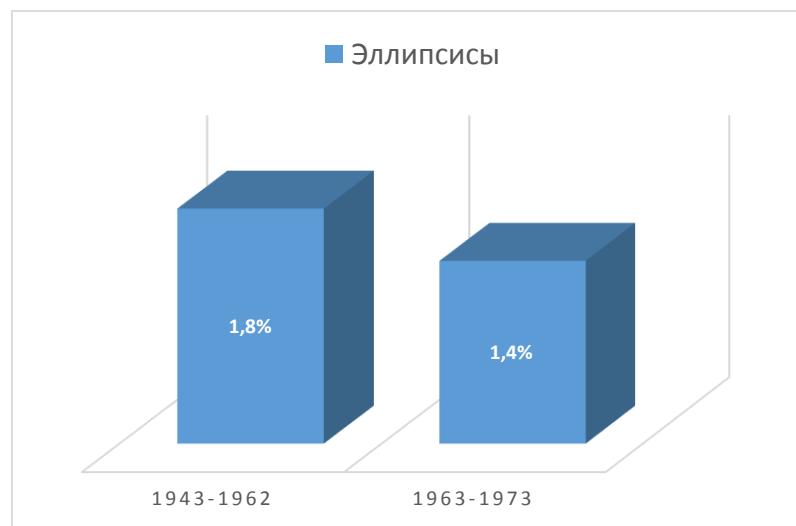
маркантым тяготении к экстравертированному поведению. Данную закономерность наглядно демонстрирует приведенная ниже таблица процентного соотношения подвергнутых элиминации членов предложения в стихотворных произведениях И. Бахман обоих периодов творчества.

Таблица № 9

Период \ Элиминируемый член предложения	Подлежащее (%)	Сказуемое, в т.ч. глагол-связка (%)	Подлежащее + сказуемое (%)	Второстеп. члены предложения (%)
I период	4	65	25	6
II период	0	50	50	0

Снижение коэффициента частотности эллиптических структур и, соответственно, тенденция к уменьшению плотности эллипсиса в расчете на одну стихотворную строку, становящаяся все более заметной в процессе эволюции поэтической системы И. Бахман, наглядно представлены с помощью приведенной ниже Диаграммы № 6.

Диаграмма № 6.

Таким образом, выявленная в ходе изучения фактического материала закономерность, проявляющаяся в снижении репрезентативности в стихотворных произведениях второго периода творчества И. Бахман синтаксического приема, направленного на редукцию объема стихового

высказывания, является дополнительным доказательством усиления в идиостиле поэтессы тенденций, характеризующих речевое поведение экстравертированной личности. Результаты анализа свидетельствуют о том, что в процессе развития поэтической системы указанные тенденции становятся все более заметными.

Выводы по главе III

Как подчеркивалось в теоретической главе настоящей диссертации, идиостиль творческой языковой личности формируется под воздействием совокупности факторов, главным из которых является творческое сознание, подверженное, в свою очередь, определенным изменениям под влиянием жизненных коллизий и накопленного жизненного опыта.

Поэтический почерк Ингеборг Бахман, испытавшей на себе трагедию второй мировой войны и чувствовавшей, как и многие другие немецкоязычные писатели, вину своего народа перед всем человечеством, характеризуется тенденцией к частотному использованию языковых средств, репрезентирующих волонтативную модальность, которая отражает уникальную особенность ее индивидуально-авторской модели мира. В качестве способов, эксплицирующих семантику волеизъявления на синтаксическом уровне организации поэтического текста, выступают синтаксический параллелизм, парцеллированные и эллиптические конструкции.

Согласно представленной в данной диссертации концепции, выбор языковых средств, выступающих в качестве конституентов индивидуального стиля творческого субъекта, коррелирует с системой представлений о мире, сформированной в ментальной сфере данного индивидуума и влияющей на его речевое поведение.

Как указывалось в теоретической части работы, речевое поведение языковой личности детерминировано особенностями ее ментальной сферы. В рамках обозначенной в настоящей диссертации траектории научного поиска специфические характеристики ККМ элитарной языковой личности выявляются посредством анализа синтаксической модели, типичной для индивидуального почерка данного автора. Используемый при этом диахронический ракурс позволяет сфокусировать внимание на изменениях, произошедших в сознании исследуемой ЭЯЛ с течением времени.

В качестве синтаксических средств построения стихового высказывания рассматриваются ключевые (системообразующие) элементы идиолекта И. Бахман, выступающие экспликаторами категории побуждения и создающие эффект синергийного взаимодействия в поэтическом тексте.

В ходе исследования выделенных идиостилевых доминант как имплицитных и эксплицитных форм выражения побуждения в поэтическом синтаксисе И. Бахман выявлено значительное преобладание прямых форм вербализации побудительной модальности, что, во-первых, интерпретируется нами как признак экстравертированного речевого поведения и, во-вторых, подтверждает правомерность отнесения И. Бахман к элитарным языковым личностям.

Рассмотренные сквозь призму дилеммы «экстраверсия / интроверсия» как средства увеличения / уменьшения объема стихового высказывания указанные идиостилевые доминанты трактуются в диссертации как языковые средства, маркирующие психотипическую принадлежность автора.

В процессе анализа поэтического идиолекта И. Бахман обнаружена тенденция к преимущественному употреблению синтаксических моделей, направленных на увеличение протяженности объема информации языкового выражения (синтаксический параллелизм и парцелляция), с одной стороны, и к относительно меньшей репрезентативности в анализируемых стихотворных произведениях эллипсиса как фигуры убавления протяженности стихового высказывания, с другой. Выявленная закономерность дает основание квалифицировать речевое поведение исследуемой элитарной языковой личности как экстравертированное.

Вывод о психотипической принадлежности И. Бахман, сформулированный на основании установленной закономерности, был подтвержден результатами статистической обработки фактических данных с использованием диахронического ракурса исследования.

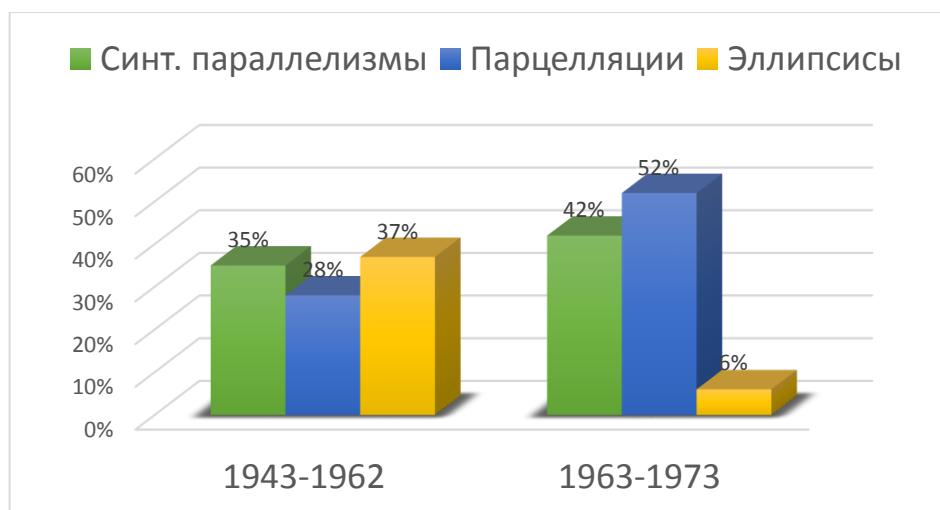
Анализ произведений первого периода творчества И. Бахман позволяет сделать вывод о наличии в идиолекте поэтессы тенденции к

преимущественному использованию эталонной формы императива в качестве доминантного средства выражения повелительного наклонения. В произведениях второго периода творчества указанная тенденция в целом сохраняется при незначительном изменении соотношения эксплицитных и имплицитных форм экспликации категории побуждения.

При этом в ходе анализа фактического материала в диахронической перспективе установлено, что на фоне явного увеличения частотности синтаксического параллелизма и парцеллированных конструкций, используемых в качестве средств расширения объема стихового высказывания, частотность эллипсиса как средства секвестирования объема языковой информации в произведениях второго периода заметно снижается.

Приведенная ниже диаграмма демонстрирует динамику использования всех трех синтаксических конструкций в произведениях обоих периодов творчества И. Бахман. Процентный показатель демонстрирует отношение количества случаев использования каждого приема к общему количеству обнаруженных в поэтических произведениях случаев употребления идиостилевых доминант, составляющих весь корпус примеров.

Диаграмма № 7

Установленную в ходе исследования закономерность, проявляющуюся в увеличении репрезентативности в стихотворных произведениях второго

периода средств расширения объема стихового высказывания на фоне снижения частотности синтаксического приема, направленного на редукцию стихового выражения, следует трактовать, с нашей точки зрения, как убедительное доказательство усиления в идиостиле поэтессы тенденций, характеризующих речевое поведение экстравертированной личности. Результаты анализа позволяют утверждать, что в процессе эволюции поэтической системы исследуемой элитарной языковой личности указанные тенденции становятся все более заметными.

Итак, поэтический синтаксис И. Бахман с течением времени становится более модально «окрашенным», что является, с нашей точки зрения, следствием трансформационных процессов, происходящих в психологической организации данной личности под влиянием изменений в ККМ, и манифестируется посредством увеличения частотности синтаксических конструкций, эксплицирующих волеизъявление автора.

Следовательно, обобщая результаты анализа, выполненного в диахронической перспективе, можно утверждать, что поэтический идиолект И. Бахман, рассмотренный в эволюции, отражает становящуюся со временем все более маркантной направленность поэтессы на диалог с внешним миром, о чем свидетельствует увеличение степени репрезентативности в ее речевой манере экспонентов экстравертированного психотипа личности.

Обнаруженная в ходе исследования тенденция, выражающаяся в увеличении частотности использования языковых средств распространения грамматической структуры предложения с целью увеличения объема содержания стихового высказывания, свидетельствует о том, что ККМ И. Бахман претерпевает в динамике некоторые трансформации, связанные с более отчетливым проявлением в ее психологической организации признаков экстравертированного речевого поведения.

Заключение

Одной из отправных точек осуществленного научного поиска, результаты которого представлены в настоящей диссертации, стало утверждение В.М. Жирмунского о том, что «Художественный стиль писателя представляет собой выражение его мировоззрения, воплощенного в образах языковыми средствами» (цит. по: [Храпченко 1981: 99]).

Согласно базовым постулатам интенсивно развивающейся в последние десятилетия когнитивной лингвистики, мировоззрение, мировосприятие, миропонимание и пр. являются формами проявления мировоззренческого потенциала личности, основным элементом моделирования которого является картина мира [Семенецъ 2004: 51], представляющая собой сложный, личностно обусловленный и вследствие этого уникальный феномен, проявляющийся в индивидуальной текстовой деятельности.

ККМ находит свое воплощение в языковых единицах разных уровней языка, образующих ЯКМ. ПКМ, интерпретируемая нами как обусловленная индивидуальными особенностями языкового сознания творческой личности художественная модель мира, манифестируется в генерируемом художником слова текстовом пространстве.

Правомерность и целесообразность избранной в данной работе исследовательской траектории обусловлены междисциплинарным и интегральным характером лингвистических исследований, осуществляемых в рамках современной антропоцентрической парадигмы в языкоznании, переключившей внимание лингвистов с объекта познания на его субъект, что находит свое выражение в лаконичной, но емкой формуле «человек в языке и язык в человеке» [Маслова 2001: 6].

Реализуемый в работе антропоориентированный подход определил постановку и решение исследовательских задач, направленных на выявление принципов и механизмов корреляции синтаксических особенностей оформления языкового высказывания в поэтическом дискурсе с ментальной

сферой автора, которые, согласно представленной в работе концепции, детерминируются трансформационными процессами, происходящими в ККМ индивида и влияющими на его психологическую организацию.

Поэтому избранный вектор научного поиска, предопределивший использование междисциплинарного подхода с целью комплексного изучения феномена языковой личности посредством анализа ее речеповеденческого потенциала, представляется весьма перспективным, а выполненное исследование – способным внести вклад в развитие положений лингвистической поэтики, грамматики текста, поэтического синтаксиса, теории дискурса, психолингвистики и, в том числе, в актуальное исследовательское направление современного языкознания, получившее название лингвоперсонологии.

Предварительный обзор собранного эмпирического материала, нацеленный на выявление специфических особенностей текстопостроения в рамках исследуемого типа дискурса, обнаружил характерную черту индивидуальной художественной парадигмы И. Бахман, заключающуюся в приоритетном использовании определенных языковых конструкций, а именно: синтаксического параллелизма, парцелляции и эллипсиса в качестве средств репрезентации авторского волеизъявления на синтаксическом уровне оформления стихового высказывания, что позволило отнести их к приемам, маркирующим идиостиль австрийской поэтессы, и рассматривать в качестве ее идиостилевых доминант. Указанное обстоятельство обусловило центральную роль названных языковых явлений в представленной в настоящей работе концепции.

Высокая степень репрезентативности данных синтаксических структур в индивидуальном почерке И. Бахман послужила основанием для разработки синтаксической модели авторского идиостиля, репрезентируемой в виде приведенной ниже схемы и отражающей сложные иерархические отношения между составляющими исследуемого феномена:

В соответствии с задачами заявленного исследования, идиостилевые доминанты были подвергнуты также анализу сквозь призму дилеммы «экстраверсия / интроверсия» и рассмотрены в качестве индикаторов психологической организации художника слова, отражающих динамику становления и эволюции индивидуального сознания элитарной творческой личности.

Таким образом, изучение особенностей поэтического синтаксиса Ингеборг Бахман было сфокусировано на трех языковых средствах построения стихотворного текста, являющихся доминантными для индивидуального стиля исследуемой элитарной языковой личности и отражающих своеобразие ее ККМ – синтаксическом параллелизме, парцелляции и эллипсисе.

Обнаруженное на первом этапе исследования концентрированное использование «эталонной» формы вербализации волюнтаривной модальности позволило квалифицировать императив как грамматическую доминанту исследуемого текстового пространства, свидетельствующую о специфической особенности мировосприятия австрийской поэтессы, выражющейся в ее критическом отношении к действительности.

Релевантной для представленной в настоящей диссертации исследовательской концепции оказалась также выявленная в ходе первого этапа работы закономерность, касающаяся средств манифестации авторского волеизъявления с точки зрения формы воздействия на адресата. Она позволила сделать вывод о преимущественном употреблении в идиолекте И. Бахман прямых (эксплицитных) способов репрезентации побудительной модальности по сравнению с непрямыми (имплицитными) средствами реализации категории побуждения.

Данная закономерность, подкрепленная результатами сравнительно-сопоставительного анализа с привлечением элементов статистического метода, трактуется нами, во-первых, как признак экстравертированности речевой манеры австрийской поэтессы, во-вторых, как подтверждение правомерности ее отнесения к элитарным языковым личностям с присущей им склонностью к максимально активному участию в процессах рецепции и интерпретации воспринимаемой адресатом информации.

Отметим также, что выявленная нами в процессе статистической обработки языковых фактов характерная черта идиостиля австрийской поэтессы является теоретически важным наблюдением, доказывающим справедливость точки зрения немецкого филолога О. Вальцеля, высказанной им в начале прошлого века, относительно свойственного немецкой лингвокультуре «формального волеустремления» [Вальцель 2007: 22].

В результате реализованного в работе диахронического подхода к анализу идиостильевых доминант И. Бахман, позволившего сформировать целостное представление об особенностях эволюции исследуемого идиостиля, были выявлены тенденции в предпочтениях на уровне синтаксиса поэтического текста, подтверждающие выдвинутую на начальном этапе гипотезу о репрезентативном потенциале синтаксических средств, отражающем динамику становления и эволюции индивидуального творческого сознания элитарной языковой личности в его когерентной соотнесенности с психотипической принадлежностью.

Примечательно, однако, что в ходе интерпретационного этапа обработки собранного языкового материала с учетом выделяемых в литературоведении двух периодов творчества поэтессы была обнаружена характерная закономерность, свидетельствующая об увеличении модального потенциала языковых конструкций и, соответственно, о повышении коэффициента частотности идиостилевых доминант, эксплицирующих волеизъявление автора, указывающая на постепенное усиление в индивидуальном почерке И. Бахман признаков экстравертированного речевого поведения, что отражает следующая схема:

Схема № 3

Исследование доминантных для идиостиля Бахман синтаксических приемов в диахронической перспективе позволило также сформулировать вывод о наличии когерентной соотнесенности трансформаций в авторских предпочтениях при выборе средств текстопостроения с эволюцией творческого сознания, которая, в свою очередь, детерминируется изменениями в ККМ языковой личности.

Теоретическая рефлексия источников по теме исследования, а также результаты анализа фактического материала на предмет наличия в нем конституирующих признаков речевого поведения элитарной языковой личности дают основание заключить, что речевая компетентность И. Бахман приближается к эталонному уровню владения языка, к «идеалу языка», по Г.О.

Винокуру. Об этом свидетельствует широкая палитра языковых средств построения стихотворного текста, вбирающая в себя все многообразие форм используемых типов синтаксических параллелизмов, парцеллированных и эллиптических конструкций, а также демонстрируемое на синтаксическом уровне организации поэтического текста, в условиях «единства и тесноты стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов), безупречное владение нормами литературного немецкого языка.

Сложная для восприятия лирика И. Бахман, изобилующая «ассоциативными ходами, символическим смыслом», насыщенностью «историческими, философскими, литературными реминисценциями» [Карельский 1999: 237] и таким образом демонстрирующая верность предшествующей литературной традиции, свидетельствует не только о высокой степени интеллектуальности ее поэзии, но и о склонности поэтессы к открытому выражению волеизъявления, свойственной элитарным языковым личностям как выдающимся представителям соответствующих лингвокультур.

Следует отметить, что лимитированный объем настоящей работы не позволил привлечь к анализу прозаические произведения писательницы и тем самым рассмотреть подробно такие релевантные признаки элитарного типа личности, как полижанровость и полидискурсивность. Изучение языковых особенностей поэтического и прозаического дискурсов И. Бахман в сравнительно-сопоставительном аспекте с целью формирования модели речеповеденческого эталона элитарной языковой личности могло бы стать перспективой исследований в обозначенном в диссертации направлении.

Перспектива исследования видится также в изучении своеобразия лексико-синтаксических средств организации одной либо двух идиолектов на основе анализа лексических и грамматических средств, рассматриваемых в качестве идиостилевых доминант и характеризующих другие художественные системы. При этом самым привлекательным и потенциально результативным направлением лингвистических изысканий, связанных с заявленной

проблематикой, могло бы стать, как представляется, изучение особенностей поэтического / художественного идиолекта с использованием разработанных в настоящей диссертации моделей репрезентации экстравертированного / интровертированного речевого поведения творческой личности.

В заключение считаем возможным и оправданным предположить, что выполненное исследование будет способствовать формированию более углубленного и детального представления о способах реконструкции концептуальной модели мира художника слова, предполагающих привлечение к анализу доминантных признаков речевого поведения творческой личности в процессе создания художественных и, в частности, поэтических текстов.

Думается, что обозначенное нами направление научного поиска и предложенный подход к решению проблемы манифестации уникальности ментальной сферы элитарной языковой личности в языке создаваемых ею произведений позволит начинающим исследователям, а также исследователям, продолжающим научные изыскания в данной области, обнаружить и верифицировать, возможно, иные, в том числе, более сложные закономерности, отражающие отношения между элементами триады «личность – язык – текст».

Список использованной литературы

1. *Абросимова Г.А.* Побуждение как объект лингвистического исследования / Г.А. Абросимова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверск. гос. универ., 2014. – Вып.29. – С. 201-208.
2. *Автономова Н.С.* Рассудок – Разум – Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
3. *Айзенк Г.Ю.* Структура личности. – (Серия: Теории личности). / Г.Ю. Айзенк; пер. О. Исаковой, И. Авидон, О. Шеховцев. – Москва: КСП+; Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 463 с.
4. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
5. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: уч. пособие. – М.: Высшая школа, 1984. – 211 с.
6. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – 766 с. (Избранные труды: в 2 т. Т. 2).
7. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкоznания. – 1995б. – № 1. – С. 37-67.
8. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* Функции языка // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю.Н. Караполов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – С. 609-611.
10. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
11. *Астафьевая И.М.* Лингвистическая природа синтаксических повторов // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1963а. – Т. 28. – Ч. 2. – С. 16-45.

- 12.Астафьева И.М. Стилистическое использование синтаксических повторов // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1963б. – Т. 28. – Ч. 2. – С. 19-50.
- 13.Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 14 с.
- 14.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
- 15.Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. – М.: Советский писатель, 1965. – С. 60-67.
- 16.Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- 17.Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Худож. лит.», 1975. – 504 с.
- 18.Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
- 19.Беляева Е.И. Функционирование языковых единиц в речи и в тексте. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1987. – 169 с. – [Электронный ресурс] – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24237445&selid=24244473> (дата обращения: 23.01.2023).
- 20.Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М: Тривола. – 2000. – 248 с.
- 21.Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – Москва: Генезис, 2006. – 320 с.
- 22.Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Изд-во «АСТ», 2006. – (Философия. Психология). – 446 с.
- 23.Бичекуева Т.Ю. Императив в карачаево-балкарском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 24 с. – [Электронный

ресурс] – URL: <https://www.dissercat.com/content/imperativ-v-karachaevobalkarskom-yazyke> (дата обращения: 12.09.2024).

24. *Богин Г.И.* Современная лингводидактика. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
25. *Богин Г.И.* Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 31 с.
26. *Бойчук Е.И.* Идиостиль и идиолект // Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Е.И. Бойчук, И.А. Воронцова, Е.В. Шляхтина, О.В. Беляева. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – 184 с.
27. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГУ, 2001. – 321 с.
28. *Болотнова Н.С.* Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста / Н.С. Болотнова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы, Москва, 18-21 марта 2004 года / Составители: М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Дедова. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. – С. 286-287.
29. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
30. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкоznания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 255 с.
31. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 207 с.
32. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
33. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 264 с.

- 34.Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 566-567.
- 35.Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
- 36.Борисова Е.Б. Методологические принципы лингвопоэтического изучения литературно-художественного образа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т.1. – № 2. – С. 99-103.
- 37.Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
- 38.Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс (на материале немецкого языка). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Прогресс-традиция, ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
- 39.Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка / Ереван. гос. ун-т; [Ред. коллегия: чл.-кор. АН АрмССР, проф. Г.А. Брутян (отв. ред.) и др.]. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1976. – 294 с. – С. 57-65.
- 40.Бутакова Л.О. Автор и текст: Когнитивная модель и вербальный феномен // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы III филол. Чтений. – Новосибирск, 2002а. – С. 170-174.
- 41.Бутакова Л.О. Когнитивная поэтика: вариант интерпретации текста // Предложение и слово: Межвуз. сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002б. – С.74–81.
- 42.Буянова Л.Ю. Поэтический дискурс как метапространство лингвопроекции языковой личности // Природа. Общество. Человек. – Вестник Южно-Российского отделения Международной академии наук высшей школы. – 1998. – № 1. – С. 36-38.

43. *Вальцель О.* Сущность поэтического произведения // Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шпитцер Л. Проблемы литературной формы: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. В.М. Жирмунского. – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва: КомКнига, 2007. – С. 1-35.
44. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
45. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1958. – 655 с.
46. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. – М.: Гослитиздат, 1961. – 613 с.
47. *Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М. Пешковского, эклектизм и внутренние противоречия / В. В. Виноградов // Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975а. – С. 441-488.
48. *Виноградов В.В.* Исследование по русской грамматике. – Москва: Наука, 1975б. – 559 с.
49. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
50. *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.
51. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку / Предисл. С. Бархударова. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
52. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы / Сост. Т.Г. Винокур; предисл. В.П. Григорьева. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
53. *Витт Н.В.* Эмоциональная регуляция речи: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – М.: Изд-во МГИИЯ им. М. Тореза, 1988. – 49 с.
54. *Волкова А.Е.* Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности / А.Е. Волкова // Вестник

- Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011а. – Т. 1. – № 4. – С. 134-141.
55. *Волкова А.Е.* Импликация семантики побудительности в составе высказываний с непрямой формой побуждения / Развитие и функционирование русского языка // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2, Языкоzn. – 2011б. – № 1 (13). – С. 21-27.
56. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
57. *Гиль О.Г.* Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 272 с.
58. *Голев Н.Д.* Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Монография / Под ред Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
59. *Голев Н.Д.* Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н.Д. Голев, С.А. Максимова, Э.С. Денисова и др.; под ред. Н.В. Мельник; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2009. – 384 с.
60. *Горло Е.А.* Интровертированное / экстравертированное речевое поведение автора поэтических текстов // Вестник Ставропольского государственного университета. – № 53, 2007а. – С. 128-135.
61. *Горло Е.А.* Прагматический потенциал амплификации в стихотворном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007б. – № 2. – С. 20-23.
62. *Горло Е.А.* Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007в. – 46 с.

63. *Грабье Вл.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. – М., 1983. – 312 с. – С. 105-128.
64. *Грамматика русского языка. Синтаксис.* – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1952-1954, 1954. – 703 с.
65. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкоznанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
66. *Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. – М.: Либроком, 2019. – 376 с.
67. *Дреева Дж.М.* Ироническая картина мира Г.Гейне / Дж.М. Дреева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1(155). – С. 130-135.
68. *Дреева Дж.М.* Поэтическая картина мира и феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XVIII-XXI вв.: генезис, становление, языковые особенности: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2012а. – 379 с.
69. *Дреева Дж.М.* Поэтическая картина мира и феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XVIII-XXI вв.: генезис, становление, языковые особенности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012б. – 47 с.
70. *Дреева Дж.М.* Феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии: генезис, становление, языковые особенности. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012в. – 214 с.
71. *Дреева Дж.М.* Стих и язык. Ритмико-синтаксическая организация немецкой эпической поэмы / Дж.М. Дреева; Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2020. – 194 с.

72. Дреева Дж.М., Абдукадырова Т.Т. Императив в поэтическом тексте как отражение особенностей индивидуально-авторской картины мира в аспекте художественного перевода: Монография. – Владикавказ: ООО НПКП «МАВР», 2023. – 160 с.
73. Дреева Дж.М., Биджелова Б.А. Стиховой перенос как отражение особенностей индивидуального стиля автора (на материале стихотворных произведений Ф.Г. Кlopштока и И.В. Гете) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – [Электронный ресурс] – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19535> (дата обращения: 30.03.2022).
74. Дреева Дж.М., Гиголаева И.Р. Средства выражения побуждения в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений Камала Ходова) // Современные проблемы науки и образования. – Владикавказ, 2015. – № 2. – [Электронный ресурс] – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23871> (дата обращения: 20.11.2019).
75. Дреева Дж.М., Семенова Т.В. Языковая презентация индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова: ИП Цопанова А.Ю., 2019. – 170 с.
76. Дреева Дж.М., Толпарова Дз.В. Поэтический текст как отражение особенностей картины мира художника слова (на материале стихотворных произведений К.Л. Хетагурова) // Коста Хетагуров в контексте культуры России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию Коста Левановича Хетагурова. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – С. 139-147.
77. Дреева Дж.М., Толпарова Дз.В. Парцелляция как средство отражения своеобразия индивидуально-авторской картины мира в поэтическом тексте / Дж.М. Дреева, Дз.В. Толпарова // Германстика в современном научном пространстве: Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный

университет, 2020. – С. 66-73. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43954984> (дата обращения: 15.09.2024).

- 78.Дреева Дж.М., Толпарова Дз.В. Эксплицитные и имплицитные средства реализации волонтативной функции языка в немецкой и осетинской лингвокультурах: к проблеме национальной картины мира // Известия СОИГСИ. – 2021. – Выпуск 42(81). – С. 99-106.
- 79.Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Издательство «Наука»; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. – 267 с.
- 80.Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [В 2 т.]. – Москва: Русский язык, 2000. – Т. 2. – 1084 с.
- 81.Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
- 82.Загуменнов А.В. Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В.В. Колесова // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26. – № 1. – С. 108-116.
- 83.Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 544 с.
- 84.Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Изд-во Московского университета, 1962. – 327 с.
- 85.Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: Кн. для учителя. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
- 86.Золян С.Т. От описания идиолекта к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX века. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989. – С. 238-259.

87. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Изд. 2, перераб. и доп. – М.: URSS, 2014. – 336 с.
88. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Томск: ТГУ, 2010. – 158 с.
89. Иосифова В.Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: Дисс. ... докт. филол. наук. / Иосифова Вера Евгеньевна. – Москва, 2012. – 432 с. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19261453> (дата обращения: 15.03.2022).
90. Казакова И.Н. Элитарная языковая личность в портретном интервью: аспекты коммуникативного поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – [Электронный ресурс] – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12701>. (дата обращения: 28.04.2023) (дата обращения: 08.05.2020).
91. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 260 с.
92. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов. – Волгоград: Издательство ВГПУ "Перемена", 1999. – С. 3-18.
93. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
94. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
95. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ. – 2011. – № 8. – С. 109-113. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-kak-predmet-izucheniya-antropologicheskoy-lingvistiki> (дата обращения: 24.08.2024)

96. *Карасик В.И.* Дискурс // Дискурс-Пи. – 2015. – №3-4. – С. 146-149. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs> (дата обращения: 16.04.2024).
97. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 704 с.
98. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989. – 216 с. – С. 3-10.
99. *Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык писателя. – №39, 2001. – [Электронный ресурс] – URL: <http://rus.1sept.ru/article.php?ID=200103907> (дата обращения: 06.04.2022)
100. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – 7-е. изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
101. *Карельский А.В.* Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 2: Хрупкая лира. Лекции и статьи по австрийской литературе XX века / Сост. Э.В. Венгерова. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 303 с.
102. *Катермина В.В.* Гастрономическая картина мира в творчестве А.П. Чехова / В.В. Катермина // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 402-407.
103. *Киреева Ю.Н.* Идиостильевые доминанты в текстовом пространстве В. Токаревой. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2016. – 24 с.
104. *Ковтунова И.И.* Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. – Том 1. / И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова (отв. ред.) и др. – М.: Азбуковник, 2005. – С. 239-297.

105. *Колесов В.В.* Концептуальное поле русского сознания. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. – 612 с.
106. *Колищанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
107. *Кострова О.А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учебное пособие для вузов. – М.: Флинта, 2004. – 240 с.
108. *Котюрова М.П.* Научный текст и стиль мышления ученого // Вестник Пермского университета. Серия «Лингвистика». – Пермь, 1996. – №2. – С. 32-34.
109. *Котюрова М.П.* Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) // Стилистика энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
110. *Красильникова В.Г.* Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 237 с.
111. *Криницына Е.С.* Особенности идиостиля писателя в когнитивном аспекте (на материале сборника эссе Р. Брэдбери «Дзен в искусстве написания книг») // Вестник ЧелГУ, 2019. – №4 (426). – Филологические науки. – Вып. 116. – С. 109-114.
112. *Кубарева Е.Е.* Эксплицитные и имплицитные побудительные конструкции в английском языке (в сопоставлении с русским). // Сопоставительный лингвистический анализ. Научные труды. – Куйбышев, 1977. – 202 т. – 82 с.
113. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. — Изд. 4-е, стер. – М.: URSS, КомКнига, 2007. – 269 с.
114. *Курячая Е.И.* Полнота репрезентации когнитивной доминанты идиостиля писателя как критерий оценки перевода игрового текста //

- Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2 (33). – С. 82. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/31.html> (дата обращения: 10.05.2024).
115. *Кушу С.А.* Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира (на материале языка оригиналов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки): Автореф. Дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2004. – 24 с.
116. *Леденева В.В.* Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – 2001. – №5. – С. 38-41.
117. *Липгард А.А.* Основы лингвопоэтики: Учебное пособие. Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2007. – 168 с.
118. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
119. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текст: Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
120. *Маккензен Л.* Немецкий язык. Универсальный справочник. – М.: «Аквариум», 1998. – 592 с.
121. *Малинович Ю.М.* Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: Коллективная монография к юбилею член-корреспондента РАН, доктора филологических наук Нины Давидовны Арутюновой / Ю.М. Малинович, Н.Г. Виноградова, М.В. Малинович [и др.]. – Иркутск-Москва: Иркутский государственный лингвистический университет, 2003. – 251 с.
122. *Малинович Ю.М.* Антропологическая лингвистика: Человек. Язык. Культура. Лингвофилософские исследования / Ю.М. Малинович; науч. ред. М.В. Малинович; отв. ред. И.П. Амзаракова. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2025. – 336 с.

123. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец, вузов. Москва: Высшая школа, 1987. – 2-е изд., перераб. и доп. – 272 с.
124. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
125. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 266 с.
126. *Маслова Ж.Н.* Краткое описание основных положений когнитивного исследования поэтического текста // Проблемы когнитивной лингвистики. – Известия ВГПУ, 2011. №2. – с. 38-40. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkoе-описание-основных-положений-когнитивного-исследования-поэтического-текста> (дата обращения: 22.04.2025).
127. *Матвеева Г.Г.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
128. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21384362> (дата обращения: 20.02.2025).
129. *Москальская О.И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1981. – 183 с.
130. *Москальская О.И.* Актуальные проблемы грамматики текста // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 2. – С. 3-8.
131. *Набокова Н.А.* Стилевые доминанты художественного мира Вирджинии Вулф // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 45. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-dominanty-hudozhestvennogo-mira-virdzhinii-vulf> (дата обращения: 18.12.2024).

132. *Некрасова Е.А.* А Фет, И. Анненский: Типологический аспект списания. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
133. *Новиков Л.А., Преображенский С.Ю.* Грамматический аспект описания идиостилей: синтаксическая доминанта // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев, И.И. Ковтунова, О.Г. Ревзина и др. / Под ред. В.П. Григорьева. – Москва: Наука, 1990. – С. 56-81.
134. *Норман Б.* Основы языкоznания. Функции языка // Русский язык. – Москва: Первое сентября, 2001. – № 45. – [Электронный ресурс] – URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200104508> (дата обращения: 28.06.2025).
135. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка – М.: Азъ, 1993. – 907 с.
136. *Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. – 2013. – № 2. – С. 72-81.
137. *Перлова Ю.В.* Прямое и косвенное побуждение в рекламных слоганах // Экономический вектор. – 2019. – №3 (18). – С. 46-48.
138. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Изд. 7-е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
139. *Пицальникова В.А.* Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 1992. – 74 с.
140. *Пицальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопоэтику. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – 211 с.
141. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. Учебное издание. – М.: ACT: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
142. *Попова Н.С.* К вопросу об эффективном речевом воздействии на молодежь / Н.С. Попова // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-

- практической конференции. В 2-х томах, Воронеж, 29 мая 2013 года. Том 2. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2013. – С. 431- 434.
143. *Попова О.В.* Тип личности как детерминанта вербального поведения политика (на материале англоязычного политического дискурса): специальность 10.02.19 "Теория языка": Дисс. ... канд. филол. наук. / О.В. Попова. – Москва, 2020. – 222 с.
144. *Поспелов Н.С.* О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – 413 с.
145. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 216 с. – С. 8-69.
146. *Потапова Т. В.* Императив как древнейшая грамматическая форма с предикативным значением / Т. В. Потапова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2020. – № 1. – С. 229-233.
147. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – М., 1989. – [Электронный ресурс] – URL: <https://studfile.net/preview/401984/> (дата обращения: 02.06.2020).
148. *Почепцов Г.Г.* Фатическая метакоммуникация Текст. / Г.Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств. Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1981. – 126 с.
149. *Пупынин Ю.А.* Усвоение системы русских глагольных форм ребенком (ранние этапы) // ВЯ. – 1996. – №3. – С. 84-94.
150. *Путрова М.Д.* Повтор-усилитель как средство экспликации гендера // Вестник Полоцкого госуд. ун-та. Серия А. № 2. – С. 74-79. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-usilitel-kak-sredstvo-eksplikatsii-gendera/viewer> (дата обращения: 21.03.2025).

151. *Радченко О.А.* Язык как миросозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
152. *Саранцацрай Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс. докт. филол. наук. – М., 1993. – 48 с.
153. *Семенець О.О.* Синергетика поэтичного слова. Кіровоград: Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
154. *Семенова Т.В.* Особенности языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе (на материале свободного стиха У.Х. Одена): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2019. – 190 с.
155. *Сепир Э.* Избранные труды по языкоznанию и культурологии. – М.: Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
156. *Сеченов И.М.* Избранные произведения. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 332 с.
157. *Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16-28.
158. *Склярова О.С.* Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты репрезентации элитарной языковой личности писателя в художественном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2021. – 20 с. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokognitivnyi-i-lingvokulturnyi-aspeky-reprezentatsii-elitarnoi-yazykovoi-lichnosti-pis/read> (дата обращения: 28.10.2022).
159. *Соколов А.Н.* Теория стиля. – М.: Искусство, 1968. – 223 с.
160. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

161. *Старкова Е.В.* Проблемы понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного университета. – Киров, 2015. – С. 76-79.
162. *Супрун А.Е.* Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. – Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
163. *Суровцев В.А., Сыров В.Н.* Языковая игра и роль метафоры в научном познании. – [Электронный ресурс] – URL: <https://studfile.net/preview/9088670/page:5/>. (дата обращения: 15.04.2023).
164. *Тарасова И. А.* Введение в когнитивную поэтику: Учебное пособие по спецкурсу / И. А. Тарасова. – Саратов: Научная книга, 2004. – 48 с.
165. *Тарасова И.А.* Когнитивная поэтика в лингвокультурологической перспективе // Языковое бытие человека и этноса. – 2008. – №14. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-poetika-v-lingvokulturologicheskoy-perspektive> (дата обращения: 17.04.2021).
166. *Телия В.Н.* Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
167. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
168. *Толпарова Дз.В., Дреева Дж.М.* Синтаксический параллелизм как маркер своеобразия идиостиля творческой языковой личности (на материале стихотворных произведений И. Бахман) // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2020. – С. 96-101.
169. *Толпарова Дз.В.* Когнитивная метафора как маркер элитарности языковой личности / Д. В. Толпарова // Современный ученый. – 2023. – № 4. – С. 70-76.
170. *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – 317 с.

171. *Тупиця О.* Особливості організації поетичної картини світу. – Полтава, 2009. – С. 98-104. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/51798342/> (дата обращения: 19.05.2025).
172. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. – Л.: Academia, 1924. – 138 с.
173. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – 301 с.
174. *Уварова Л.Ю.* Ингеборг Бахман. Магия слова, поэзия и философия / Л.Ю. Уварова // Stephanos. – 2020. – № 4(42). – С. 117-125.
175. *Узнадзе Д.Н.* Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе; под ред. И.В. Имададзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
176. *Ухтомский А.А.* Письма // Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. – М.: Сов. писатель, 1973. – 435 с.
177. *Ухтомский А.А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
178. *Фатеева Н.А.* К вопросу об изучении идиостиля Ф.М. Достоевского / Н.А. Фатеева // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2022. – № 1(31). – С. 171-182.
179. *Фаткулина Ф.Г.* Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий // Казанский лингвистический журнал. – 2020. – Т. 3. – № 1. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-i-lingvokultura-sootnoshenie-ponyatiy/viewer> (дата обращения: 24.10.2022).
180. *Федоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высшая школа, 1971. – 195 с.
181. *Федоров А.А.* Введение в теорию и историю культуры: словарь / А.А. Федоров. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2017. – 463 с. –

- [Электронный ресурс] – URL: <https://terme.ru/termin/kultura-elitarnaja.html> (дата обращения: 12.03.2023).
182. *Фомичева Е.В.* Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики // Современные проблемы науки и образования, 2009. – № 4. – [Электронный ресурс] – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1221> (дата обращения: 10.11.2021).
183. *Фосслер К.* Грамматические и психологические формы в языке // Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шпитцер Л. Проблемы литературной формы: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. В.М. Жирмунского. – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва: КомКнига, 2007. – С. 148-190.
184. *Фуко М.* Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996а. – 208 с. – (Серия «OPERA AP АКТА», Вып. 1).
185. *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине. – М., 1996б. – С. 47-96.
186. *Хеджес П.* Анализ характера, или типология по Майерс-Бриггс. – (Серия: Психология успеха). – М.: ЭКСМО, 2003. – 318 с.
187. *Холшевников В.Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учеб. пособие для студ. филол. фак. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 208 с.
188. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – М.: АН СССР, 2001. – 271 с.
189. *Храпченко М.Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы // Собр. соч. – Т.3. – М.: Худож. лит., 1981. – 430 с.
190. *Цумарев А.Э.* Парцелляция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

191. *Цуциева М.Г.* Лингвоперсонология как исследовательское направление в современной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-2. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologiya-kak-issledovatelskoe-napravlenie-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 20.03.2025).
192. *Чивилева И.В.* Личностные характеристики активности и их проявления в речи: Дисс. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2005. – 305 с.
193. *Шендельс Е.И.* Грамматика немецкого языка: Учебник для педаг. институтов иностр. языков и филол. факультетов университетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954. – 367 с.
194. *Шендельс Е.И.* Роль когерентности в грамматике текста // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. – № 284. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1987. – С. 86-92.
195. *Шмелев Д.Н.* Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955.
196. *Шпитцер Л.* Словесное искусство и наука о языке // Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шпитцер Л. Проблемы литературной формы: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. В.М. Жирмунского. – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва: КомКнига, 2007. – С. 189-216.
197. *Эйхенбаум Б.* О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – 552 с.
198. *Эткинд Е.Г.* Поэзия и перевод. – М.: Советский писатель, 1963. – 431 с.
199. *Юнг К.Г.* Психологические типы / Пер. с нем. – СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. – 656 с.
200. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 155 с.
201. *Якобсон Р.О.* Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 99-133.

202. *Allayorov T.R.* Linguopoetic properties of imperative structures used in poetry // ISJ Theoretical & Applied Science. – 04 (108). – 2022. – PP. 756-758. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48409508> (дата обращения: 26.03.2025).
203. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – 2. Aufl. – Düsseldorf: Schwann, 1971. – 939 S.
204. *Grebe P.* Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Band 4. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 1959. – 699 S.
205. *Dijk T.A. van.* Discourse, knowledge, power and politics. – John Benjamins Publishing Company, 2011. – 39 p.
206. *Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung: Lessing – Goethe – Novalis – Hölderlin. Leipzig, 1988. – 473 S.
207. *Elit St.* Lyrik: Formen – Analysetechniken – Gattungsgeschichte. Paderborn, 2008. – 250 S.
208. *Foley W.A.* Anthropological Linguistics: an introduction. – Oxford: Basil Blackwell, 1997. – 495 p.
209. *Foucault M.* L ‘Ordre du discours. – Paris: Gallimard, 1971.
210. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen, 1972. – 524 p.
211. *Greenberg J.H.* Anthropological linguistics: an introduction. – New York: Random House, 1968. – 212 p.
212. *Haas M.* Language, culture, and history: essays. – Stanford University Press, 1978. – 382 p.
213. *Habschied S.* Analyse und Interpretation von Lyrik: Rechtweite und Grenzen der Textlinguistik // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – B. 51. – 2021. – S. 27-41. – [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.1007/s41244-021-00188-1> (дата обращения: 25.04.2023).
214. *Heusler A.* Deutsche Verskunst. – Berlin, 1951. – 175 S.

215. *Hopkins G.M.* Poetic Diction // The Journals and Papers of Gerald Manley Hopkins. – ed. H. House and G. Storey. – London: Oxford University Press, 1959. – 579 p.
216. *Humboldt W. von.* Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes (Auszug) // Der Paradigmenwechsel in der Sprachphilosophie: Studien und Texte / hrsg. von E. Braun. – Darmstadt, 1996. – SS. 177-184.
217. *Kloepfer R., Oomen U.* Sprachkiche Konstituenten moderner Dichtung: Entwurf einer deskriptiven Poetik (Rimbaud). – Bad Homburg v.d.H.: Athenäum, cop. 1970. – 231 S.
218. *Koschel Chr., Weidenbaum I. von.* Ingeborg Bachmann Wir müssen wahre Sätze finden. Gespräche und Interviews. – München: Piper-Verlag, 1983. – S. 40.
219. *Larcati A.* Ingeborg Bachmanns Poetik. – Darmstadt: WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), 2006. – 279 S.
220. *McVittie F.* The poetics of thought. Cognitive metaphors. – [Электронный ресурс] – URL: <https://poeticsofthought.wordpress.com/2009/09/09/conceptual-metaphors/>. (дата обращения: 23.03.2023).
221. *Raag N.J.* Morphosemantik und Kulturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – B. 49. – 2019. – S. 175-196. – [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.1007/s41244-019-00129-z> (дата обращения: 26.04.2023).
222. *Storz G.* Sprache und Dichtung. – München: Kösel, 1957. – 422 S.
223. *Walzel O.* Das Wortkunstwerk: Mittel seiner Erforschung. – Leipzig: Quelle & Meyer, 1926. – 348 S.

Список источников:

1. *Bachmann I.* Anrufung des grossen Bären. Gedichte. – München: R. Piper & Co Verlag, 1961. – 90 S.
2. *Bachmann I.* Malina. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. – 355 S.
– [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-malina> (дата обращения: 10.11.2024).
3. *Bachmann I.* Ausgewählte Werke. Gedichte. Hörspiele. Schriften. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – B. 1. – 197 S.
4. *Bachmann I.* Sämtliche Gedichte. – München: Piper Verlag GmbH, 2002. – 240 S.
5. Ingeborg Bachmann // Projekt Deutsche Lyrik. – [Электронный ресурс] – URL: <https://deutschelyrik.de/bachmann.html> (дата обращения: 25.05.2023).

Список сокращений, используемых для обозначения анализируемых в работе сборников произведений:

AgB – Anrufung des grossen Bären. Gedichte.

M – Malina.

AW – Ausgewählte Werke. Gedichte. Hörspiele. Schriften.

SG – Sämtliche Gedichte.

PDL – Projekt Deutsche Lyrik.

Список использованных в работе сокращений

ККМ – концептуальная картина мира

ПКМ – поэтическая картина мира

ССЦ – сложное синтаксическое целое

ЭЯЛ – элитарная языковая личность

ЯКМ – языковая картина мира